ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1988

ЖИВОПИСЬ ТАМАРЫ ГЛЫТНЕВОЙ

ДЕЛОВЫЕ АЛЬТРУИСТЫ

ВЫСТРЕЛ НА ГРАНИЦЕ

ЭТОТ СИЛЬНЫЙ СЛАБЫЙ ПОЛ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (3185)

6 — 13 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Рыбачки.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 18.07.88. Подписано к печати 02.08.88. А 10380. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2689.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Леонид ЛЕРНЕР
Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

СОГЛАСИТЕСЬ, НЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЫВАЕТ ТАКОЕ: В ШКОЛУ-ИНТЕРНАТ ЯВЛЯЮТСЯ НИКЕМ НЕ УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ЛЮДИ, ВООРУЖЕННЫЕ САНТИМЕТРОМ, И, ИЗМЕРИВ ПАРАМЕТРЫ МАЛЬЧИШЕК И ДЕВЧОНОК, ОДЕТЫХ В СЕРОЕ КАЗЕННОЕ ПЛАТЬЕ, СПУСТЯ ВРЕМЯ ПРИВОЗЯТ РЕБЯТАМ КРАСИВУЮ, УДОБНУЮ И БЕСПЛАТНУЮ ОДЕЖДУ...

ДЕЛОВЫЕ АЛЬТРУИ

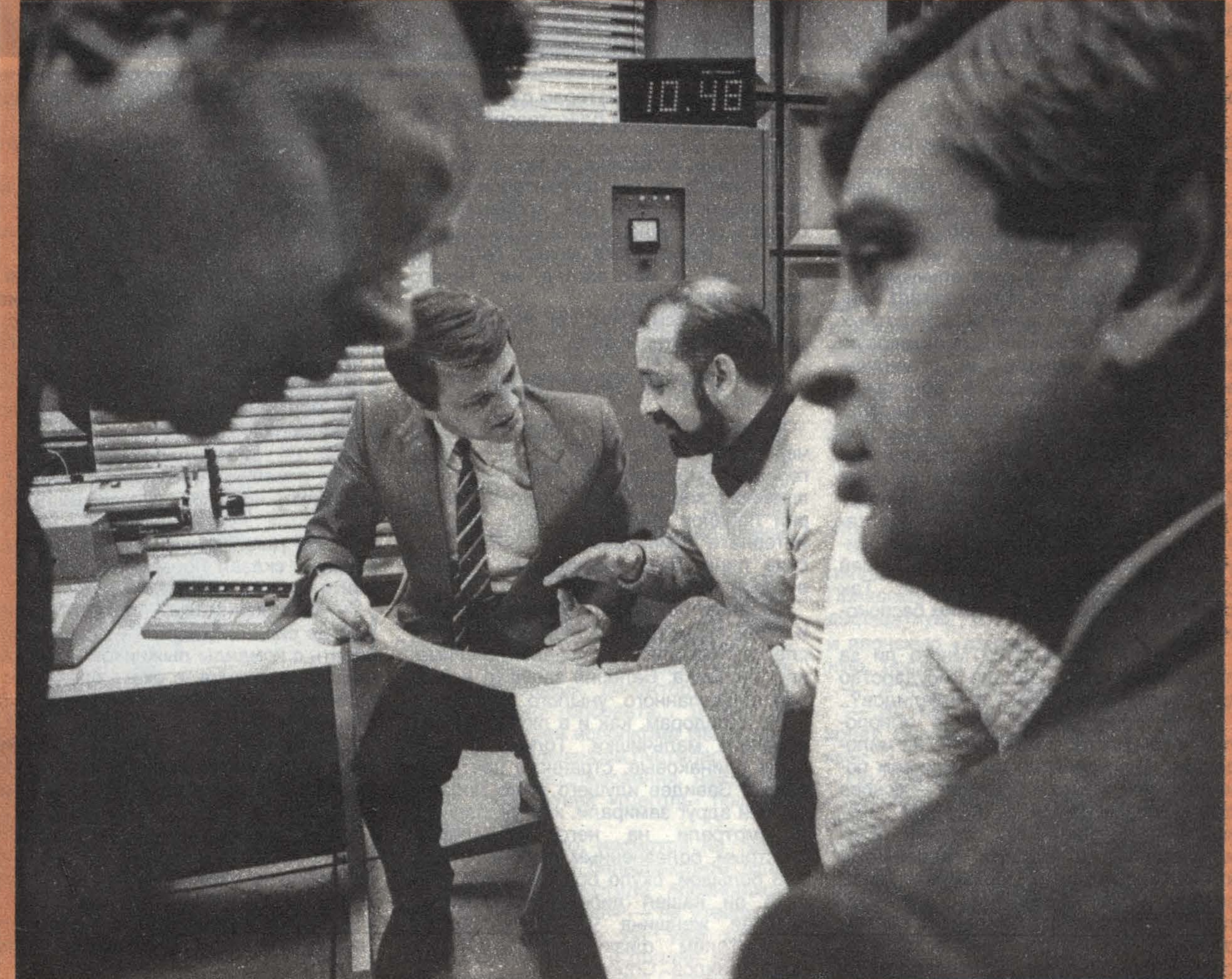
Не утверждаю, что никто и никогда не шил у нас в стране бесплатно для детских домов. И, наверное, прав будет читатель, переместив акцент удивления на другое: как это — никем не уполномоченные? Существуют ли у нас предприятия, где добрые дела, прежде чем стать явью, не были бы предварительно заверены известным «треугольником»?

Есть такие предприятия. Вернее сказать — уже существуют. А какова будет их дальнейшая судьба?..

В те дни, когда воспитанники той самой школы-интерната катили на весенние каникулы в Москву по путевкам, оплаченным их неофициальными шефами — швейным кооперативом «Щеголь», в ленинградском еженедельнике «Диалог» сообщалось буквально следующее:

«Социализм в нашей стране оказался организмом, со всех сторон облепленным социальными паразитами, тянущи-

ми из трудящихся соки. Это им, миллионерам-паразитам и их прихлебателям, нужно повышение цен, создание под видом кооперативных по существу капиталистических предприятий...»

Безапелляционность этих слов в известной степени отражает мнение, сложившееся вокруг кооператоров. Престиж этого движения, подорванный в самом начале «гангстерами» от кооперации, до сих пор не может подняться на должную высоту. И сегодня, скажем, в Москве, на Рижском рынке, продаются пятидесятирублевые блузки, которые расползаются после первой же стирки.

Пустая вафельная трубочка стоит у кооператоров чуть не в два раза дороже, чем первоклассное государственное пирожное «эклер».

Сто граммов бастурмы в кооперативной шашлычной «Аревик» идут по баснословной цене — 7 рублей 50 копеек.

День работы в привокзальном кооперативном туалете приносит его обслуге 1000 рублей чистоганом!

Эти сведения я получил в московском информационно-справочном кооперативе «Факт», который ведет и социологические наблюдения в среде кооператоров.

Кто есть кто?

Информация «Факта» наводит порой на грустные размышления. И все же позволяет сделать вполне оптимистический вывод: кооперативное движение, которому нет еще и года, уже разделилось на две непримиримые категории.

Одна (назову ее первой, ибо благодаря умению пользоваться моментом природный жулик быстрее всех ворвался на кооперативный рынок) состоит из людей, которые делают деньги под девизом «После меня хоть потоп». В обстановке сплошного дефицита это не трудно. Главное — успеть сорвать куш, пока рынком не завладел подлинный кооператор. Тот, для которого важна не сиюминутная нажива, а прочная постановка дела по принципу: труд и доходы — прямо пропорциональны.

Торговый кооператив «Запорожец» 10 процентов закупаемых овощей и фруктов отдает в детские дома.

Днепропетровские кооперативы установили стипендии студентам, ухаживающим за инвалидами.

Московское «Кафе 44» поддерживает молодые таланты — художников, музыкантов, актеров.

Большая часть доходов московского досугового кооперативного центра пойдет на благотворительность.

Десятки лет филантропия, давно уже ставшая во многих странах нормой жизни, была у нас в полном загоне. Слово это, означающее «любовь к человеку», прослыло чуть ли не ругательным. Почему? Да потому что предполагает конкретные гуманные деяния конкретных людей. А такие деяния в полувековую эпоху наших культов не ставились в грош. Это, во-первых. А во-вторых, подразумевалось, что благотворительность — не что иное, как ширма для эксплуататоров: грабят трудящихся, а для отвода глаз навешивают на себя фиговый листок милосердия. Это казалось логичным. Многим до сих пор кажется. А кажется потому, что нас приучили считать: о человеке в нашей стране позаботится государство. Так стоит ли в таком случае самим беспокоиться?

Что же в результате? Много ли за прошедшие годы сделало государство для престарелых, сирот и инвалидов?..

Перестройка рушит многие монополии, в том числе и монополию на милосердие. И постепенно мы начинаем понимать, что забота о ближнем — основа основ нравственности каждого конкретного человека. Со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров хлынул целый поток призывов к милосердию. И вот кооператоры, эти «миллионеры-паразиты», одними из первых откликнулись на этот призыв. Московское кафе «Радуга», открывшее цикл благотворительных утренников и вечеров, по совету «Факта» обратилось к столичным кооператорам с предложением основать свой благотворительный фонд.

Читатель, возможно, и тут возразит: не является ли сия филантропическая деятельность попыткой кооператоров создать себе положительный резонанс? Что же, очень даже может быть. Но и в этом, на мой взгляд, нет ничего предосудительного.

Однако посмотрим, как это происходит в конкретном деле.

«ПРОШУ ЗАПРЕТИТЬ»

В ноябре прошлого года, проезжая через поселок Лосиный, что на окраине города Березовского, председатель швейного кооператива «Щеголь» Валерий Лобанов заметил в окнах школы-интерната приникшие к стеклам детские лица. Дети равнодушно глядели в серое ненастье улицы.

Лобанов остановил машину. Вышел и вновь посмотрел на окна: лица детей слегка оживились, их привлекло внимание человека. Валерий зашагал к дверям обшарпанного, унылого здания.

По коридорам, как и в любой школе, носились мальчишки. Только у этих были одинаковые, странного цвета рубашки. Завидев идущего мимо Лобанова, они вдруг замирали, как вкопанные, и смотрели на него исподлобья, с острым, болезненным любопытством.

В большой, скупо обставленной комнате он нашел директора. Пожилая усталая женщина что-то обсуждала с учителем физкультуры. Лобанов представился. Спросил:

— Скажите, чем бы мы могли вам помочь?

Директор взглянула на него и пожала плечами.

— Шефов у нас хватает. Помогают... А вас, простите, кто прислал?

— Никто,— сказал Лобанов.— Мы же кооператив. Все решаем сами.

— И что же вы решили? — спросила она.

— А вот что,— ответил Лобанов.— Одежда у ваших ребят, так мне кажется, не ахти. Сразу не обещаю, но постепенно можем обшить весь интернат.

Помолчали. Директор задумчиво листала какой-то гроссбух.

— Вы это серьезно? — наконец, промолвила она.— Откровенно говоря, уже давно не верю обещаниям. Сколько у нас перебывало всяких шефов! Наобещают с короб, а принесут на донышке...

— На днях приеду с модельером,— вставая, сказал Лобанов.— А вы подумайте, с кого начнем.

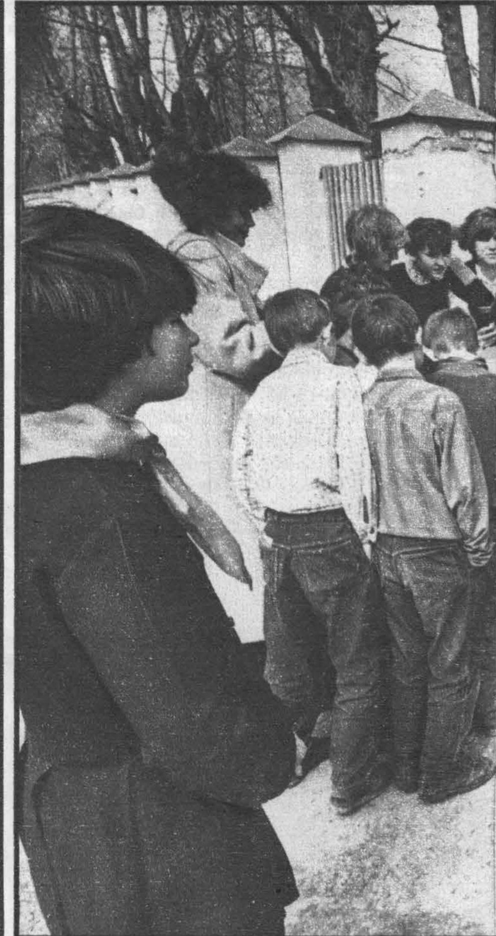
— Мне кажется,— сказал молчавший до сих пор учитель,— что надо бы начать с команды лыжников. Через месяц соревнования, а ехать практически не в чем — спортивной формы-то у ребят нет.

...Полгода спустя, приехав в Березовский, я поинтересовался у Лобанова, во сколько обошелся кооперативу первый подарок.

— Если бы мы продали эти спортивные костюмы в магазине, то выручили бы почти 2 тысячи рублей,— ответил он.

— А как реагируют на вашу благотворительность в Березовском исполкоме?

— Никак. Они об этом попросту не знают.

— У вас с исполкомом неважные отношения?

— Как вам сказать? У нас ведь только помещение в Березовском, а зарегистрированы мы в Свердловске. Там же находится наш гарант. Там же реализуем свою продукцию. Исполком, правда, настаивает, чтобы часть наших изделий оставалась в местном торге, продукция «Щеголя» пользуется спросом. Идем навстречу. Но особого желания вступать с Березовским исполкомом в контакт у нас нет. Слишком горька память о его «заботе».

Меня удивило, что такой мощный, по нынешним меркам, кооператив, имеющий почти двухсоттысячный денежный оборот в квартал (столько же имеют все, вместе взятые, кооперативы Березовского), производящий швейные изделия десятков наименований, не жалуют в Березовском. Более того: как местные власти могли допустить, чтобы такое предприятие «перехватил» Свердловск?

Оказалось: не только допустили, но сделали для этого все возможное. 18 раз ходил Лобанов на регистрацию в Березовский исполком, и все 18 его попыток были успешно отбиты. Как в неприступной крепости, вел себя в своем кабинете бывший одноклассник Валерия, а ныне — поднаторевший молодой чиновник, заместитель председателя горисполкома Леонид Сергеевич Савин. Я зашел к Савину.

За столом сидел крепко сбитый человек с широким, твердо очерченным лицом.

— Что вас интересует? — осведомился он.

Я изложил свой вопрос: почему «Щеголю» не дали зарегистрироваться в Березовском?

— Лобанов выбрал гарантом швейное объединение имени Крупской, которое находится в Свердловске.

— И что же?

— Кооператив должен регистрироваться по месту дислокации своего гаранта.

— А что, есть такое указание?

На этот вопрос четкого ответа не последовало.

— Мы предлагали Лобанову нашего гаранта — комбинат бытового обслуживания. Он отказался.

— А вы знали, почему отказался?

— Понятия не имел.

Тут я вспомнил другой свой разговор — с генеральным директором швейного объединения имени Н. К. Крупской Владимиром Сергеевичем Лавровым, который, не пожалев времени, приезжал в Березовский на комиссию исполкома, где подробно, вместе с Лобановым, объяснял позицию «Щеголя».

Суть этой позиции, которая была, конечно, известна Савину, заключалась в следующем: чтобы крепко встать на ноги (а иначе к чему и затевать предприятие), любому кооперативу необходим солидный гарант, который может обеспечить его интересы. Согласись Лобанов с железным требованием исполкома пойти под крыло быткомбината — и не видать «Щеголю» ни нынешней славы, ни доходов.

Тем временем Леонид Сергеевич встал, достал из шкафа папку, положил передо мной и сказал:

— Мы тут кое-что сохранили, на всякий случай. Вот, прочтите хотя бы это письмо. Может, тогда вам станет ясна и наша позиция.

Я прочел: «Администрация „Щеголя" (тов. Лобанов) агитирует работников Березовской швейной фабрики о переходе в данный кооператив, обещая зарплату от 400 до 500 рублей. В настоящее время одна швея уже рассчиталась... Прошу рассмотреть данный вопрос на исполкоме горсовета и ходатайствую о неутверждении создаваемого кооператива, т. к. этот кооператив создает нездоровую обстановку Закону об индивидуальной трудовой деятельности. А. В. Карамнов, директор фабрики».

Сверху, над печатным текстом, аккуратной прописью шла резолюция: «Тов. Савину. Прошу срочно запретить».

Я уже был наслышан об этом письме. Известно мне было и то, что директор фабрики Карамнов, к которому, возмущенный его клеветой, Лобанов обратился за разъяснением, отказался от своих слов. Но письмо все же фигурировало на регистрационной комиссии и даже теперь сохранилось «на всякий случай».

Владимир Сергеевич Лавров рассказывал, что творилось на этой комиссии. Когда он попросил слова, его грубо одернули: «А кто вы, собственно, такой?». Пришлось снова представиться: мол, генеральный директор, депутат Свердловского горсовета... Дошло до того, что начфин исполкома Валентина Васильевна Кувшинова пустилась в филологические исследования, найдя название кооператива «Щеголь» пошлым и безвкусным.

Любопытно, что, несмотря на такие дебаты, комиссия большинством голосов все же пропустила лобановский кооператив в «финал» — на утверждение исполкома. Но тут уже грудью встал Савин, свято исполняя резолюцию «запретить». Леонид Сергеевич не ведал, что в мае следующего (1988) года на девятой сессии Верховного Совета СССР XI созыва будут сказаны такие слова: «...Недопустимо бюрократическое отношение к исполнению необходимых формальностей, связанных с организацией кооперативов, регистрацией их уставов и началом работы. Многочисленные факты свидетельствуют, что и тут уже нашлись „умельцы" разводить волокиту».

«СТО ТЫСЯЧ»

Кооператив помещался в старом деревянном бараке, где отсутствовали все современные удобства: туалет во дворе, вместо водопровода — умывальник, вместо центрального отопления — железные электрические печки. Этот барак, подлежащий сносу, достался «Щеголю» после долгой тяжбы, а затем был просто-напросто выкуплен. Как в таких производственных условиях кооператоры умудряются получать солидный доход, из которого смогли пожертвовать интернату ни много ни мало — 12 тысяч в год?

Наладчик Березовской швейной фабрики Николай Филиппов, он же механик «Щеголя», взял меня с собой на городскую свалку. Прошлым летом он облазил ее вдоль и поперек, искал запчасти для швейных машин времен царя Гороха, которые по случаю достались кооперативу. Предприятие, списавшее эти машины, собиралось сдать их в металлолом, но вовремя извещенный об этом председатель «Щеголя» оказался тут как тут. Однако и за эти развалины пришлось воевать, доказывая, что кооперативу они нужнее, чем на переплавке. Выручил Лавров: щеголевский гарант выкупил их за полцены, отдал в кредит кооперативу, и тогда за дело взялся Филиппов.

Чтобы вдохнуть жизнь в эти музейные экспонаты, Николай взял отпуск на фабрике и целый месяц по утрам рылся в залежах городской свалки, а затем, до поздней ночи, занимался «швейной реанимацией».

— Неужели нельзя было достать что-нибудь получше? — удивился я.

— Почему же нельзя? — ответил Филиппов.— На «черном рынке» все есть. Приносили нам и «оверлок» — самую дефицитную из обметочных машин, и японскую «джуки» — самую скоростную. Лобанов не взял.

— А что, очень дорого?

— Да нет, деньги бы нашлись. Не хочет Валерий иметь дело с «жучками».

По шаткой доске, приставленной к высокому бетонному забору, мы поднялись наверх и спрыгнули вниз. Вокруг громоздились остовы тракторов, железные кубы, огромные трубы, искореженные печи для варки гудрона...

Эта свалка казалась кладбищем ржавчины, а Николай хищно потер руки и сказал:

— Знаете, как в Березовском называют эту свалку? «Сто тысяч»!

Филиппов не упускал ничего — для

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

29 июля 1988 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум рассмотрел вопрос «О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной партийной конференции». С докладом по этому вопросу выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Участникам Пленума была предоставлена возможность предварительно ознакомиться с проектами документов, подготовленными Политбюро ЦК КПСС исходя из установок XIX партийной конференции.

В прениях по докладу выступили: тт. В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, В. П. Демиденко — первый секретарь Кустанайского обкома Компартии Казахстана, Е. Д. Похитайло — первый секретарь Омского обкома КПСС, И. С. Болдырев — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, Н. Ф. Васильев — министр мелиорации и водного хозяйства СССР, В. М. Кавун — первый секретарь Житомирского обкома Компартии Украины, Ю. Ф. Соловьев — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, К. З. Терех — министр торговли СССР, А. А. Хомяков — первый секретарь Саратовского обкома КПСС, В. Н. Плетнева — ткачиха Костромского льнокомбината имени В. И. Ленина, Б. К. Пуго — первый секретарь ЦК Компартии Латвии, А. Ф. Пономарев — первый секретарь Белгородского обкома КПСС, А. С. Сысцов — министр авиационной промышленности СССР, Н. Ф. Татарчук — первый секретарь Калининского обкома КПСС, Е. Е. Соколов — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, В. А. Быков — министр медицинской и микробиологической промышленности СССР.

С заключительным словом на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу постановление, которое опубликовано в печати.

Пленум принял также постановления «Об отчетах и выборах в партийных организациях» и «Об основных направлениях перестройки партийного аппарата», которые опубликованы в печати.

Пленум принял предложение Политбюро ЦК об образовании комиссии ЦК КПСС под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева для подготовки предложений, связанных с осуществлением реформы политической системы советского общества.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

него все годилось: и пружины, и провода, и медная проволока, и шестеренки, и уголки, и всяческий крепеж. Укладывая все это в мешок, он весело говорил:

— Думаете, я в «Щеголе» только механик? Бывает, и за швею сяду — петли метать, и за клепальный станок, и за глажку. Есть у нас художник по рекламе, Жора Шостаков, так он и резальщик, и сварщик, и маляр... Иногда даже модельерам помогает. То же и председатель: нужно, кого хочешь заменит.

Лобанов без лишних слов показал ведомость. Из нее следовало: средняя заработная плата только у швей в прошлом году составила 500 рублей, а нынче достигла почти 700. То была нормальная зарплата в кооперативе, дела которого шли в гору.

— Зачем же они ее скрывают? — удивился я.

— Чтобы не было лишних разговоров,— ответил Лобанов.— Эти разговоры у нас вот где сидят. Всех волнует только сумма, а какими трудами она достается... В исполкомах, управлениях, магазинах — всюду один и тот же вопрос: сколько вы зарабатываете? Я, между прочим, не скрываю, говорю, как есть. Но однажды, было это в управлении «Спорткультторг», не выдержал и сказал: «Хотите столько же зарабатывать? Завтра же всех принимаю в «Щеголь»! Шить умеете? Клепать сможете? С фурнитурой управитесь? Гладить, стоя по десять часов кряду, смогли бы?» Возникла натуральная тишина. А потом робкий голос: «Как, все время стоя?»

— А взять хотя бы социально-бытовые проблемы: ни жилья, ни садика, ни путевок,— ничего этого кооперативам не дают, крутись, как хочешь. А как мы работаем? Заметьте: на фабрике новая модель от проекта до потребителя проходит путь почти в год. А в «Щеголе» — за три дня!

— А как у вас с материалами?

— Тут-то нас и выручает гарант. На швейном объединении имени Крупской берем нитки, иголки, фурнитуру... Впрочем, фурнитуры у них самих не густо, так что кое-что уже делаем сами. Берем ткани, которые у них не идут,— не та расцветка, малая партия, трудная в обработке.

— А вам все подходит?

— Подходит. Там, на фабрике, поток, а у нас все индивидуально. Когда моделируешь под ткань, то начинает играть любой материал, любая расцветка.

Лобанов объяснял так профессионально, что я спросил его, не работал ли он по швейной части.

— Нет, не работал,— улыбнулся Валерий.— Только присматриваюсь. А вообще-то я экономист. Кончил Свердловский институт народного хозяйства.

— В таком случае каково мнение экономиста-кооператора о прогрессивном налоге?

— Чтобы оценить его вред, не надо быть специалистом. Едва он появился, производительность труда упала во всех кооперативах Свердловска.

БЛАГО В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

В школе-интернате готовится очередной выпуск, и «Щеголь» решил пошить выпускникам праздничные костюмы.

Спрятав сантиметр, Женя берет блокнот и быстро набрасывает в нем несколько моделей.

— Выбирайте: платье или комплект? — предлагает она.

— Мне лучше комплект,— говорит худенькая девочка.

— Только, если можно, не надо с оборками,— просит худенькая.

— Не надо, так не надо,— соглашается Женя.

Женя Углова рассказывала, как трудно ей было поначалу во время таких вот встреч: ребята ужасно стеснялись, говорили чуть ли не шепотом.

А вскоре предстоит совместная поездка — на все лето в пионерский лагерь в Молдавию. Каждая путевка стоит 200 рублей. И Светлана Николаевна уже не удивляется и не возражает, как в первое время.

— Мы, конечно, ездим в пионерлагеря — под Свердловск. Но тут совсем другое: юг, Молдавия, Пушкин, фрукты, экзотика — целый мир!

Лобанов слушает рассеянно. Он озабочен предстоящей отправкой очередной партии товара в свердловские магазины. Процедура эта в «Щеголе» очень ответственна — каждое изделие подвергается строгой оценке своей же комиссии.

Комиссия обходит изделия и определяет коэффициент качества: от 0,8 до 1,2. Разница между этими цифрами, казалось бы, невелика, но на заработке отражается в сотнях рублей. Однако еще важнее другое. Попробуй трижды подряд выдать качество ниже единицы, придется искать другой кооператив. Кое-кому со стороны такая система, быть может, покажется слишком жесткой. Но именно такой подход к своей работе и позволил «Щеголю» диктовать свои условия даже в магазинах.

— Помнится, самую первую партию мы привезли в ЦУМ,— рассказывает Лобанов.— И тут коммерческий директор Галина Кирилловна Мызникова заломила торговую скидку в 10 процентов. Конечно, «Щеголь» тогда был «темной лошадкой», но, зная цену нашему товару, я упорно настаивал на 5 процентах. Так и не договорились. Мызникова поставила ультиматум: десять — и никаких гвоздей.

— Кажется, такова торговая скидка с государственных изделий?

— Верно. Однако условия продажи не равны. У кооперативов плохой товар просто не принимается, это раз. Транспорт для доставки свой, это два. Срок реализации 15 дней вместо положенных для гостоваров шестидесяти, это три. А деньги мы получаем только после реализации товара.

С доводами Лобанова трудно не согласиться. Однако в те дни, когда «Щеголь» только еще вставал на ноги, согласился лишь один человек — директор торгового молодежного комплекса Татьяна Дмитриевна Кренц. Она была первой из торговых работников Свердловска, кто начал активное сотрудничество с кооперативами, причем не только своего региона, но и других городов. Опыт подсказал ей, что изделия «Щеголя» отвечают самым высоким швейным кооперативным стандартам. И, желая поддержать этот кооператив, она согласилась на его условия, вдобавок вручила Лобанову денежный чек до реализации. С тех пор все лучшие партии «Щеголя» неизменно отправляются в ее магазины.

Первый секретарь Березовского горкома партии Василий Альбертович Мыслицкий вызвал к себе Лобанова.

— Радуйся, председатель,— сказал он.— Нашли для твоего «Щеголя» отличное помещение — бывший детский сад рудника.

Искренне желая помочь «Щеголю» улучшить производственные условия, секретарь не знал, что уже опоздал. Лобанов давно вел переговоры с Березовским рудником насчет этого сада. Сошлись на том, что его отдадут кооперативу при условии, что «Щеголь» возьмет на себя ремонт рудничного Дома культуры. Вмешательство секретаря могло, конечно, изменить ситуацию, но Лобанов не отказался от данного слова.

Будущее помещение с земельным участком настраивало председателя на далеко идущие планы.

— Наладим еще один цех — увеличим производство в два раза,— рассуждал он.— Создадим подсобное хозяйство: разобьем сад и огород, заведем кур, поросят. Устроим быт: столовую с поварихой, свою прачечную, стол заказов. Пусть люди чувствуют себя в кооперативе, как дома.

Слушая его, я думал о том, что и наше отношение к благотворительности лишь тогда перестанет быть лицемерным, когда мы начнем творить благо в собственном доме.

■

Скоро состоится Всероссийская учредительная конференция, которая должна возвести в ранг закона устав Всероссийского общества инвалидов. В нашем городе было проведено собрание инвалидов по созданию первичных организаций общества. Из 16 пришедших с текстом проекта устава был знаком я один. Сотрудники профкома завода, депутат, председатель совета микрорайона были, мягко говоря, не подготовлены и не особенно стремились донести содержание устава до собравшихся. Более того, они довольно ловко отказали мне в обсуждении некоторых пунктов проекта. Выборы прошли формально, без обсуждения кандидатур. Я «единогласно» избран председателем объединенной первичной организации поселка и делегатом на городскую конференцию. Сомневаюсь, что в других городах собрания отличались от этой схемы.

Почему бы не обсудить эти проблемы тщательно, прежде чем рапортовать наверх? Прямо-таки в глаза бросается отсутствие в уставе права на труд, на специальное профобучение, получение образования, на социально- и медикореабилитационную помощь, на создание собственных предприятий, учитывающих специфику труда инвалидов, непонятны источники финансирования. Зато четко и подробно оговорена система подчинения, запретов, администрирования, условия соцсоревнования и коммунистического воспитания, повышения производительности труда и т. д.

Необходимо вынести проект устава на обсуждение с привлечением юристов, экономистов, врачей, широкой общественности и, наконец, самих инвалидов. Иначе хорошее дело погибнет на корню и мы, инвалиды, будем обречены на вечное иждивенчество, на вечное прозябание.

А. ПОРОЗОВ,
инвалид II группы, 25 лет
Лысьва Пермской области

■

В статье «Осторожно: провокация!» (№ 23) приведены гневные слова В. И. Ленина об антисемитизме и необходимости борьбы с ним. На эту тему Ленин высказывался неоднократно, но, быть может, подробнее и заостреннее всего в речи «О погромной травле евреев», записанной им на граммофонную пластинку в конце марта 1919 года. Этой форме устной агитации он придавал огромное значение (ни радиопередач, ни тем более телевидения тогда еще и в помине не было). И, несмотря на чудовищную занятость, Ленин выбрал время для того, чтобы записать на грампластинки 16 выступлений. Но не случайно одной из самых первых записал он эту речь, бесценную для интернационалистского воспитания трудящихся, обличения всей мерзости национал-шовинизма, враждебного интересам революции. Вы можете прочитать эту речь в Собрании сочинений вождя (т. 38, стр. 242—243). Но услышать в этом случае живой, доходящий до сердца голос Владимира Ильича — вряд ли.

Неоднократно первоначально тиражированная вместе с другими ленинскими грампластинками запись этой речи уже много лет как изъята из обращения. Голос Ленина, сохраненный, казалось, навечно, в этом случае оказался притушен. Почему?

С. Д. ДРЕЙДЕН,
член Союза писателей СССР
Москва

■

Есть в Москве гостиница «Университетская». Казалось бы, само название говорит о том, что работника высшей школы здесь встретят с вниманием и заботой. Но не торопитесь с выводом. Даже профессор, если у него нет злополучной брони, не может рассчитывать на поселение. А если и поселят, то каждый день, отложив срочные дела, он вынужден унизительно испрашивать у администрации разрешения продлить проживание в гостинице хотя бы на один день. В таких бесправных условиях выросло целое поколение советских ученых и преподавателей. Сколько раз, будучи аспирантом, доцентом, наконец, профессором, приходилось слышать: «Мест нет, ночуйте хоть на вокзале!» Бюрократические бонзы никогда не поймут, что по брони наука развиваться не может.

С. И. ИВАНОВ,
профессор
Томск

■

Как понимать выпуск плаката под девизом «Юноше, обдумывающему житье» с портретом К. Е. Ворошилова и его изречением: «Прежде всего надо быть честным, умелым, добросовестным работником, на какой бы ты работе ни находился»? (Художник М. Лукьянов, редактор Р. Энгель, технический редактор Е. Курова. Издательство «Плакат», М., 1988.)

Появление такого плаката сейчас, после многочисленных публикаций о причастности ближайшего окружения Сталина, в том числе и Ворошилова, к массовым репрессиям, выглядит по меньшей мере странно. Неужели для сотрудников, ответственных за выпуск плаката, не очевиден цинизм и лицемерие вышеприведенного изречения?

Д. Ю. СМИРНОВ,
инженер
Ростов-на-Дону

■

В статье А. Кубаревой «Михаил Булгаков и его критики» («Молодая гвардия», 1988, № 5) меня удивило утверждение автора, что в письме И. Сталина В. Билль-Белоцерковскому дана «жесткая, но в целом положительная оценка творчества М. Булгакова». Признавая оценку «жесткой», но не приводя самих слов И. Сталина, А. Кубарева навязывает свою точку зрения и вводит читателей «Молодой гвардии» в заблуждение.

В этом письме В. Билль-Белоцерковскому от 2 февраля 1929 года И. Сталин пишет: «Бег», в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление» (И. Сталин. Соч., т. 11, с. 327). «На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба... Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру...» (там же, с. 328). И далее: «Вспомните «Багровый остров», «Заговор равных» и тому подобную макулатуру...» (там же, с. 329). Правда, И. Сталин оговаривается: «Дни Турбиных» есть демонстрация всесокрушающей силы большевизма», но при этом высказывает своеобразное понимание художественного творчества: «Конечно, автор ни в какой мере «не повинен» в этой демонстрации...» (там же, с. 328).

Такая вот, согласитесь, «в целом положительная оценка» трех пьес Михаила Булгакова! Весьма трудно понять, чем же различаются взгляды на литературу И. Сталина и лидеров РАППа, подвергнутых критике в статье А. Кубаревой? Вновь на страницах «Молодой гвардии» пытаются представить И. Сталина не только в виде «всеобщего отца народов», но и как «справедливого и заботливого отца» советской литературы.

Женис АТАНТАЕВ,
кандидат исторических наук,
доцент
Семипалатинск

■

Уже официально объявлено о «сюрпризе» автомотолюбителям. Думаете, дефицитные детали появятся? Нет, с 1 января 1989 года увеличивается плата за мощность двигателя: 50 копеек с 1 лошадиной силы. Если эта плата взимается за дороги, то у нас их пока что нет, сельчане в течение зимы с колодок транспорт не снимают. Насколько я знаю, на Западе плату берут только в тот момент, когда автолюбитель пользуется трассой. Если мы что-то хотим перенять, то надо перенимать полностью: сервисом у нас и не пахнет. И еще. Почему это решение принято без широкого обсуждения? Сельские жители его бы не поддержали. Кто в этом виноват? Видимо, опять бюрократия или чиновники, которые и вынесли это решение. Ведь их никакой налоговой мощностью не удивишь, их возят на служебных машинах.

Владимир ПЕРЕЧИНЩИКОВ,
шофер, депутат сельсовета
с. Горюши Саратовской области

■

Не всю правду о прошлом мы еще сказали. Не развенчаны до сих пор, не осуждены всенародно клеветнические унизительные указы в отношении советских немцев. Говорить мне об этом трудно и больно, так как я отношусь к тому поколению советских немцев, которых сталинский указ 1941 года лишил в одночасье и «малой» родины, и человеческого достоинства, и прав, и имущества, и школ, и газет, отлучил даже от родного языка. Не было за нами конкретной вины, кроме национальности, но тем не менее большинство из нас было отправлено органами НКВД в так называемые «трудармии», за колючую проволоку. В силу этих указов мы должны были после всех перенесенных нами страданий, немалых жертв, могилы которых неизвестны, на долгие годы стать спецпереселенцами и жить в жестких гражданских ограничениях. И это несмотря на то, что среди нас было много комсомольцев и коммунистов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1964 года были сняты явившиеся результатом культа личности Сталина все ранее огульно выдвинутые обвинения против нас.

Каждое слово в истории должно быть правдивым. Говоря о необоснованно репрессированных народах, многие наши писатели перечисляют чеченцев, калмыков, ингушей и т. д. Но где же советские немцы? А ведь в указах сталинского режима перечень начинался с немцев. Неужели именитые писатели и редакционные коллегии солидных изданий запамятовали о нас? А нас в СССР около двух миллионов, то есть 14-е место по счету. Нельзя же нас и в дальнейшем прятать в графе «прочие», как это имело место во всех статистических и справочных данных 50—60—70-х годов! Может, эта тема является для печати закрытой? И хотя наш вопрос, уверен, непростой, пора рассказать всю правду, ибо сейчас все еще живет почва для пересудов, клеветы, подозрений.

Эдуард Фердинандович АЙРИХ,
персональный пенсионер,
член КПСС с 1940 года,
кавалер ордена Дружбы народов
Алма-Ата

В последнее время в Москве и других городах страны получило широкое развитие общественное движение за увековечение памяти жертв сталинских репрессий.

Результатом этого движения явилось образование общества «Мемориал». Общество считает своей главной задачей создание на добровольные пожертвования памятника жертвам сталинизма, а также информационно-исследовательского и просветительского центра «Мемориала» с общедоступными музеем, архивом и библиотекой (другие задачи общества сформулированы в проекте его устава).

Для получения юридического статуса, по существующему положению, добровольному историко-просветительскому обществу «Мемориал» необходимо иметь организации-учредители.

Просим редколлегию рассмотреть вопрос о возможности участия журнала «Огонек» в работе общества «Мемориал» в качестве одного из учредителей.

Я. Я. ЭТИНГЕР, доктор исторических наук,
Л. А. ПОНОМАРЕВ, доктор физико-математических наук,
Ю. В. САМОДУРОВ, кандидат геолого-минералогических наук,
А. С. ТОКАРЕВ — члены инициативной группы
по созданию добровольного историко-просветительского
общества «Мемориал»

ОТ РЕДАКЦИИ. Редколлегия и коллектив редакции поддерживают предложение ученых. «Огонек» вместе с Союзом архитекторов СССР, Союзом кинематографистов СССР, Союзом театральных деятелей СССР станет одним из учредителей Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал», цель которого — увековечение памяти жертв сталинизма.

Сообщаем нашим читателям: ДЛЯ СБОРА СРЕДСТВ НА СТРОИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ СЧЕТ ОТКРЫТ. ЕГО НОМЕР — 700454. Каждый из нас в отдельности, целые коллективы организаций и предприятий могут внести добровольные взносы на этот счет в любом районном отделении Жилсоцбанка, Промстройбанка, Агробанка или во всех отделениях Сберегательного банка СССР.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ПОДВИЖКИ, ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ РАСКАЧКОЙ

Владимир КУЗНЕЦОВ, собственный корреспондент «Огонька» по Дальнему Востоку

ДАВНО ЛИ БЫЛО ТО ПАМЯТНОЕ ВСЕМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКАМ ЛЕТО, КОГДА ПРЯМО НА УЛИЦАХ — РАНЬШЕ ТАКОГО НЕ БЫВАЛО — ГОРОЖАНЕ ЗАПРОСТО БЕСЕДОВАЛИ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА?

Через год после визита была утверждена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года.

Захватывающие перспективы определены этим документом. Для подробного рассказа о них и о сегодняшних делах я взял только один Хабаровский край, ибо здесь намечен самый высокий темп роста выпуска промышленной продукции.

...Пять лет живу я в Хабаровске, по долгу службы регулярно бываю на партийно-хозяйственных активах, пленумах крайкома партии. И не могу припомнить, чтобы хоть однажды не критиковали строителей. Но дела на стройках края не претерпели коренных изменений.

Из-за недоиспользования мощностей в крае ежегодно недодается конструкций для возведения жилых домов площадью в 200 тысяч квадратных метров. Однако в Главдальстрое по-прежнему не выполняются планы развития производственной базы. В строительных организациях, как и раньше, низок уровень механизации труда.

Не один год руководство Главдальстроя обещает поправить положение. Составляются графики, протоколы, издаются приказы, распоряжения. А изменения просматриваются только на бумаге. На пленуме Хабаровского крайкома партии одну из главных причин такого положения подметил первый секретарь Хабаровского горкома партии Б. Н. Суслов. По его мнению, у начальника Главдальстроя Н. У. Белоцерковского очень часто слова расходятся с делами. А это ли не элементы того самого механизма торможения, равнодушия и безответственности? Тогда же участники пленума потребовали от коммуниста Белоцерковского более ответственного отношения к выполнению собственных обещаний и заверений.

Читаю в газете выступление депутата Н. У. Белоцерковского — опять знакомые заверения: Главдальстрой к 1990 году будет работать в объеме 580—600 миллионов рублей, а к 2000 году — больше, чем на 900 миллионов рублей. Перечисляются объекты и мощности. Напоминается, что в основе работы — экономические методы руководства. Что растет хозяйственная самостоятельность, расширяется демократия и гласность...

Вот уж поистине движение слов, знакомые интонации, отдающие дань социальной сфере, в которой, оказывается, хабаровские строители усовершенствовали структуру управления. Только вот от этих бодрых заверений вряд ли стало легче семьям шести тысяч хабаровчан, что сегодня проживают в так называемом ветхом фонде.

Не нашел я в этом выступлении начальника Главдальстроя на сессии и ответа на вопросы, как и за счет каких факторов думают строители выполнять резко возросшие планы и почему из тринадцати предприятий Хабаровска, выпускающих сборный железобетон, только три освоили проектные мощности. А в крупнопанельном домостроении ежегодно недодается более восьмидесяти тысяч кубометров изделий. Не объяснил депутат Белоцерковский, почему пресловутые штабы на стройках обсуждают взаимоотношения между теми, кто не вырыл котлован, и теми, кто не поставил бетон. И долго ли еще строители собираются с помощью райкомов КПСС опустошать предприятия и организации, силой и властью забирая людей на отделочные работы, чтобы штурмом сдать очередной объект? Забыл сказать об этом начальник Главдальстроя. Как забыл, наверное, что живет уже не в эпоху обещаний, а во времени конкретных дел.

Хронические болезни строителей сбивают «дыхание» решению целого ряда проблем. Помню, в беседах с М. С. Горбачевым дальневосточники не раз говорили о плохой медицинской помощи. Сегодня Хабаровский горисполком сделал шаг по выходу из этого тупика. Улучшилась работа проектировщиков, созданы проекты модулей поликлиник и женских консультаций.

Это двухэтажные здания с удобно размещенными кабинетами врачей. Такие поликлиники рассчитаны на прием в одном варианте двухсот, в другом — четырехсот человек в смену. При нормальной организации дела на строительство такого модуля требуется всего три месяца. По расчету, ежегодно можно вводить четыре такие поликлиники.

Но одно дело — расчеты, другое — реальность. А она такова: женская консультация в Северном микрорайоне Хабаровска должна уже сдаваться, а там ни шатко ни валко еще идут монтажные работы. Аналогичная ситуация и на строительстве школы в том же микрорайоне. По плану, утвержденному всеми инстанциями, школа давно должна сдаваться. Однако там еще непочатый фронт работ, и этот объект, как и многие другие, ждет все та же штурмовщина с привлечением людей с предприятий города. В общем, все катится по старой, хорошо наезженной строителями колее.

Известно ли о таком положении в Минвостокстрое? Конечно, известно, как известно и то, что мощности здешних предприятий стройиндустрии не соответствуют планируемым масштабам строительства. Однако на развитие базы стройиндустрии министерство средств не выделяет. И не объясняет причину этого...

Я неоднократно обращался в Институт экономических исследований Дальневосточного отделения АН СССР. Свой рассказ о ходе выполнения Программы дополняю комментариями заместителя директора института П. А. Минакира.

— Да, проблема строительства в дальневосточной зоне — одна из самых сложных. Наши строители все грехи пытаются прикрыть одним щитом — нехваткой людей. Начальник Главдальстроя заявляет о нехватке пяти тысяч строителей. Но ведь в этом главке на миллион рублей строймонтажа трудозатраты на 70 процентов выше, чем в среднем по министерству. Вот вам и ответ на вопрос, действительно ли не хватает людей. А взять жилищную проблему. Мы по-прежнему пытаемся решать ее старыми путями — опять заводы ЖБИ, опять стандартные коробки.

Целый поселок из двадцати двух коттеджей, каждый на две семьи, растет у пригородного села Матвеевка. Стоимость квартиры — 15 тысяч рублей. И взялись за такое дело хабаровские авиаторы. А всего горисполкомом выдано более двух с половиной тысяч разрешений на строительство индивидуального жилья в черте столицы края.

Во время поездки М. С. Горбачева были разговоры и по поводу сложностей с получением земельных участков, коллективных садов. В этом году вопрос будет решен полностью. Каждый желающий получает земельный участок.

К сожалению, не все проблемы могут решаться на месте. Нередко попытки ускорить движение попадают в магнитные зоны торможения в министерских кабинетах вдали от Дальнего Востока. Приведу пример одного только Амурского речного пароходства. Его начальник А. М. Сухов вел со мной разговор, не выпуская из рук счетной машинки. Необъяснима позиция министерства, и понятна обида речников. Деньги, которые должны попадать в пароходскую казну, 'уплывают к другому берегу. Да еще какие деньги: инвалютные рубли теряет пароходство, а значит, и страна. Мы продаем ради валюты свое богатство — лес. Но вывозить его из Амурского лимана предоставляем возможность японцам. Результат такой стратегии — ежегодные потери 15—18 миллионов рублей. Может быть, так сложились условия контракта? Напротив, японские капитаны без особого желания идут в Амурский лиман, который имеет очень сложный фарватер. Так почему же мы теряем деньги? А потому, что у Амурского пароходства не хватает судов типа «река — море».

В Минречфлоте объясняют, что суда нужны и в западных бассейнах. Сколько таких разъяснений слышал опытный речник Сухов. Ведь этот вопрос он поднимал много лет назад, когда заключалось первое генсоглашение между СССР и Японией на поставку нашего леса соседям. Тогда даже кредит был выделен на строительство транспортного флота. Сухов предлагал строить суда типа «река — море». Но по каким-то высоким «экономическим» соображениям эти миллионы вложили в строительство баржебуксирных составов — ББС. Из шести таких составов ни один в Амурский лиман так и не зашел: конструкция не позволила. А сегодня они вообще не используются. Один состав утонул во время шторма в Японском море, другие ржавеют у островов Русского архипелага.

Есть вопросы и в другой транспортной операции, запланированной на навигацию этого года. Еще в феврале 1986 года принято правительственное решение об обеспечении перевозок внешнеторговых грузов между речными пунктами СССР и КНР. Амурские речники подготовили порты Хабаровска и Благовещенска под перевалку соевых бобов — основного импортного груза. Приобрели импортный перегружатель, оборудовали суда и ждут. Но никак не могут дождаться, когда же московские внешнеторгующие организации сообщат хотя бы объемы предстоящих перевозок.

Прошел почти год после принятия Программы, каждый пункт которой был не единожды согласован со всеми звеньями на местах и в центре. Каждый министр дал свое согласие. Но, не успев родиться, Программа, точнее начало ее реализации, уже вызывает серьезное беспокойство. Немало инстанций пришлось мне посетить, выясняя причины этого. Уполномоченный Госплана СССР по Дальневосточному экономическому району А. Г. Попов сразу отметил торможение: Минвостокстрой СССР, на плечи которого ложится основной объем строительно-монтажных работ по резкому наращиванию мощностей базы строительной индустрии, срывает свои же планы. В прошлом году на объектах

стройбазы только Хабаровского края освоено лишь 63 процента выделяемых на эти цели капитальных вложений. А имеющиеся в крае мощности заводов крупнопанельного домостроения используются едва на две трети. Горько говорить, но вместо ускорения определенно складывается замедление. По всему Дальневосточному региону не обеспечен ввод в эксплуатацию в установленные Программой сроки 30 крупных производственных объектов машиностроительного, топливно-энергетического, химико-лесного и строительного комплексов, промышленных предприятий Минрыбхоза, Минцветмета, Госагропрома и целого ряда других министерств и ведомств.

Усложняет и ставит под вопрос выполнение Программы позиция многих министерств и ведомств, старающихся перенести основные объемы промышленного и гражданского строительства на более поздние сроки. Проявляется недопустимая медлительность в развертывании работ. Ряд министерств, среди которых «лидируют» МПС, Минрыбхоз, Минвостокстрой, пытается сохранить остаточный принцип в выделении средств на строительство объектов социальной сферы.

Можно понять беспокойство дальневосточников за столь тревожную ситуацию, сложившуюся на начальном этапе выполнения Программы. Пустые обещания министерств не только ставят под сомнение ее реализацию, но и подрывают веру в кардинальные изменения жизни в регионе. Равнодушие к нуждам людей вызывает ответную реакцию. В конце концов ведомственная глухота подрывает веру в перестройку.

П. А. МИНАКИР: Первый урок Программы показывает сплошные нарушения как в материально-технической сфере, так и в сфере плановой дисциплины. Не делается то, что запланировано. Идут постоянные корректировки и будут идти дальше, потому что политическое обеспечение этого процесса осталось на прежнем уровне. Как были министерства, так и остались, как была система команд, так и осталась. Как было финансовое обеспечение через распределение ресурсов, так и осталось. А надо бы иметь на месте определенную базовую структуру, которой управляет территория и которой передаются для этого соответствующие ресурсы. Сегодня же мы попрежнему пытаемся дирижировать из центра каждым предприятием, а на местах только контролируем. Мощный экономический комплекс на Дальнем Востоке, необходимость которого сегодня ясна и понятна всем, не должен развиваться на основе «подачек» из центра, не должен зависеть от прихоти министра, который может дать, а может и не дать.

Главная цель принятой Программы — создание на территории Дальнего Востока и Забайкалья такого хозяйственного механизма, который имел бы достаточно жизненной силы для работы в новых условиях. Был бы достаточно автономен экономически, имел бы достаточную самостоятельность, мог бы если не полностью себя финансировать, то хотя бы иметь условия для развития нормальной, эффективной экономической структуры внутри себя. Сегодня Дальний Восток таких условий не имеет.

Реализация программных планов стоит около двухсот миллиардов рублей. Только вот реально ли освоение в оставшиеся десяток лет, если в прошлой пятилетке из 30 миллиардов рублей смогли освоить только 28 миллиардов? До 1998 года надо ввести 100 миллионов квадратных метров жилья, а за прошедшие пятнадцать лет сдано только 40 миллионов квадратных метров.

Сегодня за ходом выполнения Программы можно следить по состоянию одного строительства. Пока же оно остается без существенных изменений, а значит, и Программа не имеет подвижки.

Говорится в Программе и о развитии международного туризма. Но пока и этот пункт остается на уровне разговоров и обещаний. Тот же Сухов уже два года не может получить ответ на свои предложения об открытии круизов Япония — Хабаровск, дальше от Харбина и обратно на речном комфортабельном теплоходе. Хотя не только начальник Амурского пароходства горит желанием — ряд японских фирм ищет возможностей туристических контактов с нами.

П. А. МИНАКИР: Есть еще ряд выгодных для нас направлений в международных отношениях. Вот одно из них — торговля идеями. Наши зарубежные конкуренты умеют очень оперативно использовать новшества в технологических процессах. Так вот, почему бы не обратить это нам на пользу.

Выходит: есть еще — и немало — уязвимые позиции у принятой Программы. Среди которых и такая, как управление самой Программой. До сих пор отсутствует единый управленческий аппарат стратегического контроля. И сегодня практически работа ведется по краям и областям, то есть Программа растаскивается по территориям. Хотя седьмым пунктом в ней и записано: «Госплану и Совмину до декабря 1987 года внести предложения по совершенствованию управления экономическими районами». Все согласны с тем, что для отдаленных территорий нужен орган, который мог бы контролировать ход выполнения Программы. И не просто контролировать, а работать над проблемами, возникшими на определенных этапах в определенных территориях и министерствах. Координировать ряд вопросов в отношениях между краями и областями. Вопрос предлагалось рассмотреть в связи со сложностью управления отдаленными экономическими районами из центра. И опять же рассматривается вопрос и даже обсуждаются предложения по созданию межведомственной комиссии по управлению Программой в Москве. Хотя в Хабаровске есть аппарат уполномоченного Госплана СССР по Дальневосточному экономическому району, который вполне мог бы стать таким органом и на месте.

П. А. МИНАКИР: Сегодня уже стало ясным понимание того, что вопросы Программы нуждаются не только в постоянном контроле их выполнения, но и в постоянном анализе и корректировке. Но пока, к сожалению, не налажен даже механизм информационного обеспечения, неясно и статистическое обеспечение Программы. Непонятно ее научное обеспечение. Идет постоянная путаница между наукой, которая должна анализировать какие-то принципиальные вещи, вырабатывать стратегические принципы, давать советы на уровне идей, направлений, и конкретной проектной работой. А это путает и практику, и науку. С одной стороны, есть какие-то предложения, а с другой — нет глубокой, обоснованной научной базы.

* * *

Вот такова, читатель сегодня ситуация в региональной политике Хабаровского края, а значит, Дальнего Востока и Забайкалья. Как будто и движение есть, а подвижка незаметна. Затянувшаяся раскачка целого ряда министерств становится тормозом. Но ведь в гору на тормозах не поднимаются. Бесспорно, работа в экономике двух этих регионов предстоит немалая, но и речь мы ведем не о косметическом ремонте. Речь идет о капитальной перестройке — революции. Знак равенства между этими словами поставил Генеральный секретарь нашей партии, будучи на Дальнем Востоке.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО!

МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ

В № 29 В ПУБЛИКАЦИИ «МЕМОРИАЛ СОВЕСТИ» «ОГОНЕК» ПРЕДЛОЖИЛ ПРОВЕСТИ ВЫСТАВКУ ПРОЕКТОВ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В ОКТЯБРЕ — НОЯБРЕ 1988 ГОДА ВО ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ МЭЛЗ. ПРОЕКТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ: 105023 МОСКВА, ПЛ. ЖУРАВЛЕВА, 1, ДК МЭЛЗ.

И вот уже две недели звонят по телефону, шлют письма и приходят во Дворец культуры люди — спрашивают, советуют, предлагают... Собственно, по-другому и не могло быть. Ужас сталинизма — всенародный стыд, всеобщая боль. Необычность объявленного «Огоньком» конкурса в том, что в нем призываются участвовать не только профессионалы, а все желающие. Не обязательно присылать выполненные по правилам проекты, это могут быть идеи, концепции, эскизы, даже просто неумелый рисунок. Важно, чтобы каждый смог реализовать святое право на память.

Все, что связано с годами культа личности, вызывает огромный интерес. Но особенность его сегодня, пожалуй, в том, что в переосмыслении и переоценке прожитого большинству из нас отведена пассивная роль читателей и слушателей. Невозможность почтить всех, кого поглотила «черная дыра» необъявленной войны с собственным народом, неоплатный долг перед ними все чаще порождают потребность не в созерцательной, а в активной позиции.

Представляется важной и нужной идея организации антисталинских акций, в которых люди смогли бы принять непосредственное участие. Вот почему на заключительном этапе конкурса «Огонек» и ДК МЭЛЗ планируют провести Неделю Совести, сбор от которой будет перечислен в фонд мемориала.

Экспозиции исторических материалов, фотографии, живопись и графика; спектакли и кинофильмы, обличающие культ личности, день «репрессированной поэзии» и «лагерной песни», вечера памяти людей, чьи имена были вырваны из истории в угоду палачам,— примерно так видятся сейчас дни недели.

Ее программа еще будет уточняться (надеемся, что и с вашей, уважаемые читатели, помощью), но смысл ясен: ни в коем случае не ограничиваться рассмотрением лишь одной фигуры «вождя» — сталинизм страшнее Сталина; обсуждение истоков и механизмов всевозможных культов, путей их искоренения и поисков гарантий демократии, взаимоотношений личности и государства.

Эта неделя не может не быть страшной. Но она должна стать очищающей. И безоговорочно разоблачительной, показывающей несостоятельность сталинских методов во всех областях: политической, идеологической, экономической, нравственной, военной... Принцип прост: источник и критерии оценок и выводов — только правда и полная информация. Ничто так не изобличает, как подлинные документы. Ничто так не потрясает и не убеждает, как виденное своими глазами.

Мы рассчитываем, что в Неделе Совести примут участие ведущие деятели культуры, ученые, публицисты, дипломаты, военные...

У меня нет иллюзий: идея проведения недели встретит не только сторонников. Почему же в сознании многих все еще существует прочный охранный слой сталинизма, так живуч мифический ореол его величия?

Потому что Сталин — отчасти это мы сами. Почти в каждом из нас до сих пор сидит маленький иосиф виссарионович и не дает подняться в полный рост ни нам, ни Державе. Страшные постулаты психологии сталинизма, замешанные на страхе и крови миллионов, проникли в подсознание, въелись в плоть почти на генетическом уровне. До конца отречься от Сталина — значит переломить себя.

Как же извращена и изуродована должна быть мораль общества, если обычного уголовника настигает всеобщее презрение, а иногда и смертная казнь, а у виновника миллионов невинно убиенных и растерзанных все еще находятся сторонники и покровители.

Потому что миллионы (вдумайтесь, как страшно часто приходится употреблять это слово) — это для многих абстрактно, это не для всех осязаемо?

Где же выход? Выход только один: разоблачить Сталина до конца.

Очень важно сказать всю правду о Войне. Победа в ней — наиболее сильнодействующий на широкие массы аргумент сторонников исторической правоты линии Сталина. Но надо же назвать истинную цену победы, оплаченную потерями сверх всякой возможной меры из-за недальновидности и стратегических ошибок Генералиссимуса.

Поднимаясь в атаку с криком «За Сталина!», страна истекала кровью от наносимых им же ударов в спину ножом нескончаемых репрессий. Народная война велась фактически на два фронта: с фашизмом и сталинизмом. Необходимо, наконец, обнародовать правдивые цифры потерь в этих боях. Думаю, что они будут соизмеримы...

Палач и жертвы не могут состоять в одной партии. Да и вообще, палач-коммунист — что может быть противоестественнее? Тысячи и тысячи честнейших людей были восстановлены в партии посмертно. Что же мешает посмертно исключить из партии пославшего их на гибель, его слуг и последователей? Как писали в справках о реабилитации, «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами». Надругательство над идеалами?

А то, что главный преступник «всех времен и народов» до сих пор покоится у Кремлевской стены рядом с Мавзолеем — не надругательство?

...Раздался телефонный звонок: «Опять жертвы репрессий, сколько можно копаться в истории?» Убежден: война со сталинизмом — вопрос не только истории. Это самый что ни на есть текущий момент. Вопрос выбора. С кем быть?

На папках с делами особо опасных «врагов народа» делалась пометка «хранить вечно». Сталинизм сам вынес себе приговор. Память о нем должна остаться в истории человечества с грифом «хранить вечно».

Александр ВАЙНШТЕЙН, директор ДК МЭЛЗ, лауреат премии Совета Министров СССР

КАК ЖАЛЬ, ЧТО ОНА УМЕРЛА

С Тамарой Глытневой, московской художницей, я познакомилась больше десяти лет назад на одной из первых выставок «двадцатки» на Малой Грузинке. Эти выставки двадцати московских художников-авангардистов, игнорируемых официальным творческим союзом, вызывали тогда большой интерес. Очереди в выставочный зал стояли огромные, гораздо длиннее, чем теперь в винные магазины.

Конечно, ажиотаж был вызван и дефицитом свободы. Хотелось посмотреть хоть что-то живое, неказенное. Но было, наверное, нечто еще, что заставляло тысячи людей стоять в длинных очередях, приходить сюда снова и снова, из года в год и оставлять благодарные, искренние записи в книге отзывов.

Я не буду сейчас разбираться в художественных достоинствах этих выставок на Малой Грузинской. Это должны были давно без меня сделать профессиональные художники и искусствоведы. Спокойно оценить, разобраться, понять, поспорить — все-таки десять с лишним лет существует это явление. Но все время, пока народ толпился в длиннющих очередях в выставочный зал, газеты молчали... Впрочем, не хочу еще раз говорить об идиотизме того времени — об этом, я уверена, будет еще написано достаточно.

Я не о времени. Я о Тамаре.

Чем меня тогда так поразили ее работы? С той стороны, от той стены, где висели Тамарины работы,— шел свет.

Я не помню частности. Но свет помню. Это не поэтический образ. Действительно, был свет. Свет шел от тел, глаз, от рук на картинах, от обычных пятиэтажек, от луж, дворов, помоек, птиц... Даже не свет. Свечение.

Тамарины картины светились.

С одним знакомым, тоже журналистом, мы тогда решили познакомиться с Тамарой. Договорились встретиться у нее дома. Помню, промокшие под холодным дождем, проклиная все на свете, мы тогда долго блуждали в районе метро «Аэропорт» в поисках Тамариного дома среди стандартных хрущевских пятиэтажек, тех самых, с ее картин. Одинаковые серые дома, дворы, подъезды, ни вывесок, ни номеров, сыро, грязно, в общем, никакого свечения, сплошная тоска. В результате опоздали почти на час. Дверь открыл Тамарин муж, тоже художник из «двадцатки» Володя Петров-Гладкий. Пропуская нас в квартиру, Володя, внешне флегматичный, даже замедленный, несколько обиженно сказал: «Что же вы так опоздали! Потеряли целый час дневного света!»

Тамара, спокойная, светловолосая, чтобы смягчить упрек мужа, улыбнулась и пошла на кухню ставить нам чай. А Володя приготовился показывать картины, он еще хотел успеть застать дневной свет. Дневной свет заставлял краски по-особому светиться!..

Помню, меня поразил какой-то особый покой этой квартиры двух художников. Вернее, покой не то слово. Какой уж там покой — без денег, без статуса, без признания, того и гляди, начнут выселять из квартиры за тунеядство!.. Не покой, нет, просто их квартира напоминала заброшенный остров, странный нежилой дом среди сумасшедшей, современной городской улицы, среди людей, возни, суеты. Они никуда не спешили, никуда не торопились, могли по месяцам не выходить на улицу, только если за продуктами и за красками... У них все было понятно на сегодня, на завтра и на послезавтра. У них были только картины.

...Они познакомились, когда вместе пришли учиться в детскую художественную школу. В пятом классе. С тех пор вместе. Вместе поступали в художественный институт. Шесть раз. Вместе туда шесть раз не поступили.

Трудно сказать, что стало бы с ними, не образуйся тогда это уникальное товарищество двадцати московских художников на Малой Грузинской. Художники — изгои официальной художественной элиты, отказавшиеся от общепринятых канонов и потому отвергнутые, они почему-то получили маленький выставочный зал и возможность раз в год выставлять в нем несколько своих работ (загадки эпохи застоя). Это было почти счастьем. Но главная уникальность товарищества была не в этом. В другом. В том, что они выжили в те годы, когда проехаться бульдозером по картинам, да и не только по картинам, ничего не стоило. Что выставки их, несмотря на неоднократные попытки, не закрылись, просуществовали до нашего времени.

Каждая выставка давалась «двадцатке» смертным неравным боем. Комиссии, принимавшие картины, проходили при закрытых дверях. На них без художников решалось, какую картину выставлять, а какую нет. Причины, по которым та или иная картина запрещалась, не сообщались. Не-зя-я! — и все тут!

Так вот, у «двадцатки» был неписаный закон: если запрещали картину какого-то художника, отказывались выставляться все. И стояли на том до конца. Комиссию, правда, это мало пугало, она бы с удовольствием не разрешила к показу все картины. Но на скандал идти не решались. Выставок ждали, это было событием. В общем, комиссии приходилось идти на компромиссы. Так «двадцатка» и выжила.

Выставки проходили раз в году, в конце апреля — начале мая. Значит, остальные месяцы и дни надо было как-то жить. А как может жить художник?

Так продолжалось несколько лет, пока их не приняли в профком художников-графиков. Теперь им официально государство разрешило рисовать.

Кстати, когда я вначале писала, что о «двадцатке» в нашей прессе не сказано ни строчки, я была не совсем точна. В 1979 году, как раз в момент расцвета интереса к выставкам «двадцатки», в газете «Советская культура» появилась статья под заголовком «В расчете на эстетическое невежество». Авторы статьи, Костин и Манин, о работах Тамары, в числе остальных художников, отзывались как о ремесленных поделках... беспомощных, бессмысленных, антихудожественных произведениях, а о самих художниках говорилось, что они обнаруживают полное непонимание требований времени... подменяют истинные ценности человеческой жизни выдуманными, оскорбительными, противоречащими здравому уму.

Чем оскорбили здравый ум Костина и Манина чистые и светлые, удивительно красивые, профессиональные Тамарины работы и что авторы статьи считали истинными ценностями человеческой жизни, я не знаю и мне об этом уже никогда не догадаться.

Но таков был тогда единственный официальный отзыв советской прессы о художниках.

Даже если и не думать о материальном, а созерцать мир натощак, как это делали в трудные времена Володя и Тамара, все равно надо хотя бы знать, что картину, которую ты рисуешь несколько месяцев, увидит зритель. И желательно не раз в году.

Один хороший и влиятельный человек, искренне желавший тогда помочь Тамаре и Володе, уговаривал их, почти просил: нарисуйте несколько портретов нужных людей, несколько ударников пятилетки, пару рабочих и т. д. И все у вас будет! Мастерская, союз, поездки! Поработайте немного на государство, а потом работайте на себя. В нормальной мастерской, как люди!

Они, наверное, очень хотели — «как люди». Но, увы, не смогли. Однажды их пригласили в официальную поездку по великим стройкам пятилетки. Чтобы отобразить это на холсте. Тамара не поехала, Володя согласился. Поездка, впрочем, была действительно очень интересной. А когда вернулся, настала пора сдавать картину. Володя долго мучился. И, наконец, отобразил. Он нарисовал быка, лежащего на берегу Байкала. Огромный бык, заходящее солнце, пустынный берег. Вдали стройка. Ее почти не видно. Великая, естественно, Байкало-Амурская магистраль... А бык лежал и смотрел на нас огромными, печальными глазами. Вот такая картина. Кстати, очень хорошая. Я лично ее очень люблю.

Тамара вспоминала, что Володя очень радовался, просто как ребенок, когда нарисовал эту картину. Он почему-то искренне считал, что ему удалось отразить настроение и чаяния великой стройки. Радовался, что первый раз удалось выполнить социальный заказ...

Больше Тамару и Володю на великие стройки пятилетки, впрочем, и не на великие тоже, не приглашали.

Можно было пойти и еще одним, более удобным путем. Кстати, таким путем пошли многие художники. Делать картины а-ля святая Русь. Эдакий коктейль из святых богородиц с печальными глазами, белокаменных церквей, березок и прочего традиционного набора. Очень ценилось. Впрочем, ценится и сейчас. Рисовались эти картины при хорошей технике художника очень быстро. Продавались легко. Художники жили припеваючи. Тамару и Володю уговаривали заняться тем же. Не смогли.

За эти годы — от первой выставки на Малой Грузинке до последней — много чего произошло. Поскольку выставки «двадцатки» гораздо больше посещали иностранные журналисты и специалисты, чем наши, то художники там стали достаточно известны. Тамара начала продавать свои картины за рубеж. Приезжали западные покупатели из всевозможных стран мира, смотрели, оценивали и... Картины уезжали за границу. Западных специалистов трудно заподозрить в альтруизме. Денег на ветер они просто так бросать не будут. Работы выбирались очень тщательно. Причем они не просто покупали. А еще и были очень благодарны за то, что приобрели картины. Вот, например, копия официального письма из Вены от директора знаменитого Венского музея современного искусства:

«Я хотел бы подтвердить — и одновременно прошу вас извинить за опоздание этого письма,— что следующие работы были включены в собрание музея (дальше следует перечисление картин). Чтобы вам было виднее, в каком окружении ваши картины находятся, я позволю себе переслать вам экземпляр каталога нашего собрания. (Окружение их картин составили многие известные западные художники с мировым именем.) Остаюсь с искренней благодарностью и сердечным приветом. Ваш Дитер Ронте, директор музея».

Остается только пожалеть, что ни от одного директора советского музея ни с сердечными приветами, ни без них таких писем Тамара не получала.

«Полное непонимание требований времени...» — так написали авторы той статьи в «Советской культуре».

Тамара действительно, наверное, не понимала, что время от нее требует. И главное, зачем требует. Для чего? Почему?

Однажды, по совету друзей, она пришла в одну очень солидную организацию, пришла, чтобы попросить помочь выделить для работы мастерскую. В их крошечной квартирке работать и хранить картины было практически невозможно. Милый, обходительный, вежливый чиновник внимательно выслушал Тамарину просьбу и стал задавать вопросы. Являетесь?.. Были?.. Участвовали?.. Состояли?.. Имеются ли такие-то и такие-то бумаги, подтверждающие то-то и то-то... Тамара виновато отвечала: нет, нет, нет... И тогда чиновник искренне удивился. «А кому же мы тогда должны выделять мастерскую? — спросил он.— Вас же нет! Вы же не существуете!»

Но она все-таки была. И с трудом выносила соприкосновения с жизнью. Она с большим трудом заставляла себя сходить даже за справкой в ЖЭК. Она боялась ЖЭКов. Вернее, даже не боялась. Просто в ее мире, в ее действительности ЖЭКов не было, так же как и справок, характеристик, рекомендаций и всего остального. Наверное, кто-то скажет: подумаешь, барыня, обычная неприспособленность к жизни, избалованность. Надо учиться жить!

Что ж, возможно, и так. Тамара действительно ни приспосабливаться, ни пристраиваться, ни устраиваться, ни перестраиваться не умела. Она умела только рисовать.

«Никогда и ничего не просите,— говорил Воланд Маргарите.— ...И в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут».

Я думаю, Воланд был оптимистом. Дьяволом-романтиком. Если не просить, а вернее не требовать, не вырывать — не предложат и не дадут. А тем более — сильные мира сего.

Тамара не просила. Никогда и ничего. И ей не дали.

Милосердие, благотворительность, менеджерство... Где Третьяковы, Дягилевы? Где те богатые интеллигенты, ценившие искусство? Где те русские князья, помогавшие Пиросмани, совсем неизвестному, никому не нужному художнику? Они, почти сами разорившиеся, покупали его работы, спасая его от голодной смерти... Где те люди, которые ради русской культуры, да и просто ради культуры, помогают художникам, поэтам, музыкантам? А если не ради искусства, то хотя бы ради собственного капитала, собственной личной славы! Где они?

За эти годы на Малую Грузинку часто приходили известные наши художники, поэты, писатели. Признанные. С доходами. Большими. Они поздравляли художников, восхищались, жали руки, писали отзывы, говорили, что будущее обязательно все поставит по местам, призывали держаться, даже фотографировались с ними на память. Однако картин не покупали.

И это не только жадность. Просто у нас не принято вкладывать деньги в искусство. Лучше купить лишнюю шубу, второй «Мерседес», еще одну дачу и т. д.

Вот и получилось, что западные предприниматели и любители живописи, приезжая к нам, вкладывали свои деньги в наших художников, в наши картины, в наше искусство. Упрекать художников, что они продавали картины на Запад,— нечестно и глупо. Я знаю, Тамара, например, очень долго отказывалась это делать. Но время шло. Картины лежали в тесной комнате. Их никто не видел, они просто могли пропасть. К тому же наступали дни, когда оказывалось, что денег в доме нет совсем. Даже на хлеб. И им неоткуда было взяться.

Из нескольких десятков Тамариных работ в нашей стране осталось сегодня чуть более десяти. Это те, которые после Тамариной смерти Володя отказался продавать. И еще несколько, которые висят у друзей и знакомых. И все. А у нас остались только слайды. Их теперь можно смотреть с помощью проектора на белой стене...

...Вот портрет девушки в джинсовом костюме. Тамара написала его на джинсовой ткани. Голубые джинсы, голубоватое лицо, голубая ткань, голубые глаза... Эта картина в Голландии.

...А вот вид из окна пятиэтажки: красный кирпичный дом, яблоко на открытом окне, старенькие белые занавески, испускающие свечение... Эта в Финляндии. Там какой-то коллекционер начал собирать картины художников с Малой Грузинки.

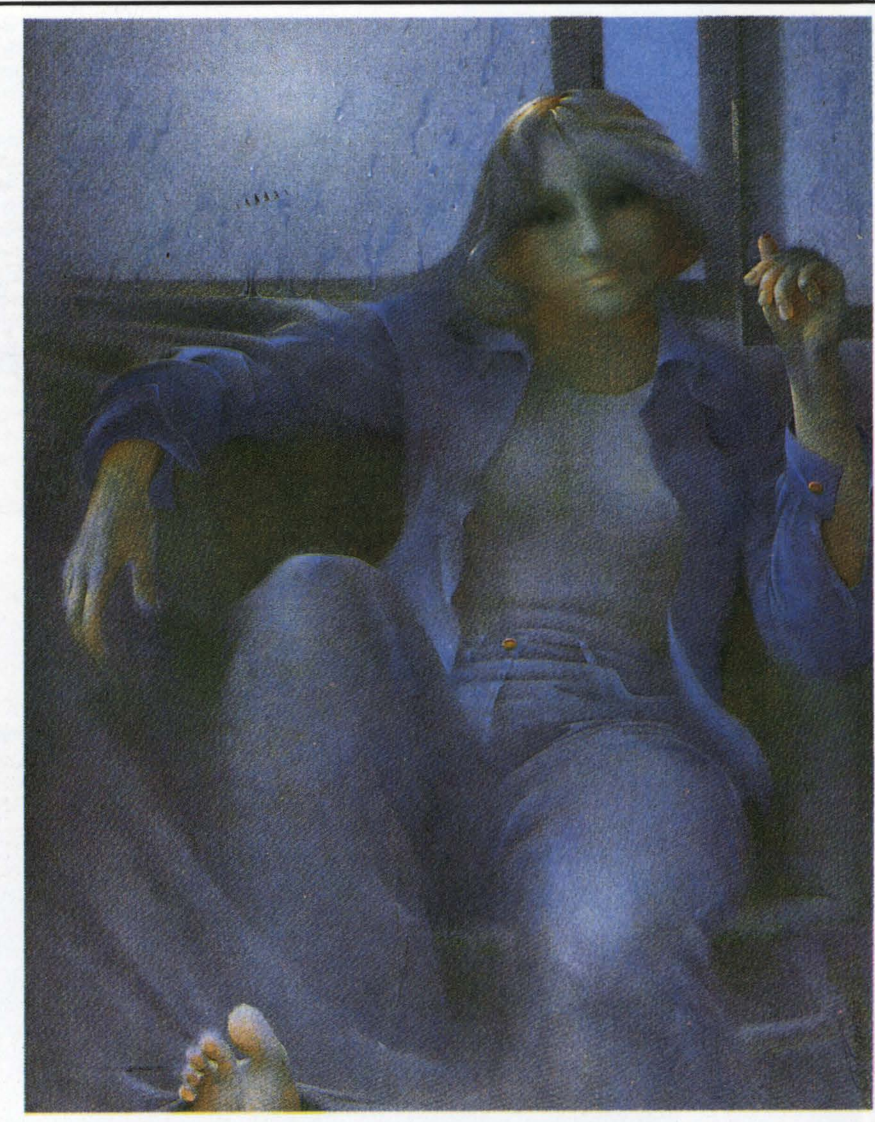
...Вот портрет женщины в оранжевом свете... Это висит у профессора словесности. У американского, естественно, не у нашего.

...Вот очень красивый натюрморт: черная ворона, белые статуэтки, желтые, даже золотые листья. Эта в Эквадоре.

Что делают Тамарина ворона и эти золотые листья в далеком Эквадоре? Никто не ответит.

Последний раз я видела Тамару несколько месяцев назад. Мы снимали документальный фильм «Хор в одиночку». Приехали со съемочной группой к Володе и Тамаре. Они были все такими же, что и прежде. Ну, может быть, чуть более усталыми. Зато внешне их жизнь изменилась, и весьма ощутимо. Теперь Тамара угощала нас не просто одним чаем с сахаром, как раньше, теперь на столе стояли зарубежный шоко-

Окончание на вкладке 4.

Т. В. ГЛЫТНЕВА. 1948—1988. МЕТАМОРФОЗЫ ОСЕНИ. 1982.

ОКНО. ДЖИНСОВЫЙ МИР. 1979

Т. В. ГЛЫТНЕВА. ОЖИДАНИЕ ПАСХИ. 1987.

Остановиться, оглянуться...

Среди странных поэтических репутаций 70-х и начала 80-х, может быть, именно его репутация была самой загадочной. Время от времени кто-нибудь из критиков восклицал: когда же мы увидим книгу Аронова? Или: есть надежда, что скоро выйдет книга Аронова?.. Так повторялось из года в год. Его строчками были уже названы два романа двух современных прозаиков: «Какая на земле погода?» и «Остановиться, оглянуться...». Последнее название даже превратилось в газетный штамп, а стихи по-прежнему лежали в столе автора. Иногда, впрочем, поэт сам напоминал о себе то подборкой в «Дне поэзии», то статьей в московской молодежке, где он и до сих пор работает обозревателем. Книга его вышла в «Советском писателе» только в прошлом году и стала поводом для журналистской полемики в «Юности». На примере Аронова выяснялся вопрос: почему так медленно идут к читателю хорошие стихи? Если учесть, что тираж «Островка безопасности» ничтожен, картина и тут выходила невеселая: поэт и книгу уже издал, а его имя по-прежнему только аргумент в окололитературном споре. Читатели оценят лирический дар поэта, чье присутствие в литературе трех последних десятилетий было столь очевидно, а отсутствие — заметно.

Александр АРОНОВ

ЧТЕНИЕ

В вагоне мы к плечу плечом
И каждый книгой увлечен,
Раскрытой и отдельной,
А на страницах слабый яд,
Домашний усмиренный ад,
Ручной и несмертельный.
Там сказано, что болен тот,
А этот через час умрет,
А третий предан кем-то.
Но, так как это не всерьез,
Никто не проливает слез
Над ужасом момента.
Макбет, Отелло, Гамлет, Лир
Уже зачитаны до дыр,
И остальные тоже.
Но так как это не всерьез,
Никто не вскрикнет, и мороз
Не продерет по коже.
И автор, даже сам Шекспир,
Словами ослабляет мир
И заявляет: командир,
Забудь свой быт домашний,
Забудь свой стыд вчерашний...
...Перелистай полсотни книг,
Глядишь, и ты уже привык.
И все не так уж страшно.

МАРКИ

А может быть, марки вот так разложить —
Сначала — потом — и на третье —
Чтоб расположеньем уже предложить
Концепцию хода столетья?

Но марки-то лягут, согласья полны,
Черней, красней, белей,
И между боями кровавой войны
Поместятся юбилеи...

Нет, дай-ка положим людей на подбор —
Портретная ровная стенка:
Дзержинский, Руссо, Робеспьер, Косиор,
Мичурин, Вавилов, Лысенко.

Мой парень плечом ко мне тесно приник
И в щеку внимательно дышит.
Моих рассуждений, пока я про них
Молчу, он, конечно, не слышит.

Он верит, что я-то уж знаю, как жить,
Что взрослая мудрость отрадна...
А что, если марки нам так положить,
Чтоб синюю к синей — и ладно.

БЕССОННИЦА

Перетянул. Перетерпел.
Вот и послушай новый мотив:
Был ты не промах. Сладко ты пел.
Что же ты жив?

Все понимаешь ты по ночам —
Молча лежишь, знаешь тайком:
Так уж обиды ты не встречал?
Так уж с неправдой ты не знаком?

Чем же ты горд? И чему же ты рад?
Перед собою сам распрямись.
Если живешь — хаживал, брат,
Не на медведя, на компромисс.

Сколько их было, комнат стальных,
Мелких годов, крупных минут...
И не кивай на остальных —
Пусть на тебя уж лучше кивнут.

Что-то ты понял. Что-то видал.
Мог бы утратить милый наив.
Не прекращался давний скандал.
Что же ты жив?

●

Дождь. Авоська. Холод. Свертки. Ветер.
Транспортный, потом перронный бег.
Оглянись! Ты на котором свете,
Дачный муж, серьезный человек?

Электричку взять ты хочешь с бою,
Весь в заботах, словно в мелком сне.
Тридцать лет слежу я за тобою —
Не сказать, что ты понятен мне.

Что ты мчишься, глупый и отважный?
Втянут нас и перетрут миры,
Если мы в занятьях самых важных
Потеряем отблески игры.

Встань. Вернись. Иди в буфет щербатый,
К пьяницам, толпящимся в тепле.
Проникай, неловкий соглядатай,
В заговор живущих на земле.

Твой бегущий моментальный снимок
Щелкнет память и отправит вниз...
Сколько там гримас, прыжков, ужимок!
Влез в вагон? Теперь хоть оглянись:

С саженцами всяческой породы,
От присевших в панике небес
Мчат на электричку садоводы,
Как внезапно тронувшийся лес.

В ГОСТЯХ

Значки на пиджаках, портреты на обоях.
И снежный человек уже промчался мимо.
И йога телепат приводит за собою.
«Пришельцы», наконец. Почти невыносимо.

Давайте создадим гипотезу «Ушельцев».
Оглянемся — ведь нам кого-то не хватает:
Касанья чьих-то рук, собачьей теплой шерсти
И взгляда дальнего, что тянется и тает...

А что? Ведь только так понятна наша тайна,
Все очень сходится, и будет объяснимо
И почему мы здесь, так вздорно и случайно,
И семьи не у всех, и негде брать любимых.

ХЛЕБ, СЫР, МЯСО И ВИНО

«...Наутро он явился. Постучал.
Принес нам хлеб, сыр, мясо и вино,
Исчез. И только через два часа
Я догадался ей сказать: — Послушай,
Когда нам было некуда вчера,
И под дождем ты выдохнула: — Ладно,
В конце концов...— и мы к нему пришли,
И он вдруг к матери заторопился,
Вчера — да и сегодня — я не знал, что
Тебя он любит».

●

перетекает в слова
трогая крыши и листья
не отказавшийся литься
с неба туда где трава

перебирает секунд
лопающиеся бусы
в шлепанцы переобулся
тихо сходя по листку

не оставляя зато
здания без выраженья
перекрывая движенье
наших машин и зонтов

из отдаленных морей
вдоль прилегающих улиц
посередине июля
строчек и жизни моей

ДИАЛОГ

— Первую жизнь играть с огнем,
Следующую — вести дневник,
Третью жизнь разбираться в нем
И подойти к написанию книг.

Вы не поверите, я бы мог,
О, уважаемый педагог,
Вообразить, что всего одна
Сразу, допустим, на все дана...

— Дерзость и глупость, мой юный друг,
И ни на что не похожий вздор,
Верьте опыту, до сих пор
Не помогали в сфере наук.

МОЦАРТ

Равнинная тихая местность
Куда-то уходит во тьме.
Еще никому не известно,
Что гордость равнины в холме.

А холм и не помнит про это.
Всю ночь его сводит с ума
Резная игра силуэта,
Ведь дерево — гордость холма.

Оно научилось стремиться
В неслышный, старательный рост.
Но гордость у дерева — птица
Среди разыгравшихся звезд.

В кругу мирового величья
Нахохлен пернатый комок.
И музыка эта не птичья,
А веток,
пригорка,
дорог.

АНОНИМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Отсвет имени на строчке
В сотни раз прекрасней слова.
Я ничем вам не помог, мои слова,
Чтобы вам не сгинуть снова,
Не пропасть поодиночке,
Друг за друга вы держитесь, как трава.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ДРУГИЕ

Анатолий РЫБАКОВ
Главы из романа

4

Варя поступила в строительный институт. Не на дневное отделение, как советовала Нина, а на вечернее: стипендия мала, а сидеть на Нининой шее она не хочет.

Нину этот довод не убедил: обходятся же стипендией миллионы студентов. Конечно, пришлось бы жить скромно, но все живут скромно. Такое сейчас время. Страна напрягает все силы, создается могучая социалистическая держава. Для этой великой цели народ отрывает от себя последнее, терпит невероятные лишения, сверстники Вари мерзнут в землянках и бараках, строят заводы, фабрики, электростанции. И студенты теснятся в общежитиях по шесть человек в комнате, питаются в дешевых студенческих столовых. А у Вари комната на Арбате, ее бывший муженек, хоть и шулер, все же обул и одел ее на пять лет вперед, так что прекрасно могла бы учиться и на дневном.

В принципе Нина была не против вечернего отделения. Но зачем лукавить, зачем наводить тень на плетень? Что она, не знает свою сестру?.. Знает... Ларчик открывается просто: учеба на вечернем отделении избавит Варю от элементарных общественных обязанностей на работе, а работа освободит от общественных обязанностей в институте. Ведь сама призналась: «Слава богу, теперь не буду на собрания ходить. Пусть другие тянут руки. Славословят своего «гениального и мудрого», ревут от восторга, бараны».

И это она говорит ей, Нине, члену партии! Спорить с Варей, доказывать что-либо бесполезно, такая озлобленность, такая непримиримость в ее возрасте — поразительно!

Повесила над кроватью фотографию Саши Панкратова. Такая же фотография есть и у Нины в альбоме, но обычных размеров, а эта увеличенная, в рамке, под стеклом. На видном месте. У Нины над столиком висит портрет Сталина, а у Вари — портрет Саши Панкратова, сосланного в Сибирь по статье 58-10 — «контрреволюционная агитация и пропаганда». К Нине приходят люди, узнают Сашу, заходят соседи и тоже узнают, одна соседка — Вера Станиславовна чего стоит, сволочь! Увидела, ехидно улыбнулась, донесет обязательно. Что же, теперь не пускать людей в комнату?

— Зачем ты повесила фотографию Саши? — спросила Нина.

— А почему тебя это волнует?

— Мы живем все же в одной комнате, должны как-то считаться друг с другом.

— А ты у меня спрашивала, когда повесила этого нашего лучшего машиниста?

Она показала на портрет Сталина.

— Почему машиниста? — не сразу поняла Нина.

— Ну как же. Железнодорожники пишут: наш лучший машинист Сталин.

— Не смей так говорить! Понятно? Не смей! Я повесила портрет товарища Сталина, когда тебя здесь не было, когда ты жила со своим муженьком-бильярдистом. Я уважаю товарища Сталина.

— А я,— хладнокровно ответила Варя,— уважаю товарища Панкратова.

— Пожалуйста, уважай, только держи это при себе... Нечего афишировать! Кто он тебе? Муж? У тебя, кажется, был другой муж! Жених? Что же ты его не дождалась, выскочила за какого-то шулера?.. Товарищ по школе? Ты в школе его и не знала. Он тебе никто. Никто! Почему же ты повесила его фотографию? Для демонстрации? А чем это может кончиться, ты не думаешь? Так вот, я тебя предупреждаю: если ты не снимешь фотографию, я сама ее сниму.

— Ах, так...— Варя запнулась, потом спокойно и решительно объявила:

— Имей в виду: если только притронешься к Сашиной фотографии, то я сниму твоего усатого, вынесу в коридор, разорву на кусочки при всех. Можешь не сомневаться, что я это сделаю.

Нина вспыхнула от гнева. Психопатка, распутница! Сотворила себе из Саши кумира, новоявленная Магдалина, новоявленный Иисус Христос. Фанатичка! За одну сотую того, что она болтает, ей могут влепить пять лет. И Нине придется за нее отвечать. Что она скажет? Не знала о настроениях собственной сестры? С которой живет в одной комнате?

— Я запрещаю тебе со мной так разговаривать! — категорически заявила она.— Запрещаю!

— Может быть, мне вообще молчать?

— Да, молчи, если у тебя нет других тем для разговоров. Я — коммунистка и антисоветчину слушать не желаю!

— Антисоветчину? Разве я говорю что-нибудь против Советской власти? Я за Советскую власть, только вашего «отца и учителя» терпеть не могу!

— Не смей так называть товарища Сталина, не смей! Товарищ Сталин и Советская власть — это одно и то же.

— Это для тебя одно и то же.

— Не только для меня, для всей партии, для всего народа.

— Не говори за весь народ, вы его хорошо околпачиваете. В одной газете пишут: «Освободить Енукидзе для избрания его Всекавказским старостой», а в других: «Исключить из партии за политическое и бытовое разложение». Врете на каждом шагу!

В коридоре послышались шаги и замерли у их двери. Ну вот, дождались, теперь из-за Сашиной фотографии эта сволочь Вера Станиславовна начнет подслушивать, о чем они разговаривают.

— Повторяю,— Нина перешла на шепот,— я запрещаю тебе вести со мной такие разговоры, понимаешь? — Лицо ее стало красным, она рубила рукой воздух.— Запрещаю! И запрещаю вести их не только со мной, но и вообще с кем бы то ни было.

— С тобой я могу не разговаривать,— Варя тоже понизила голос,— ну а с другими — это мое дело. И не махай руками!

— Ты понимаешь, чем это для тебя кончится?

— Ничем. Я разговариваю только с порядочными людьми.

— Дело твое. Но если ты еще раз при мне заговоришь в таком духе, то кому-то из нас придется навсегда покинуть эту квартиру.

— Я тебя не задерживаю,— прищурилась Варя,— впрочем... Ты можешь сплавить меня в Бутырки.

— Если ты не одумаешься, то, может быть, придется это сделать.

— Ну что ж,— хладнокровно ответила Варя,— для тебя это будет весьма естественно и логично. Только передачи придется таскать.

Варя запела:

Не ходи по льду,
лед провалится,
не люби вора,
вор завалится.
Вор завалится,
будет париться,
передачи носить
не понравится...

— Не юродствуй,— прикрикнула Нина.

— Впрочем, передачи ты носить не будешь, еще бы, какой-то там антисоветчице. Другие принесут. Ладно,— она встала,— не беспокойся: больше на эту тему разговоров у нас с тобой не будет.

Прекратились разговоры не только на эту тему, прекратились разговоры вообще. О чем им было говорить? Каждая жила своей жизнью.

Но Нину и это не устраивало. Суровое, ответственное время. Страна, окруженная врагами внешними, борется с врагами внутренними. Малейшее сомнение в Сталине означает сомнение в партии, неверие в дело социализма. Только безграничная, безоговорочная вера может сплотить миллионы людей на строительство нового общества, только безграничная, безоговорочная вера может обеспечить победу. В бою не рассуждают, в бою действуют, выполняют приказы командования, а не обсуждают их. Ее сестрица не только сомневается, она не верит, отрицает все, что дорого и священно для Нины и для миллионов советских людей. Раньше были мальчики, танцульки, рестораны, потом муж — бильярдный игрок, вор, мошенник, теперь антисоветчина. К чему все это приведет? Что ждет Варю? И что ждет ее, Нину? Дело не в страхе, дело в ее партийной честности. Прикрывая Варю, она поощряет антисоветские разговоры, а значит, и поощряет антисоветскую агитацию. Тем самым она совершает преступление перед партией, становится соучастницей.

Но как поступить? Пойти к Вариному начальнику и поговорить с ним? Сообщить в партийную организацию. Донести на сестру?! Это ужасно! Ведь Варю посадят, и все будут знать, что посадила ее родная сестра. Но и молчать она не может.

Возвращаясь из библиотеки, Варя встретила Вику. Вика остановилась, заулыбалась, обняла Варю, поцеловала. И тут же вынула из сумочки носовой платок, пахнущий духами «Коти», вытерла на Вариной щеке след от губной помады. По-прежнему красивая, нарядная, в легком бежевом пальто и такого же цвета берете, оживленная, она обращала на себя внимание, прохожие оборачивались.

— Варя, милая, я так рада тебя видеть.

Была ли рада этой встрече Варя? Трудно сказать. Чужой человек в общем-то. Но вспоминалась встреча Нового года, где был Саша, вспомнился ресторан, куда Варя попала впервые и где познакомилась с Левочкиной компанией. И она тоже улыбнулась Вике.

— Ты куда? — спросила Вика.

— Домой.

— Может быть, зайдем ко мне? — предложила Вика.

— Нет, меня ждут дома.

— Ну, тогда я тебя провожу.

Вика шла рядом с Варей, поглядывала на нее, весело улыбалась, и казалось, что она действительно рада их встрече. И опять, как и тогда, во времена их прошлого знакомства, повеяло от ее разговоров иной жизнью, бесшабашной, текущей по своим независимым законам, жизнью удачников, счастливчиков, которым все дозволено и которые все могут. Варя знала, что это не так, что людей, которые все могут и которым все дозволено, не существует. Но был флер, была видимость... Такая жизнь не притягивала, как раньше, но напоминала о том, что притягивала и увлекала когда-то.

— Я слышала, ты разошлась с Костей? — спросила Вика.

— Да,— неохотно ответила Варя, не желая разговаривать на эту тему.

— Ты меня извини, Варя, что я вмешиваюсь, но я с самого начала не понимала и не одобряла твоего брака, я знала, чем это кончится... Жаль, что ты не спросила меня о нем, не поговорила со мной. Ведь, Варенька, я тебе всегда желала только добра и теперь желаю, всегда к тебе хорошо относилась. Но ты как-то сразу, без всяких причин оборвала нашу дружбу. Я тебя чем-то обидела?

— Так получилось,— сдержанно ответила Варя.

— Понимаю,— Вика сочувственно кивнула головой,— все мы рабы своих увлечений. Ты, наверно, слышала, за кем я замужем?

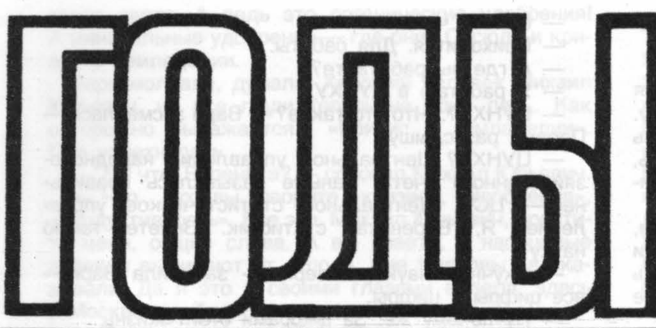
— Слышала.

— Он прекрасный человек, порядочнейший, об остальном я не говорю — талант. Любит меня. Но, понимаешь, я почти его не вижу, он уходит рано утром и возвращается поздно вечером, иногда ночует в мастерской. Но что делать? Он одержимый, как всякий гений... Я должна терпеть, должна нести свою ношу... Однако скучновато.

— Пошла бы работать,— сказала Варя.

— Вставать в шесть утра?.. Трястись в трамвае через весь город... Ведь на мне дом, хозяйство, забота о муже, отце, Вадиме — все это на мне... Как работает мой муж, я тебе сказала. Отец — не лучше: он и в институте, и в клинике, и в Кремлевской больнице, его вызывают по ночам, надо проводить, накормить. В сущности, я — домашняя хозяйка. Вадим стал известным критиком, крупным газетчиком. А в журналистике сумасшедшая жизнь, их задержи-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30, 31.

вают в редакции до утра. Три такие личности требуют ухода, вот я их и обслуживаю.

Она покосилась на Варю и добавила:

— Мои мужчины и слышать не хотят, чтобы я пошла работать.

Варя усмехнулась про себя: все сказала, только про Феню, домработницу, забыла упомянуть, Феню, которая подает Вике кофе в постель.

— Разве у вас Феня больше не служит? — с наивным видом спросила она.

— Служит. Но Феня есть Феня. А в доме бывают люди, и, как ты понимаешь, не простые люди. Их надо принять, это могу сделать только я. В общем, что говорить. Я ведь не жалуюсь, просто рассказываю о своей жизни. Никуда не хожу, нигде не бываю. И ко мне никто не заходит. Варя, хоть бы ты заглянула как-нибудь.

— Когда? Днем я работаю, вечерами в институте.

— Да? Молодец! В каком?

— В строительном.

— Прекрасно! У меня масса знакомых по этой линии, архитекторы, инженеры-строители, может быть, нужна их помощь?

— Нет,— сказала Варя,— никакая помощь не нужна.

— Ну, смотри, а то — пожалуйста. Я говорю не только о своем муже, а о своих знакомых. Люди с мировыми именами. Одно их слово — и все для тебя будет сделано.

— Ничего не надо,— нахмурилась Варя.

— Не надо, значит, не надо.

Вика остановилась:

— Мой телефон не потеряла?

— Нет.

— Вот и прекрасно. Звони, приходи, посидим, поболтаем...

5

Варя, конечно, не позвонила Вике. И Вика не звонила ей. И слава богу! С той жизнью покончено навсегда. После случая с готовальней Варя отстранила от себя и Зою. Надоело. Да и некогда.

С Левочкой, Риной она виделась только на работе. И никаких разговоров о Косте. Левочка как-то заикнулся было, Варя осадила его, грубо осадила, иначе нельзя, пусть запомнит. И Левочка запомнил, больше не заикался, а Рина тем более: ей, хохотушке, все равно.

Игорь Владимирович был по-прежнему благожелателен, внимателен, ровен в обращении. Но Варя чувствовала, что после ее разрыва с Костей у Игоря Владимировича появились какие-то надежды, он скрывал их подчеркнутой корректностью. После профсоюзного собрания, после «Канатика» он сильно упал в ее мнении — такой же кролик, как и остальные, но хороший руководитель, бесспорно, талантливый архитектор. Варе был интересен ход его рассуждений, нравились его решения, логика и убедительность доказательств. На совещания, где обсуждались технические вопросы строительства и где Игорь Владимирович демонстрировал свои проекты и предложения, он брал с собой только Варю, не Левочку, не Рину, а именно Варю. Развесить чертежи, снять их, заменить другими, подобрать Игорю Владимировичу нужные материалы — это мог сделать любой толковый чертежник. Другие проектировщики брали с собой своих ближайших помощников, которые были способны сами объяснить назначение той или иной детали, и Игоря Владимировича полагалось сопровождать Левочке. Но сопровождала Варя. Игорь Владимирович проделал это очень тактично: у Левочки срочная ответственная работа, и у Рины сложная ответственная работа, не следует их отрывать, с ним пойдет Варя. Так и повелось: на технические совещания Игоря Владимировича сопровождала Варя.

Она ходила на эти совещания с удовольствием: приятная атмосфера, интеллигентные, остроумные люди, крупнейшие в своей отрасли специалисты. Постепенно и она вошла в курс всех сложных вопросов строительства гостиницы и не могла не оценить эрудицию и блестящую логику в выступлениях Игоря Владимировича. Он выделялся даже здесь, среди этих выдающихся людей, и это до некоторой степени примиряло с ним Варю.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Конечно, и над ним довлеет страх, как и над другими, он не герой, но и не подлец, он по мере сил старается остаться порядочным человеком, любит свое дело, человек творческий, но слабый. Такие творческие, талантливые люди, видно, часто бывают слабыми. Достаточно посмотреть газеты. Знаменитые писатели, актеры, художники ставят свои подписи под требованиями истребить, уничтожить, расстрелять людей, чья вина еще не доказана. Неужели писатели, артисты, художники могут поверить в массовый шпионаж и массовое вредительство? Даже она не верит, и они, конечно, не верят, но боятся.

Имени Игоря Владимировича Варя в газетах, слава богу, не находила, он такие требования не подписывал, а его поведение на профсоюзном собрании и в «Канатике», в общем, мелочи, хотя это ее и покоробило в свое время.

Несколько раз Игорь Владимирович провожал ее с работы, им было по пути... Пошли почему-то по улице Герцена, в кинотеатре показывали фильм «Ради ребенка», они зашли, купили билеты, фильм оказался хорошим.

В другой раз шли по Арбату, он что-то рассказывал Варе, увлекся, назвал ее на «ты». Сконфузился, рассмеялся, обернул все в игру: «Давайте до конца этого квартала будем на «ты», а в следующем квартале опять на «вы», если кто-нибудь ошибется, он должен будет и в этом квартале говорить только «вы»... Варе это не понравилось, она ошиблась через несколько шагов и затем обращалась к нему только на «вы». Игра прекратилась.

А на следующий день через Красную площадь спустились к Москве-реке, сидели на парапете, рассматривали прохожих, придумывали им судьбы.

Как-то проходя мимо метро на Арбатской площади, он купил ей три розы, перебирая их, она случайно одну уронила, они нагнулись одновременно, стукнулись лбами, рассмеялись.

Эти прогулки становились опасны — начиналось ухаживание, которого Варя не хотела. Она сделала так, чтобы к ним присоединилась Зоя,— они живут в одном доме, естественно, что идут вместе. Игорь Владимирович не выразил своего неудовольствия, так же шутил, смеялся, но был разочарован и, когда на следующий день увидел Зою рядом с Варей, сказал:

— Мне с вами по пути до Воздвиженки.

И там, на углу, распрощался с ними.

В другой раз они вышли одновременно с Игорем Владимировичем, Зои не было, но Варя сказала:

— Я тороплюсь, Игорь Владимирович, и поеду на трамвае.

— Я вас посажу на трамвай.

Он молча проводил ее до остановки, молча стоял рядом и, когда трамвай подошел, вдруг спросил:

— Вы разрешите вам позвонить?

— Звоните,— сказала Варя, садясь в вагон.

Он не позвонил, но прислал корзину цветов.

— Это что, новый поклонник? — спросила Нина.

— Возможно...

Она сразу поняла: цветы прислал Игорь Владимирович. Красивые цветы, но ей не надо этого. Она не любит Игоря Владимировича и никогда его не полюбит. Полюбить его, значит принять все существующие порядки, как принял их он.

Она ждет Сашу... В последнем письме Софьи Александровны она приписала фразу: «Дорогой Саша, мы ждем тебя». Потом зачеркнула «Мы ждем» и подписала: «Я жду».

Софья Александровна посмотрела, улыбнулась и сказала:

— Спасибо, Варя, Саше это будет радостно читать.

Возвращать цветы, конечно, глупо. И куда она потащится с этой корзиной по Москве?.. И объясняться на работе тоже глупо. Варя решила написать Игорю Владимировичу.

«Дорогой Игорь Владимирович! Спасибо за ваш милый подарок, цветы чудесные. Но в нашей бедной коммунальной квартире эта корзина вызвала большой переполох и всяческие пересуды, связанные с моим бывшим мужем. Чтобы в дальнейшем не волновать моих соседей и не давать пищу сплетням, прошу вас больше цветы не присылать. С самым нежным приветом. Варя».

Она заклеила конверт и на следующий день, зайдя в кабинет Игоря Владимировича, положила это письмо перед ним на стол, улыбнулась:

— Прочитайте и не сердитесь!

И вышла из кабинета.

Через некоторое время Игорь Владимирович вошел к ним в комнату и тоже улыбнулся Варе в знак того, что прочитал и понял ее записку.

Дни и вечера у Вари были заняты, но она все-таки выкраивала время, чтобы навестить Софью Александровну и забежать к Михаилу Юрьевичу. Это были единственные люди, которых ей хотелось видеть.

У Софьи Александровны болело сердце. Она не жаловалась, но Варя замечала, как тяжело она поднимается со стула, задыхается, глотает таблетки.

— Чем вам помочь, Софья Александровна?

— Ничего, пройдет,— отвечала обычно Софья Александровна,— до Сашиного возвращения дотяну.

— Бросьте, Софья Александровна,— сердилась Варя,— выкиньте это из головы. Я не могу видеть, как вы мучаетесь. Хватит. Собирайтесь в поликлинику, я пойду с вами.

— Тебе некогда, ты работаешь, учишься, а там, чтобы попасть к врачу, надо просидеть в очереди целый день, а перед этим еще день в очередь к участковому врачу, чтобы выписал направление к кардиологу.

— Ничего, я возьму два дня в счет отпуска.

Варя пришла на следующий же вечер:

— Софья Александровна, завтра пойдем, я договорилась на работе.

Софья Александровна не могла быстро ходить, они долго добирались до Собачьей площадки — там находилась районная поликлиника. Варя усадила Софью Александровну на стул, народу было действительно полно, ждать пришлось долго. Наконец подошла очередь Софьи Александровны. Она вошла в кабинет, Варя вслед за ней.

— Вы кто? — спросила ее врач.

— Дочь,— ответила Варя.

— Побудьте в коридоре.

Софья Александровна сказала:

— Посиди, Варенька, подожди.

Варя ждала в коридоре минут пять, потом Софья Александровна вышла.

— Что она вам сказала?

— Ничего, заполнила карточку, спросила, на что жалуюсь. Я ответила — на сердце, она дала мне вот это направление.

И протянула Варе бумажку, где было подчеркнуто слово «кардиолог».

Они спустились в регистратуру, и там толпились люди, но не было ни стула, ни скамейки. Варя заняла очередь, вывела Софью Александровну на улицу, цокольный этаж дома низкий, усадила Софью Александровну на подоконник. Та задержала ее руку:

— Что бы я без тебя делала, Варенька?

— А зачем вам что-то делать без меня? — улыбнулась Варя.— Я же с вами.

И побежала в регистратуру.

Как и предсказывала Софья Александровна, возвратились они домой к концу дня, зато имея на руках талон на прием к кардиологу.

— Что туда ходить, Варенька? Скажут принимать нитроглицерин, я его и так принимаю. Давай не пойдем.

— Нет, обязательно пойдем.

Визит к кардиологу действительно ничего не дал. Он назначил сердечные капли, в крайних случаях принимать нитроглицерин. Даже бюллетеня не выписал, и Софья Александровна продолжала ходить в прачечную на Зубовском бульваре, где по-прежнему работала приемщицей белья.

Варя огорчалась, представляла, как бедную Софью Александровну атакуют взбешенные клиенты, у которых прачечная постоянно путает или теряет белье, а Софья Александровна отвечает им больным слабым голосом и, конечно, тут же кладет под язык таблетку нитроглицерина. К тому же и заведующий стал придираться к ней, откуда-то узнал про Сашу, даже хотел уволить ее за то, что скрыла это при поступлении на работу, но не смог — на такую должность и на такой оклад желающих не находилось. И на его придирки Софья Александровна отвечала тем же слабым больным голосом. Ужас! Разве можно человека в таком состоянии отправлять на работу? Что врач, слепой?!

Помогать Софье Александровне в прачечной Варя теперь не могла: сама ходила на службу, но старалась хотя бы освободить ее от домашней работы. Варе казалось иногда, что это и есть ее настоящий дом, так свободно и легко можно чувствовать себя только в своем доме. И удивительное дело: ничто тут не напоминало ей Костю, будто Костя никогда и не жил в этой квартире. Здесь жила Софья Александровна, здесь незримо присутствовал Саша.

Управившись с делами, Варя навещала Михаила Юрьевича. В комнате, тесно уставленной шкафами, полками, этажерками, сплошь забитыми книгами, альбомами, папками, царил полумрак. Освещен был только стол, уставленный баночками, стаканами с кисточками, ручками, карандашами, тут же лежали тюбики с клеем и красками, ножницы, бритвочки — все, что нужно Михаилу Юрьевичу для работы. Варя с ногами забиралась в старое кресло с продавленным сиденьем и высокой спинкой.

Пахло красками, клеем, уютно выглядел Михаил Юрьевич в клетчатой домашней куртке, старомодный холостяк в пенсне. Склонившись над столом, он подклеивал страницы в какой-то ветхой книге.

Однажды Варя увидела у него на столе томик Сталина, удивилась:

— Вы это читаете?

— Приходится. Для работы.

— А где вы работаете?

— Я работаю в ЦУНХУ.

— ЦУНХУ?.. Что это такое? — Варя засмеялась.— Первый раз слышу.

— ЦУНХУ? Центральное управление народнохозяйственного учета. Раньше называлось правильнее — ЦСУ, Центральное статистическое управление. Я, Варенька, статистик. Знаете такую науку?

— Скучная наука, наверно,— заметила Варя,— все цифры и цифры.

— Ну почему же. За цифрами стоит жизнь.

— Когда я вижу в газетах цифры, сразу ее закрываю: скучно читать. И все врут, все неправда.

— Нет, цифры не всегда врут,— сказал Михаил Юрьевич серьезно,— иногда говорят и правду. Вот, например.

Михаил Юрьевич открыл заложенную страницу в книге Сталина.

— Это доклад товарища Сталина на XVII съезде. Товарищ Сталин сравнивает 1933-й с 1929 годом, и получается, что поголовье лошадей уменьшилось,— он поднял палец и повторил,— уменьшилось с 34 миллионов до 17 миллионов, крупного рогатого скота — с 68 миллионов до 38 миллионов, овец и коз — со 147 миллионов до 50 миллионов, свиней — с 21 миллиона до 12 миллионов. В общем, за эти годы мы потеряли 153 миллиона голов скота. Больше половины.

— Что же случилось, падеж? Мор? — насмешливо спросила Варя.

— Вопрос сложный. Товарищ Сталин объясняет это прежде всего тем, что во время коллективизации кулаки сами забивали скот и уговаривали это делать других.

— Кулаки? — Все так же насмешливо переспросила Варя.— А сколько их, кулаков-то?

— Ну. В этом же докладе товарища Сталина говорится, что кулаки составляли около пяти процентов сельского населения.

— И эти пять процентов перебили половину скота в стране. И вы этому верите?

— Я не сказал, Варенька, что я этому верю, я тебе прочитал слова товарища Сталина.

— Ваш товарищ Сталин говорит неправду! — возмутилась Варя.— У нас в квартире живут Ковровы, они работают на фабрике «Красная Роза», они из деревни, и к ним приезжают деревенские, я сама слышала сто раз: коллективизировали силой, в несколько дней, в январе месяце, ни скотных дворов, ни кормов, «быстрей», «быстрей». Скот оказался на улице — так они прямо и говорят. «Даешь проценты!..» Проценты получили, а скот пропал... А колхозникам наплевать: их загнали в эти колхозы, скот отобрали — он для них чужой, ну и пусть дохнут эти коровы, овцы, свиньи, лошади. Это ваш товарищ Сталин не сказал! Обман, обман, всюду обман!

Михаил Юрьевич посмотрел на нее, подумав, сказал:

— Варенька, поймите меня правильно. Я разделяю ваше негодование, но, Варенька, вам следует считаться со временем, в котором мы живем. Выражать свое негодование небезопасно, очень много подлых людей кругом, вам следует быть осторожней.

— Но с вами я могу говорить откровенно?

Не сразу и не совсем уверенно Михаил Юрьевич ответил:

— Со мной можете... Но я надеюсь, что наши разговоры останутся между нами.

— Безусловно. Неужели, Михаил Юрьевич, вы мне не верите?

— Верю, Варенька, верю, вы прекрасная честная девочка.

— Девочка,— усмехнулась Варя,— я замужем была.

— Это не имеет значения. Для меня вы девочка, Варенька... И я боюсь за вас, вы очень открыты, незащищены, на каждом шагу вас подстерегает опасность, за одно неосторожное слово вы можете пострадать, можете сломать свою жизнь. Обещайте мне ни с кем, кроме меня, на эти темы не разговаривать.

— Обещаю.

— Это твердо?

— Абсолютно.

— Имейте в виду: только в этом случае вы можете рассчитывать на мое доверие.

— Конечно, Михаил Юрьевич.

— Тогда я скажу вам больше. Поголовье скота снизилось в два раза, а его продуктивность в 12 раз... Да, да! В 1929 году производство мяса составляло 5,8 миллиона тонн, а в 1932 году всего 458 тысяч тонн. То же самое с молоком, маслом, шерстью, яйцами. Вот почему ничего нет в магазинах — и это в Москве! А посмотрите, что делается в провинции. Мы потеряли 17 миллионов лошадей, половину всей нашей тягловой силы. А на чем пахать? Представляете, Варя, какого количества удобрений лишилось сельское хозяйство, потеряв 153 миллиона

голов скота. А ведь это органические удобрения! А минеральные удобрения — где они? Отсюда и кризис в земледелии.

Варя молчала, думала. Хороший человек Михаил Юрьевич, но все люди теперь на один лад... Как осторожно выражается... «Кризис в земледелии». Она усмехнулась...

— Вы что, Варенька? — спросил Михаил Юрьевич.

— Что... Вот вы говорите «кризис», «удобрения», «продуктивность». Все это, Михаил Юрьевич, простите меня, общие слова. А вы знаете, у нас целые деревни вымирают от голода, мне Ковровы рассказывали. Да я это и своими глазами видела, здесь в Москве, на Брянском вокзале.

— Теперь он называется Киевским.

— Хорошо, пусть Киевский, какая разница? Так я помню, там люди лежали вповалку, мужчины, женщины, дети, живые и мертвые, с Украины бежали от голода, а их милиция не выпускала в город, чтобы вида не портили «Москвы-красавицы», только по ночам трупы вывозили, освобождали место для новых голодных, чтобы те умирали хоть под крышей, а не на улице, чтобы их трупы не со всей Москвы собирать, а только с вокзалов. А мы проходили мимо них, садились в поезд и ехали к подругам на дачу, и другие тоже проходили мимо, садились в поезд и ехали на дачу. И все, наверно, считали себя высокоморальными и нравственными людьми.

— Варенька! Но что мы могли с вами сделать? — волнуясь, спросил Михаил Юрьевич.

— Что?! Странный вопрос! Я где-то читала: во время голода до революции, не помню, в каком году...

— Голод был в начале 90-х годов,— сказал Михаил Юрьевич.

— Так во время того голода люди жертвовали деньги, организовывали бесплатные столовые. Я где-то даже видела фотографию: Лев Николаевич Толстой в столовой для голодающих детей... И я помню, я тогда маленькая была, моя сестра Нина и Саша Панкратов, и Максим Костин, и другие ребята ходили с кружками, собирали в пользу голодающих Поволжья, не скрывали, что в Поволжье голод, помогали...

— Тогда Ленин был,— сказал Михаил Юрьевич.

— Вот именно,— подхватила Варя,— а сейчас: «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь». Спасибо ему за право подыхать не на улице, а на вокзале. Сколько погибло овец и свиней, товарищ Сталин говорит открыто, а вот сколько погибло людей, сказал?

— Этого нет в докладе,— признался Михаил Юрьевич.

— Вот видите,— торжествующе объявила Варя,— о свиньях сказал, а о людях — нет, не сказал. Свиней можно на кулаков списать, зарезали, мол, контрики-кулаки, а людей на них не спишешь, людей надо на себя принять. Вот вы статистик, Михаил Юрьевич, сколько у нас в стране погибло людей во время коллективизации?

— Трудно сказать... Никаких официальных данных нет и никогда не будет, мертвых не считали. Голодающие районы просто изолировали от остальной части страны. Только одна реакция... Вот газета «Известия» от 12 марта 1933 года — 35 руководящих работников Наркомзема СССР вместе с заместителем наркома Конаром расстреляны без суда решением коллегии ОГПУ за использование служебного положения для создания голода в стране...

— Нашел все же козла отпущения,— усмехнулась Варя,— не кулак, так Конар. Но все же, сколько народу погибло? Неужели вы, статистики, не можете вычислить? Вы же сами сказали, что статистика — это наука.

— Да,— согласился Михаил Юрьевич,— статистика — это наука. И она позволяет довольно точно выяснить то, что скрывают официальные источники.

— Ну и что же получается?

— Видите ли... На начало 1933 года население страны составляло 165,7 миллиона человек. Однако на XVII съезде,— Михаил Юрьевич похлопал по книге,— в январе 1934 года товарищ Сталин назвал цифру населения на конец 1933 года в 168 миллионов. Эту цифру мы, статистики, товарищу Сталину не давали, в нас она вселила даже страх, нам было ясно, что говорить о приросте населения в 1933 году на 2,3 миллиона человек — значит говорить неправду. Наоборот, за 1933 год население страны уменьшилось — голод, высокая смертность населения, особенно детская смертность. Даже в городах, где положение с продовольствием было гораздо лучше, число рождений уступало числу смертей.

За дверью раздался голос соседки Гали:

— Михаил Юрьевич, чайник ваш вскипел.

Варя встала:

— Я погашу. Может быть, нам чай приготовить?

— Нет, спасибо, я не хочу. Откровенно говоря, забыл про чайник. Но, может, вы попьете чайку?

— Я уже пила у Софьи Александровны.

Варя вышла на кухню, вернулась, снова забралась в кресло.

— Да, так вот,— сказал Михаил Юрьевич,— как же у товарища Сталина получилось 168 миллионов? Я вам объясню. Известно, что во второй половине 20-х годов, когда нэп поднял уровень жизни, население росло примерно на три миллиона в год. Эту цифру прироста товарищ Сталин механически перенес на начало 30-х годов. Он считал очень просто: последняя перепись населения была в 1926 году, население составило 147 миллионов человек. Прошло семь лет. Семь, умноженное на три,— получается 21 миллион. 147 плюс 21 — равняется 168 миллионам. Вот такая статистика у товарища Сталина. Это он утверждал и в дальнейшем. Вот недавно, в этом году, он говорил о ежегодном приросте населения «на целую Финляндию». Однако, что это не так, молчаливо признается всеми. В начале 1937 года предстоит новая перепись, и статистики, а также и правительство, ожидают цифру в 170 миллионов. Хорошо, согласимся. Тогда получается следующее. Повторяю: в 26-м году население нашей страны составляло 147 миллионов. Нормальные цифры прироста — три миллиона. Значит, в 1937 году население должно составить 177 миллионов. А наши руководители ожидают максимум 170 миллионов. Куда девались 7 миллионов человек, куда они исчезли? Я опытный статистик, Варя, и я вам скажу: перепись 1937 года не даст 170 миллионов. По моим расчетам, максимальная цифра составит 164 миллиона. Значит, прямые и косвенные потери составят 13 миллионов человек минимум — это умершие от голода, погибшие в ходе раскулачивания и потери от снижения рождаемости.

— Тринадцать миллионов, какой ужас! — задумчиво произнесла Варя.— А сколько Россия потеряла во время мировой войны?..

— Полтора миллиона... А вообще во время мировой войны погибло десять миллионов человек.

— Это во всех странах?

— Да.

— Десять миллионов во всех странах... И это называется мировая бойня, я сама читала... А Россия одна во время коллективизации потеряла тринадцать миллионов... Полтора миллиона во время мировой войны и тринадцать во время коллективизации... За те полтора миллиона царя скинули, а за эти тринадцать миллионов кричат: «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь!» Но все же непонятно, почему они умерли. Ну, пал скот. Но ведь хлеб сеяли, собирали, хлеб-то ведь был.

— Хлеба не было,— мрачно проговорил Михаил Юрьевич.— В этом же докладе товарищ Сталин утверждает, что в 1933 году мы собрали 89,8 миллиона тонн зерна. Но это неправда. Мы собрали только 68,4 миллиона тонн, то есть на 21 миллион тонн меньше, чем утверждает товарищ Сталин, и намного меньше, чем в 27—29-м предколхозных годах. Кроме того, к 1933 году городское население увеличилось на двенадцать миллионов. Хлеб оно не производит, а кормить его надо. И кормили. В 27—29-м урожайных годах вывезли за границу 2,5 миллиона тонн, а в 30—32-м неурожайных годах — почти 12 миллионов тонн. Такого экспорта наша страна не знала.

— Люди умирали с голоду, а хлеб вывозили за границу?!

— Да. Нужна валюта для закупки западной техники. Индустриализация!

— Хлеб у крестьян просто отбирали,— сказала Варя,— мне рассказывали, отбирала милиция, военные части, ОГПУ. За несдачу хлеба крестьян судили как за саботаж, конфисковывали имущество и высылали.

Они помолчали.

— Да,— сказал наконец Михаил Юрьевич,— до коллективизации хлеба производили больше, а заготовляли его в среднем 10 миллионов тонн в год, а во время коллективизации хлеба производили меньше, а заготовляли его по 22—25 миллионов тонн в год. Забирали подчистую, обрекали людей на голодную смерть... В этом, Варя, вы правы... Ну, а раскулачивание? Ведь раскулачивали не только кулаков, но и середняков и даже бедняков, которых называли нелепым словом «подкулачники». По моим самым осторожным расчетам, у нас раскулачили минимум десять миллионов человек, повторяю — минимум. В подавляющем своем большинстве они высланы на Север и в Сибирь. Многие из них, конечно, погибли.

— Все это чудовищно,— сказала Варя,— и все это скрывается от народа.

— Ну,— улыбнулся Михаил Юрьевич,— чего вы захотели! — И склонился к своим переплетам.

— Неужели нельзя проводить индустриализацию страны без таких жертв?

— Думаю, можно. К двадцать второму году после мировой и гражданской войн страна была разрушена, совершенно разорена. Заводы пустовали, оборудование растащили на зажигалки. И за пять лет — с двадцать второго по двадцать седьмой годы все было восстановлено, поднялось из руин, и промышленность, и сельское хозяйство, и транспорт — без человеческих потерь, без массовых смертей, голода, высылки, расстрелов. Оказывается, промышленность можно развивать без всяких эксцессов. На это и была рассчитана Новая Экономическая Политика. А сейчас, сейчас, очевидно, изменились обстоятельства! Это все вопросы большой политики.— Он посмотрел на Варю.— Но, Варенька, цифрами, которые я называл, вам не следует оперировать.

— А почему? Ведь эти цифры назвал товарищ Сталин.

— Товарищ Сталин в своем докладе говорил только об уменьшении поголовья скота. О людских потерях он ничего не говорил. Это просто мои, так сказать, частные расчеты. И, пожалуйста, нигде их не повторяйте, забудьте их.

И этот боится. А почему ему не бояться? Все боятся.

— Не беспокойтесь, Михаил Юрьевич, я никому о ваших расчетах рассказывать не буду. Я их забыла. Все! Буду говорить только о том, о чем говорил товарищ Сталин, об уменьшении поголовья скота.

— И об этом не следует говорить!

— Почему? Ведь это говорил сам Сталин.

— То, что позволено говорить Сталину, не позволено говорить простым смертным. Сталин называет цифры, чтобы бороться с недостатками. Но то же самое в ваших устах будет звучать как смакование недостатков. К тому же Сталин говорил о великих достижениях в других областях, вы же эту тему не будете развивать, как я понимаю, и вас обвинят в односторонности.

— А товарищ Сталин говорит не односторонне?

— Что вы имеете в виду?

— О коровах и лошадях говорил, а о людях — нет. На тринадцать миллионов людей больше, на тринадцать миллионов меньше, подумаешь! Сдохли, и все!

Михаил Юрьевич, сложив свои инструменты, завязал папку, из которой брал газеты, серьезно и озабоченно посмотрел на Варю:

— Варя, я очень жалею, что поддержал этот разговор. Боюсь, он печально кончится и для вас, и для меня. Но я старый человек, раньше я умру или позже, не имеет значения, а вы молоды, у вас еще все впереди. Мы живем в трудное, жесткое, даже жестокое время. Мы попали на великий перелом истории России, что делать, мы не выбираем себе день, месяц и год рождения. И мы обязаны считаться с временем. Это не значит, что мы должны приспосабливаться, подличать, лгать, предавать, но это значит, что мы должны быть осторожны, не произносить слова, которые могут быть гибельны для нас и для наших близких. Разве Саша плохой человек, разве, будем говорить прямо, не советский человек? А что с ним сделали? За какую-то шалость в стенной газете, за то, что вступил в спор с преподавателем,— чего? Бухгалтерии... Стоит ли эта стенгазета вместе с преподавателем того, на что обрекли Сашу, сломав ему жизнь? Нет, не стоит... Он мог не выпускать такой стенгазеты, мог не спорить с преподавателем бухгалтерии и остаться при этом честным и порядочным человеком. Так же и вы. Будете развивать эти темы, вашу жизнь сломают так же, как и Сашину, более того: теперь тремя годами ссылки не обойдешься. Теперь другие сроки, другая мера наказания. Так вот, Варенька, я вас призываю к осторожности.

Варя молчала. Да, Михаил Юрьевич прав, он боится за себя, за нее, страх владеет всеми. Но тогда не надо говорить высоких слов о морали и нравственности, потому что бояться говорить правду — безнравственно и аморально.

Ей не хотелось спорить с Михаилом Юрьевичем, но и удержаться она не смогла:

— Михаил Юрьевич, вот вы сказали, что мы не должны изменять принципам морали и нравственности. А если рядом умирают от голода люди, а мы не только им не помогаем, мы молчим, делаем вид, что ничего не происходит, это морально, это нравственно?

Михаил Юрьевич снял пенсне, протер его кусочком байки. Взгляд его был растерянный и беспомощный, как у всех близоруких людей, когда они снимают очки. Варе стало жаль его.

— Михаил Юрьевич,— сказала она,— я не хотела вас обидеть, и если обидела, ради бога, извините меня, простите. Мне важно все уяснить для себя. И вывод, по-видимому, таков: не надо делать зла, но и добра делать нельзя. Вернее, добро можно делать, но с оглядкой, только тогда, когда это безопасно для тебя.

Михаил Юрьевич посмотрел на нее:

— Нет, вы меня неправильно поняли. Потребность совершать добро, слава богу, неискоренима в человеке, и его надо совершать, и даже без оглядки. Я призываю вас к другому: не болтать. Подальше от политики, Варя, подальше. Вы видите, во что все это оборачивается. Людей, совершивших революцию, руководивших государством, судят и расстреливают как убийц, террористов и шпионов. Подальше от этого, Варя. Вы любите свою работу, свою учебу, занимайтесь этим. Все остальное не для вас.

Продолжение следует.

● Юрий ФЕДОТОВ. ПРАЗДНИК.

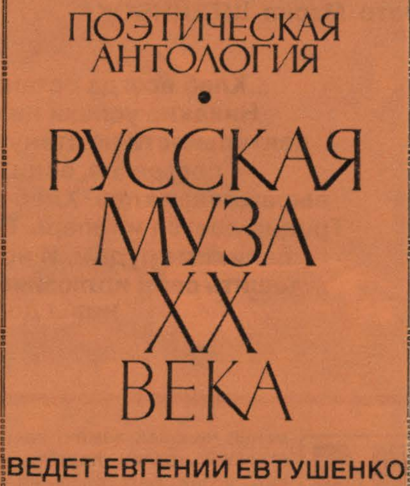
● Зенон ЖИБУРТОВИЧ (ПНР). ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

● Анатолий ЛУКЬЯНОВ. ОСЕННЯЯ СВАДЬБА.

Валентин КАТАЕВ

(1897—1986)

Один из блистательно одаренных писателей «одесской школы», где прежде всего ценились отточенность стиля, игра ритма, чувственная плоть слова. Одесская школа не дала крупных писателей-философов, писателей — гражданских борцов, но подарила множество выдающихся живописцев пера. Начав со стихов, снисходительно одобренных Буниным, после революции бывший царский офицер Катаев гибко перестроился, став своего рода Аркадием Аверченко «красного журнализма». Через хлесткую залихватскую сатиру «Растратчиков», «Квадратуры круга» Катаев спасительно вышел к волшебно воскрешенному им воздуху одесского детства. В повести «Белеет парус одинокий» читатель почти физически ощущает острое покалывание пузырьков зельтерской на языке Гаврика. Продолжение книги было неудачным, но даже в своих самых конъюнктурных произведениях Катаев сохранял высокий ремесленный уровень. Он был буквально физиологически талантлив. Во время «оттепели» Катаев создал журнал «Юность», утвердивший в литературе целую плеяду молодых писателей, в том числе и составителя этой антологии. Однако, устав от постоянных нападок и литературных интриг, постаревший Старик Собакин (ранний псевдоним Катаева) ушел из журнала, обособился, засел, как в крепости, в своей переделкинской даче и написал несколько шедевров: «Святой колодец», «Трава забвенья», «Уже написан Вертер». Несмотря на нравственную спорность некоторых мемуарных пассажей Катаева из книги «Алмазный мой венец», она все равно драгоценна, как субъективное, иногда злое, но все-таки уникальное свидетельство. Катаев очень редко, но продолжал писать стихи, вкрапливая их в свою прозу рядом с цитатами любимых поэтов.

* * *

Болезненной разлукой и печалью
Запели клавиши под милою рукой.
Я встать хотел и подойти к роялю,
Но не посмел: ведь я теперь «чужой».

Какое страшное,
бессмысленное слово.
Оно звучит, надежды хороня.
Ах, если бы запели звуки снова,
Как, помните, когда-то для меня.

1913

* * *

Небо мое звездное,
От тебя уйду ль? —
Черное, морозное,
С дырами от пуль.

1916

ГОСТИНИЦА «РОССИЯ»

Какая странная гостиница,
Как грубо множит коридор
Глухую поступь пехотинцев
И звук кавалерийских шпор.

Мой номер птицами расписан.
И каждым вечером впросонь,
Цыпленком проволочным в писанке
Проклевывается огонь.

И каждой ночью голос тоненький
Предсказывает мне грозу,
Когда звезду на подоконнике
Сверчок измученный грызет.

А новый день дома полощет,
Как прачка. (Ну, шофер, носи!)
Перчаткой вывернулась площадь
И завертелась на оси.

И сон, листающий Евангелие,
Не он ли — ослабевший Блок,
Поющий о сусальном ангеле
Из траура через стекло.

В тот самый мир, когда
в гостинице
На части рвали коридор
Шаги глухие пехотинцев
И звон кавалерийских шпор.

1921. День смерти Блока

КОЛОСС

Кто говорит, что он приснился,
Колосс на глиняных ногах?
Я видел сам — и не дивился —
Его подошвы на песках.

Я видел сам песок на киле
У глинобитной крутизны,
Пласты земли и моря мили,
И щебень в неводе волны.

Я сам рукою детской трогал
Смолу и лодку, и весло,
Пока отец смотрел с порога,
Как море дулось и росло.

И дальше, выше, в гору, в груде,
В ромашковом руне овцы
Я трогал каменные груди
И виноградные сосцы.

Но полуобморочный облик,
Но голову колосса, лоб,
Лишь раз, следя полеты облак,
Я увидал в полночный час.

Когда над крышами предместий
Они зажглись на миг один.
Морозной перхотью седин,
Внезапным ужасом созвездий.

1922.

* * *

Уже давно, не год, не два,
Моя душа полужива,
Но сердце ходит, дни кружатся,
Томя страданием двойным,—
Что невозможно быть живым
И трудно мертвым притворяться

1944

* * *

Когда я буду умирать,
О жизни сожалеть не буду.
Я просто лягу на кровать
И всем прощу. И все забуду.

1944.

ПОЕЗД

Каждый день, вырываясь из леса,
Как любовник в назначенный час,
Поезд с белой табличкой «Одесса»
Пробегает, шумя, мимо нас.

Пыль за ним подымается душно.
Стонут рельсы, от счастья звеня.
И глядят ему вслед равнодушно
Все прохожие, кроме меня.

1944.

* * *

Величью Цезаря не верь.
Есть плотно запертая дверь,
во тьму открытая немного,
да два гвардейца у порога.

Из «Святого колодца».

Юрий ОЛЕША

(1899—1960)

Вместе с Катаевым, Багрицким, Ильфом входил в одесский «Коллектив поэтов». Переехав в Москву в 22-м году, печатал на страницах знаменитой тогда газеты «Гудок» стихотворные фельетоны под псевдонимом «Зубило». Один из этих фельетонов мы и приводим. Подряд написал две лучшие свои вещи: «Три толстяка» и «Зависть», ставшие советской классикой. Однако в прозе Олеша пользовался приемами поэтической живописи: «Негр был красный, лиловый, блестящий. Негр ел яичницу». Или: «И она протянулась ко мне, как ветвь, полная плодов и листьев». «Вынесли мозг Маяковского, похожий на сырную пасху». Эпоха террора физически пожалела Олешу, но сломала его как писателя. Однако вышедшая уже после его смерти книга «Ни дня без строчки» свидетельствовала о том, что в нем напряженно билась жилка сохранившегося таланта.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

> На ст. Лихая Юго-Вост. ж. д. стоят столбы для фонарей, а фонарей нет. Ночью — полная темнота. Часовой ходит и, принимая столбы за воров, покушающихся ограбить склады, стреляет по столбам.
>
> (Рабкор)

Раз на станции Лихая сквозь унылый песий вой шел, винтовкою махая, некий строгий часовой.
Ночь и мгла.
Петух как флейта.
Ночью свет необходим.
Как же быть без фонарей-то, если ночь черна, как дым?
Но на станции Лихая, знать, программа есть такая: там отличные столбы приготовлены для свету — фонарей к столбам же нету — бей, братва, носы и лбы!!
Часовой Иванов Петя был парнишка с головой: ничего на целом свете не боялся часовой.
И шагает мой сударик — ночь и мгла, стучат шаги... Темнота! Хоть бы фонарик! Не видать во тьме ни зги!
Вдруг — ого?!
И на примете, так шагов за пятьдесят, кто-то прет — и прямо к Пете, прямо к Пете аккурат.
Петя — стой! — кричит: — Эй, ты там! Кто такой?
А тот молчит. Вором — вор, бандит — бандитом, нет сомнения — бандит!
— Кто такой? — И нет ответа.
— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Полагается за это мне в тебя сейчас стрелять!
Бахх! Патрон, видать, не выдал: пуля: ффить! — ужасный вид! Бахх! А тот стоит, как идол, точно вкопанный стоит.
Что за черт! Бывалый Петя неужели промах дал? Да-с, чудес таких на свете даже Петя не видал!
Утром свет на горизонте, как младенец на руках. Петю бедного не троньте, Петя бедный в дураках!
Тайна страшная открыта, обнаружился скандал:
Просто столб
взамен бандита
перед Петею стоял!!
С фонарями дело плохо: их достать бы поскорей. И причина есть для вздоха, коли нету фонарей.
Берегись-ка, пролетарий, и с тревогой
говори, что
на лбах
при бесфонарьи
возникают
фонари!!!

17 декабря 1923 г.

Александр ЩЕРБАКОВ.
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

...Хлеб всегда останется первейшей заботой людей. Никакие успехи ни в каких областях человеческой деятельности не станут полноценным свидетельством прогресса, если в государстве плохо с теми, кто выращивает хлеб. Хлеб во все времена давался трудно. Трудно дается и теперь. Его и впредь придется добывать великим трудом. И не стоит уповать на цивилизацию, тешить себя иллюзиями о хлебе легком. Но у хлебной нивы должен быть настоящий хозяин — это условие определяющее.

С НОВЫМ ХЛЕБОМ!

Именно человек земли, настоящий хозяин подготовил успех белорусов на зерновом поле. В 1985 году средняя урожайность зерновых в республике составила двадцать четыре центнера, в 1986-м — более двадцати пяти, в 1987-м — почти тридцать четыре центнера. В ста пяти хозяйствах получили даже по пятьдесят центнеров с гектара и больше! А Гродненская область вся намолотила более чем по сорок центнеров. Большой хлеб — повторится ли успех, станет ли он закономерностью?..

Белорусская земля никогда не отличалась плодородием. Однако крестьяне здесь всегда отличались усердием. Надо заметить, что, несмотря на вредную застойную пору, на порядки, которые обезличивали землю, а людей лишали интереса к ней, в республике тем не менее терпеливо пеклись о плодородии земли. Она чувствовала это. Она отвечала.

Понимаю, не всякому читателю интересны подробности на сей счет. Но не сказать о них нельзя. Так вот: с середины шестидесятых годов усилиями ученых-аграрников, специалистов различных служб, определенных селу в подмогу, в деревне формировалась внушительная программа сохранения и повышения плодородия почв. Она звала толково распорядиться органическими и минеральными удобрениями, обильным известкованием избавиться от повышенной кислотности, серьезно относиться к мелиорации. Не на словах, а на деле внедрять интенсивные технологии... Только за два года содержание гумуса в почве (от имени земли он распоряжается ее плодородием) поднялось с 1,77 процента до 2,04 процента!

Чтоб разузнать поподробнее, как действует система плодородия, я и поехал в колхоз «Ленинский путь». Там в прошлом году был ошеломляющий урожай — 67,3 центнера зерна с гектара.

Председатель Николай Ильич Василевич, агроном по образованию, и начинал агрономом здесь же, в Слуцком районе. Потом директорствовал в совхозе, был выдвинут на должность в районе, да стосковался по конкретной работе и отпросился в колхоз. Избрали председателем.

Едва мы встретились, Николай Ильич увлек меня впечатлениями о поездке в Великобританию. Он и еще двое руководителей хозяйств из Белоруссии около двух недель жили у английских фермеров. Много увидели, узнали.

— Написали мы втроем письмо Михаилу Сергеевичу Горбачеву и обстоятельную записку в Госагропром страны с нашими предложениями,— он протянул копии.— Почитайте... Недостижимого нет, если отдать землю тому, кто будет ей хозяином.

...Лидия Николаевна Дереча выросла в большой крестьянской семье, трудовую жизнь начала в поле. Потом соблазнилась местом в колхозной конторе и вроде прочно там обосновалась. Вроде... До прихода в колхоз Василевича. Он пригляделся к ней и однажды ошарашил предложением взять под свое начало производственный участок.

— Да вы что, Николай Ильич? Разве я справлюсь?

— Подучишься... Поможем. А в конторе без тебя обойдемся.

Лидия Николаевна взялась. Подтвердилось, что председатель угадал в ней прекрасного организатора. Окончила сельскохозяйственный техникум. Избиралась на XXVII съезд партии. В 1986 году получила Государственную премию СССР. Николай Ильич и теперь учит ее и сам учится у нее.

Главный агроном колхоза Александр Александрович Линник держит в поле зрения все перспективные разработки аграрных научно-исследовательских институтов республики. Выведут новый сорт — Линник старается заполучить новинку на свой опытный участок. Покажет тот себя — его переселяют в поле. Главный агроном за конкуренцию сортов зерновых, картофеля, корнеплодов. Есть и набор различных способов приготовления компостов, приемов внесения их в почву. Технологии выращивания разные, а графики ведения полевых работ гибкие.

Два года назад с помощью республиканского Научно-исследовательского института почвоведения в «Ленинском пути» оборудовали агрохимическую лабораторию. С тех пор в полеводстве ничего не делают на глазок.

Колхозные агрономы сообща блюдут севообороты, есть в них обязательно место травам, особенно бобовым — клеверу, люцерне, вике, потому что они — бобовые — щедро обогащают почву.

В здешних местах «козлятник» почему-то никогда не сеяли. А он накапливает гумус да еще до пятнадцати лет кряду дает урожай, отменный корм. Эстонцы признали «козлятник» давно. Тогда Василевич снарядил к ним гонцов. Выгода превзошла все ожидания.

Так приходит удовлетворение, гордость сделанным. И богатство. В 1987 году по сравнению с годами девятой пятилетки валовой урожай зерна увеличился в два с половиной раза! В минувшем году получено по 330 центнеров картофеля с гектара, сахарной свеклы — по 382, кормовых корнеплодов — по 817, кукурузы на силос — по 691 центнеру. Отлично!

Не видать бы такого урожая без обильного и грамотного удобрения полей. В 1987-м внесли почти по сорок тонн органики на гектар! За десять лет в основном благодаря навозу процент гумуса в почве поднялся с 1,8 до 2,73 процента. Специалисты поймут, что это значит. Закономерный круг в хозяйстве: большое стадо — много навоза — устойчивые урожаи — высокая продуктивность скота. Золотой круг! На своих кормах колхоз держит и крупный рогатый скот, в том числе почти тысячу коров, да еще полторы тысячи свиней. Более шести миллионов рублей — доход в прошлом году. Прибыль составила два с половиной миллиона!..

— Главное, — считает Николай Ильич,— разумно использовать возможности, открытые перестройкой. Всерьез учиться предприимчивости. Жить не показателями, а естественным азартом хозяина. Думать, рисковать... Взять то же земледелие. Нам сплошь и рядом продают семена хуже тех, что мы выращиваем сами. Мы довольно долго пробивали и наконец пробили право производить элитные семена. С этого года начинаем осуществлять в районе программу «Зерно». Взялись артелью — пять хозяйств, а наше головное. Со временем включим в эту программу весь район... Решение зерновой проблемы открывает выход к большим делам. Мои председательские хлопоты сосредоточены сегодня на развитии подсобных промыслов, на социальном переустройстве... Сколько у нас еще добра пропадает! И как мало мы еще думаем о красоте жизни и о духовном назначении богатства!.. Можно же по-другому. Расширяем цех по переработке фруктов и овощей. К концу года пустим небольшой мясокомбинат, будут колбасы, копчености, тушенка. Выделывать кожи научимся... Столярный цех будет выпускать дачные домики.

— А социальная программа?

— В одиннадцатой пятилетке мы израсходовали на нее более двух миллионов рублей. В двенадцатой отдадим почти все. В прошлом году заселили шестнадцать квартир в домах усадебного типа. А всего построили сто десять квартир. И общежитие для малосемейных. Душевая на ферме стала приметой современного хозяйства. А мы добавляем к ней медицинский пункт. Готовимся открыть физкультурно-оздоровительный комбинат, заказали документацию на стадион... Продолжим строить дороги! Улицы ждут цветов, надо бы и красивые заборчики, понаряднее отделать дома...

...Пока Николай Ильич разговаривал по телефону, читал письмо, написанное после возвращения из Великобритании:

«Нет ни одной сельскохозяйственной машины (авторы имеют в виду нашу вооруженность), которая отвечала бы мировым стандартам. Особой критики заслуживает кормодобывающая техника, которая ненадежна в работе, не может обеспечить качество заготовки кормов. Нет совершенства в технологии проведения химических работ... Требует модернизации тракторная промышленность, а трактора марки Т-40, Т-150 К, ДТ-75М мы считаем необходимым снять с производства...»

Из записки в Госагропром СССР:

«У нас трудно разобраться, кто занимается фундаментальными исследованиями, а кто внедрением... Разработкой и внедрением только в растениеводстве в БССР занимаются пять институтов... Все они имеют опытные поля, выращивают одни и те же культуры, получают разные результаты, и каждый доказывает, что их технология лучше. Как в таких показателях разобраться специалистам сельского хозяйства?

...В Великобритании вся деятельность науки осуществляется через экспериментальные фермы. Задание на проведение исследовательских работ определяют советы фермеров. Результаты исследований обобщаются, оформляются, и по желанию фермера он приобретает нужную информацию. Сами экспериментальные фермы имеют по 120—200 гектаров земли. Штат 23 человека. Научная работа ведется по 40 показателям...»

Николай Ильич кладет трубку, и я спрашиваю:

— У вас много реальной власти? Вы председатель советов колхозов в районе и области, член Всесоюзного совета колхозов!..

— Власть есть, но не всегда реальная. Пока регламентируется все до мелочей. Аппарат района не отдает своих прав диктовать, навязывать. Деревне это дорого обходится. И буквально, и фигурально. Сказать, сколько вносят хозяйства на содержание служащих РАПО? Триста пять тысяч рублей в год! Вообще колхозным деньгам государство счет не знает. Мы успели купить комбайны «Дон-1500» по семнадцать тысяч рублей, а с января комбайн уже стоит сорок пять тысяч!.. За сто восемьдесят шесть тысяч предлагают сортировальный пункт картофеля. Сенажный комплекс недавно стоил семь тысяч, а сейчас — сорок! Если бы с такой скоростью и заботой повышали закупочные цены на продукцию полей и ферм!.. Планы по-прежнему дают. Твердые. А фондов никаких. Сколько же можно разлагать нас ориентацией на изыскание мифических резервов? Фактически на добычу любыми способами, чаще неправдами, и цемента, и запасных частей, и мебели, и музыкальных инструментов!..

...Английские фермеры приехали, как и обещали, в последних числах июня. Теперь им предстояло побывать в трех хозяйствах Белоруссии, чьих руководителей в прошлом году они принимали у себя.

Трое фермеров из графства Сомерсет: Питер Куксан, Стивен Бриттен и Джеймс Монтгомери. Занимаются молочным скотоводством. Судя по состоянию ферм, опытны и трудолюбивы... и дотошно любопытны, как выяснилось буквально с первых минут их пребывания в «Ленинском пути». Василевич сразу убедился, что зря размышлял, пробудится ли у них интерес к белорусскому колхозу. Пробудился! Да еще какой! Стоило гостям убедиться, что все здесь ведется солидно, поставлено умно и крепко, они принялись расспрашивать, записывать, предпочитая при этом потрогать все своими руками и тут же примерить к своим условиям.

— Ваши прогнозы насчет урожая?

— А ваши? — Николай Ильич позволил себе нарушить правило «вопросом на вопрос не отвечают», любопытство оправдывало это нарушение.

— Центнеров 70 с гектара?

— Я жду 80!

Джеймс поднял большой палец. И открыл блокнот:

— По какому предшественнику сеяли? Применяли ли препараты против полегания? За сколько дней думаете управиться с уборкой?...

Последний вопрос прозвучал своеобразным продолжением разговора в машине по дороге в хозяйства. Англичане качали головами, увидев перестоявшие травы.

— Мы не гонимся за массой, предпочитаем качество. Трава, перерослая на 6—8 сантиметров, уже малополезна! Косить надо очень быстро. С таким расчетом мы и технику покупаем, и организацию уборки продумываем.

На молочной ферме снова вопросы: сколько дней теленок получает чистое молоко, как определяется оплата труда лаборантки, как колхоз приобретает лекарства для животных...

Восхищались заботой о людях, работающих на ферме,— комната отдыха, медицинский кабинет, сауна... Неудивительно, что животноводы работают добросовестно, а надои растут (к слову, по сравнению с пятью месяцами прошлого года прибавка в колхозе на корову составила 175 килограммов).

— Скоро нас догоните,— пошутили фермеры.

...Живет, ищет верную дорогу к прибылям хозяйство. Оно давно бы шагнуло за установленные межи, если б не мешали сорняки аграрной политики. Сорняки, сквозь которые к живой земле невероятно трудно продраться. Перегибы в мелиорации, специализации, забвение маленьких деревень... Диктат во всем — от сроков сева до текстов выступлений людей села на совещаниях по крестьянскому вопросу!.. Догматическая приверженность постановлениям, инструкциям, телефонограммам... Жизнь восстала против всего этого! Она требует дать простор местной инициативе, крестьянскому интересу к земле, К ХЛЕБУ!

Когда же поздравим друг друга: с новым хлебом!

ЧЕМ ВСТРЕТИТЬ ГОСТЕЙ? НЕ ОРКЕСТРОМ ЖЕ, В САМОМ ДЕЛЕ. СПЕЦИАЛИСТЫ ПРИЕДУТ, ТОЛКОВЫЕ ЛЮДИ, ЗНАТОКИ — АНГЛИЙСКИЕ ФЕРМЕРЫ. ИМ ГЛАЗА НЕ ОТВЕДЕШЬ. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НЕ БЕСПОКОИЛСЯ: ХОЗЯЙСТВО СПРАВНОЕ, СО СВОИМ «ЗОЛОТЫМ КРУГОМ».

В ОБЪЕКТИВЕ — ТАИЛАНД

Кто не читал рассказ Марка Твена о том, как король Сиама (так раньше назывался Таиланд) послал в дар английской королеве белого слона, которого звали Джумбо. Прекрасный рассказ, но в нем есть одна неточность. Белых слонов в природе не бывает. Их нет даже в Таиланде — удивительной стране, расположенной в центре Индокитайского полуострова, по форме на географической карте напоминающей слона. Государства с древней, самобытной культурой, сложной и гордой историей, где, можно увидеть все — и нетронутые джунгли, и морской прибой, и скоростные суперсовременные автодороги. Правда, в столице Таиланда Бангкоке можно посмотреть на слона альбиноса — достопримечательность местного зоопарка. Но, к сожалению, этот слон отличается от обычного только тем, что природа наградила его белым пятном, которое не так-то просто обнаружить на огромном теле животного. А вот темных пятен на теле страны, к сожалению, можно встретить немало. И об одном из них речь идет в материале В. Скворцова, который называется «Добро пожаловать в Бангкок!».

Фото Бориса ЧЕХОНИНА

ЗАСЛОН НА ТРОПЕ
КОНТРАБАНДИСТА
ИЗВИЛИСТ ПУТЬ МЕЖ ДВУХ ГРАНИЦ.
НО СОБЛАЗН ВЕЛИК:
И НА ВЕСАХ УРАВНОВЕШЕНА
ЖИЗНЬ С ГРУЗОМ ОПИЯ И ТЕРЬЯКА.
ДОЙДУТ ЛИ КОНТРАБАНДИСТЫ
В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ?

Константин СМИРНОВ

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Мы добрались перед сумерками.

Выехав из штаба погранотряда поутру, мы одолели сотню с небольшим километров пути до заставы за шесть часов.

Это было ранней весной, но она уже активно работала здесь, в предгорьях Гиндукуша, по-хозяйски обильно полив дождями эту землю, зеленеть которой недолго: к концу мая трава буро выгорает, и пыль дымится под раскаленными ветрами, тихо, но настойчиво шурша сухими стеблями колючки.

А пока что дорогу сильно развезло, но наш «УАЗ» не спасовал перед трудностями и теперь деловито залезал на чудовищной крутизны подъемы, нырял в пропасти спусков, едва не ложась на бок, переваливался в диких колдобинах глубокой колеи. И наконец, на исходе шестого часа, мы выкатились на плоский срез плато и увидели показавшуюся вдали заставу.

В силу местных условий расположилась она в землянках, что тут даже считается удобством: летом прохладно, зимой тепло. Весь же привычный заставский комфорт учтен — хлеб печется исправно, баня греет, телевизор со спутника ловит Москву, почту и кино таскает вертолет. Единственная трудность с водой, и водовозка по нескольку раз в день гоняет к колодцу, но с водой в здешних местах повсюду нелегко. Словом, быт налажен.

Но только сначала они наладили службу...

Из документов следствия. 1987 год.

Из «Постановления о принятии дела к своему производству».

«10 июня 1987 года, город Ашхабад. Я, старший следователь Атаев, рассмотрев материалы уголовного дела №..., УСТАНОВИЛ: 1 июня 1987 года на участке н-ской пограничной заставы в районе погранзнака №... пограничным нарядом были обнаружены на советской территории трое неизвестных нарушителей государственной границы СССР...»

...А сегодня была весна 88-го.

Мы въехали на территорию заставы, и молодой солдатик с повязкой на рукаве тут же подбежал к машине, козырнул сопровождавшему нас с фотографом офицеру из штаба отряда.

— Кто на хозяйстве? — коротко спросил, приоткрыв дверь, наш гид.

— Замполит.

— А начальник где? Капитан Конев?

— В ночной наряд ушли,— ответил солдат и взглянул на предсумеречное небо.

Хлопнула дверца, «УАЗ» покатил к стоянке мимо двух замерших БТРов, под глухой перестук дизельной электростанции. А у меня перехватило дух: в ночной наряд! А что если именно сегодня, именно здесь пойдут «гости»?! Не зря же и начальник, майор Бычков, и «лучший друг» нарушителей, капитан Конев, отправились на ночную вахту...

В сильнейшем волнении я выбрался из машины и, пожав руку усталому замполиту, тут же осведомился, давно ли и далеко ли ушел наряд.

— К первому спуску,— он ткнул в карту участка, когда мы вошли в помещение.

— А не догоним их? — как бы между прочим поинтересовался я.

Замполит удрученно переглянулся с усмехнувшимся сопровождающим.

— Разговор с вашим братом старый и бесполезный. Посторонним там делать нечего. А если стрельба начнется? Если с вами там не дай бог что — нас же потом спросят: на каком основании? Кто за вас отвечать будет?

Я уныло кивнул.

— А когда они должны вернуться?

— К утру, если ничего не случится.

— Тогда, может, к крепости сходим? — робко предложил я.

Замполит согласился, и мы отправились к крепости.

По правде говоря, крепость — это не крепость, а древнее городище. По не слишком проверенным прикидкам местных знатоков этим руинам не меньше пяти, а то и семи веков. От заставы городище отрезано неглубоким ущельицем, куда мы и стали спускаться, водительствуемые замполитом с автоматом за плечом, и, наконец, по ступенчатому склону вскарабкались к развалинам.

Дикое, глухое место!..

Город был расположен на вершине плато, обрывавшегося далеко вниз отвесными складчатыми скалами. В наступавших сумерках мощные коричневатые стены пропасти выглядели каким-то жутким сооружением — непобедимым контрэскарпом, воздвигнутым природой. Контрастные, черные линии разломов, щелей, складок прочерчивали их гигантские монолиты, как будто тая в этой темноте неизвестную, но зловеще-неподвластную человеку силу. А вдали, восточнее, за глухой пустотой ущелья, поднималась такая же отвесная, такая же чудовищно мощная стена Зюльфагарского хребта, багровокрасная в последних лучах спадавшего солнца. И только паривший силуэт распластанного в небе орла нарушал мертвую стылость пейзажа с древним умершим городом, с могильными камнями нескольких кладбищ, разбросанных по ближнему склону, с далеким, казалось, абрисом наблюдательной вышки заставы, что виднелся сквозь обрушенный купол мечети у самого края обрыва...

— Археологов бы сюда,— сказал кто-то из нас.

— Только их нам и не хватало,— хмыкнул замполит.— Местечко и так беспокойное. Без археологов клиентура обширная...

— А где их тропа? — спросил я.

— А вон, внизу,— носком сапога он скинул в пропасть камень.— Да уж теперь они тут не ходят. Одних как-то даже на мотоцикле взяли. Хороший мотоцикл был. «Судзуки». Японский.

— И где ж они теперь «шастают»?

— А вот куда ребята пошли, наряд. Вдоль хребта, по речке. Завтра покажем... Ну что, может, домой пойдем? Стемнеет скоро! — Он поправил автомат.

Мы согласно двинулись в обратный путь.

...Это был особый момент суток, разгар сумерек, то, что в кино называется «режимом» — почти мгновенный период времени, когда небо и земля неразличимы по цвету. Как выяснилось позже, ночной наряд в этот момент подошел к завершающему этапу пути, к точке так называемого «Первого спуска», преодолеть который необходимо было именно в этот чрезвычайно короткий отрезок. Тем самым обеспечивались полнейшая скрытность спуска с хребта, своевременный выход на рубеж развертывания и мероприятия по маскировке на месте расположения.

Из документов следствия. 1987 год.

Акт о нарушении (попытке нарушения) государственной границы СССР... 1 июня 1987 года.

«Я, офицер н-ской пограничной войсковой части капитан Конев, в присутствии старшего лейтенанта Будника В.В., рядового Коробова С.В., рядового Гержбака Г.Б. и рядового Щукина С.Е. составил настоящий акт о том, что 1 июня 1987 года... в районе погранзнака №... на участке н-ской пограничной заставы... была нарушена государственная граница... о чем свидетельствуют следующие признаки: 1 июня 1987 года в 13.55 старший пограничного наряда «пост наблюдения» доложил об обнаружении на советской территории трех неизвестных нарушителей границы, которые, ведя в поводу трех лошадей, двигались в сторону стыка границ трех государств: СССР, Ирана и Афганистана...»

...На карте этот район выдается треугольным выступом, на вершине которого расположилась крайняя южная точка страны — Кушка. Чуть левее и выше, там, где раскинулся знаменитый Бадхызский заповедник, сошлись границы трех сопредельных государств. Место это на здешнем пограничном жаргоне называется хлестким, тревожным словом «стык»...

В пустынных этих местах пограничники то и дело задерживали нарушителей. Но одно дело так называемые «бытовики» — забредшие по ошибке чабаны, крестьяне, разыскивающие бродячий скот, или мелкие хулиганы, занимающиеся «перепасом»,— намеренно перегоняют худосочных коровенок на заповедную бадхызскую траву.

Иное дело — контрабанда...

Для представителей этой, казалось бы, редкой профессии соседний Афганистан — прямо-таки рай земной. В развороченной войной стране охранить границы непросто, и рубежи ее приобретают, таким образом, нередко умозрительный характер. Муджахиды из Ирана и Пакистана проскакивают их с полным равнодушием и спокойствием. Понятно, что для малочисленных групп контрабандистов такая задача во много раз легче — наркотик и легкое стрелковое оружие перетащить через воображаемую линию проще, чем минометы или пусковые ракетные установки. Оружие, как нетрудно понять, перемещается из Ирана в Афганистан, где охотников на него предостаточно. В Афганистане же оружие путем «натурального» обмена превращается в партии наркотических веществ — терьяка (опия-сырца) или героина. Впрочем, принимают тут за наркотики и деньги любого подданства, разве что кроме рублей. А наркотик отправляется обратным путем в Иран, и эта дорога будет потрудней — на иранской территории найденный наркотик означает для его хозяина смертный приговор. Суров имам Хомейни: по его приказу жандармы, охраняющие границу Ирана, или КСИРовцы (корпус стражей исламской революции) расстреливают за такие дела на месте. Потому-то наркотики в Иране буквально на вес золота и потому-то и забредают на нашу территорию контрабандисты. Смысл их маршрута объясняется просто: контрабандная тропа пролегает вплотную к линии границы. Попадутся нашим — стараются уйти на сопредельную землю Ирана, напорются на жандармов — перебегают к нам. Вот таким не слишком замысловатым зигзагом и путешествует отрава. И как ни велика опасность провала, они все же идут на этот риск — слишком уж высока ставка в игре с наркотиком...

...Было около восьми. Мы вышли на вольный воздух. Темнота упала быстро, за какие-то два десятка минут, выпустив на плато дрожкий ветер, обнажив небо черного бархата в россыпи зеленоватых звездных бляшек.

— А что ж они там увидят в такой темноте? — поинтересовался я.

— Прибор ночного видения,— объяснил замполит, поглядев на небо.— Вроде бинокля, небольшой такой, но эффективный — видно как днем. Маленько расплывчато, вроде как в дождик, как бы во взвеси. А все же до мельчайших деталей разглядеть можно.

...К этому моменту наряд успешно преодолел спуск с хребта к реке и скрытно расположился на берегу. Под наблюдение была взята излучина реки...

КАПИТАН АНАТОЛИЙ КОНЕВ

«21 марта ислам празднует Новруз. Новый год, иначе говоря. У нас здесь народ опытный собрался, в их «красных» днях календаря не хуже своих праздников разбираемся. А перед праздником, как водится, предпраздничная суета — что у нас, что у них. И тут, конечно, главное — дефицит. Не скажу, как у них там с питанием, по виду — не ахти. Но в здешних местах, рядышком с границей, для народа первый дефицит — наркотик. В 86-м все ближние иранские деревни напрочь обезлюдели. Мы даже поначалу не поняли, в чем дело. А потом по «Маяку» услышали — жителей чуть не поголовно переселили в глубь Ирана за торговлю и потребление наркотиков. Тут публика такая — или контрабандист, или пособник. И все равно ходят...

И когда третьего дня наряд доложил, что из Ирана через стык прошли в Афганистан пятеро вооруженных парней, мы с Бычковым без лишних разговоров поняли: в одну из ближайших ночей они двинутся обратно. То, что эти ребята — контрабандисты, лично мне ясно как божий день. Во-первых, наличие оружия. По части огневой выучки контрабандисты в большинстве превосходят даже профессионалов. С редкой точностью стреляют на звук, отсвет, малейший шум. Впрочем, оружие стараются применять только в исключительных случаях, когда угроза задержания неминуема. Ну и, во-вторых, экипировка. Народишко, который после отселения остался в этих местах, бедный. Чалма, рубаха длинная и, кому аллах пошлет, калоши, а то и так, на собственных подметках. Контрабандист с такой нищетой и близко связываться не станет. Для этой братии экипировка — половина успеха. Обычно одеваются они стильно, ничего не скажешь. Курточка американская «Джи-Ай» защитного цвета, джинсы, причем настоящие, без сносу. И кроссовки полегче. Вот такие ребята и прошли три дня назад. Мы с Бычковым это дело прокачали и в отряд доложили примерный расклад по времени. Так вот, по нашей прикидке, сегодня в ночь они сделают первую ходку назад от стыка вдоль границы. И, значит, шанс, что они попытаются под утро перескочить к нам, весьма велик.

Словом, расположились мы на бережку, в кустах, благо что густые, фронтом к сопредельному государству метров пятьдесят в ширину, что-то около восьми вечера. Конечно, не факт, что они именно сегодня появятся, не факт... Но вот предчувствие, предчувствие... Как в прошлом году, кажется, если память не изменяет, 1 июня...»

Из документов следствия. 1987 год.

Из «Протокола допроса» свидетеля Коурова Александра Владимировича.

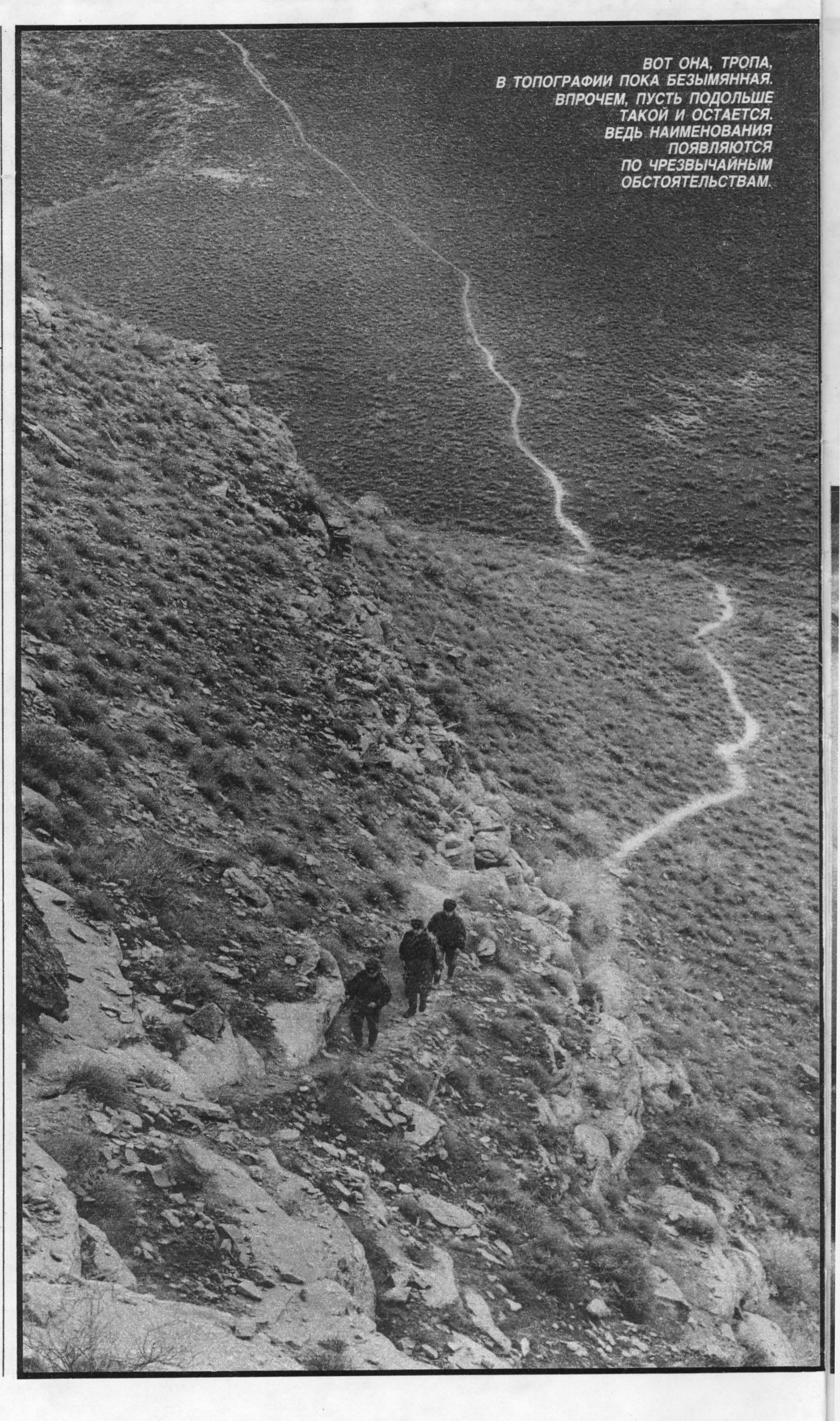
«...На предложение рассказать все ему известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос, свидетель Коуров А. В. показал: по существу заданных мне вопросов поясняю: я, сержант Коуров Александр Владимирович, 1 июня 1987 года

в 13.00 получил приказ от начальника заставы майора Новикова нести службу старшим пограничного наряда на пункте наблюдения. В 13.45 мой наряд прибыл на участок наблюдения в район «Второго спуска». Поставив задачу пограничному наряду на наблюдение, я принял под охрану участок и доложил на пограничную заставу. Рядовому Ковальчуку поставил задание просмотреть берег реки от... до... погранзнаков, сам в это время заполнял журнал наблюдения. В 13.49 рядовой Ковальчук заметил трех нарушителей с тремя лошадьми, находящихся на советской территории. Они находились... в 30 метрах от речки... Три нарушителя, ведя лошадей на поводу, двигались в направлении стыка трех государств по песчаной гряде... Наблюдение за нарушителями вели с помощью биноклей. Нарушители, пройдя по песчаной гряде 20 метров, остановились. Двое нарушителей принесли из зарослей белые свертки и положили в белые сумки, которые висели на лошадях... Через некоторое время нарушители расседлали лошадей... затем два нарушителя пошли к речке за водой. Один из них был с автоматом. При этом они тщательно маскировались. Набрав воды, они вернулись к третьему нарушителю. В 17.10 нарушители заседлали лошадей, но никаких действий не предприняли. В 18.00 группа начальника заставы майора Новикова спустилась вниз и заняла намеченный рубеж, о чем доложила нам на пункт наблюдения по радиостанции...»

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ МАЙОР НИКОЛАЙ БЫЧКОВ

«Тогда, в июне прошлого года, меня здесь не было. В этих местах я недавно — получил предписание в ноябре. До этого, сразу после училища, служил на другой границе. К сожалению, здешние условия не позволили перевезти сюда семью. Супруге без меня там, конечно, тяжело, да и я, признаться, скучаю, но, что поделаешь, приказ есть приказ... Природе тут, увы, далеко до нашего Дальнего Востока. Местность здесь тяжелая, а для новичка в особенности — все-таки горы. Тем более что привык я к другому характеру ландшафта: у нас места лесистые, воздух удивительный, словом, красотища. Тут картина несколько другая. Без специальной подготовки мне поначалу трудненько пришлось. А, нужно отметить, контингент на нашей заставе особый — с повышенным физическим потенциалом, практически все спортсмены-разрядники по борьбе, боксу или тяжелой атлетике. Одним словом, люди хорошо тренированные. Так что, когда принял заставу от моего предшественника, пришлось серьезно заняться общефизической подготовкой. Бог ты мой — сколько кроссов набегал!.. Но зато теперь в глаза солдатам могу смотреть с чистой совестью — с обстановкой освоился полностью. Помню, когда впервые увидел «Второй спуск», был несколько озадачен — как такового спуска я не видел, так, едва заметная щель в отвесной стене, к которой солдаты тем не менее направились без колебаний. Сейчас я чисто автоматически отыскиваю те едва заметные выступы в плоскостях складки, называемой «Вторым спуском», что позволяют быстро и бесшумно преодолевать хребет как вниз, так и вверх. Так что, повторяю с полным на то основанием, с обстановкой освоился. Единственный «червячок» точит — до сего дня живых контрабандистов видеть не доводилось. Мои предшественники в этом смысле были удачливее — на счету каждого из них по нескольку задержаний. Очевидно, и поэтому помнят их на заставе Скажем, «Пост Новикова» или «Дорога Долгова» — местная топография их именами пестрит. Так что остаются в солдатской памяти сильные командиры — с одной стороны, приятно, с другой — заставляет быть более взыскательным к собственной персоне. Да... Граница — дело особое. Специфи-

ВОТ ОНА, ТРОПА, В ТОПОГРАФИИ ПОКА БЕЗЫМЯННАЯ. ВПРОЧЕМ, ПУСТЬ ПОДОЛЬШЕ ТАКОЙ И ОСТАЕТСЯ. ВЕДЬ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЯВЛЯЮТСЯ ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ.

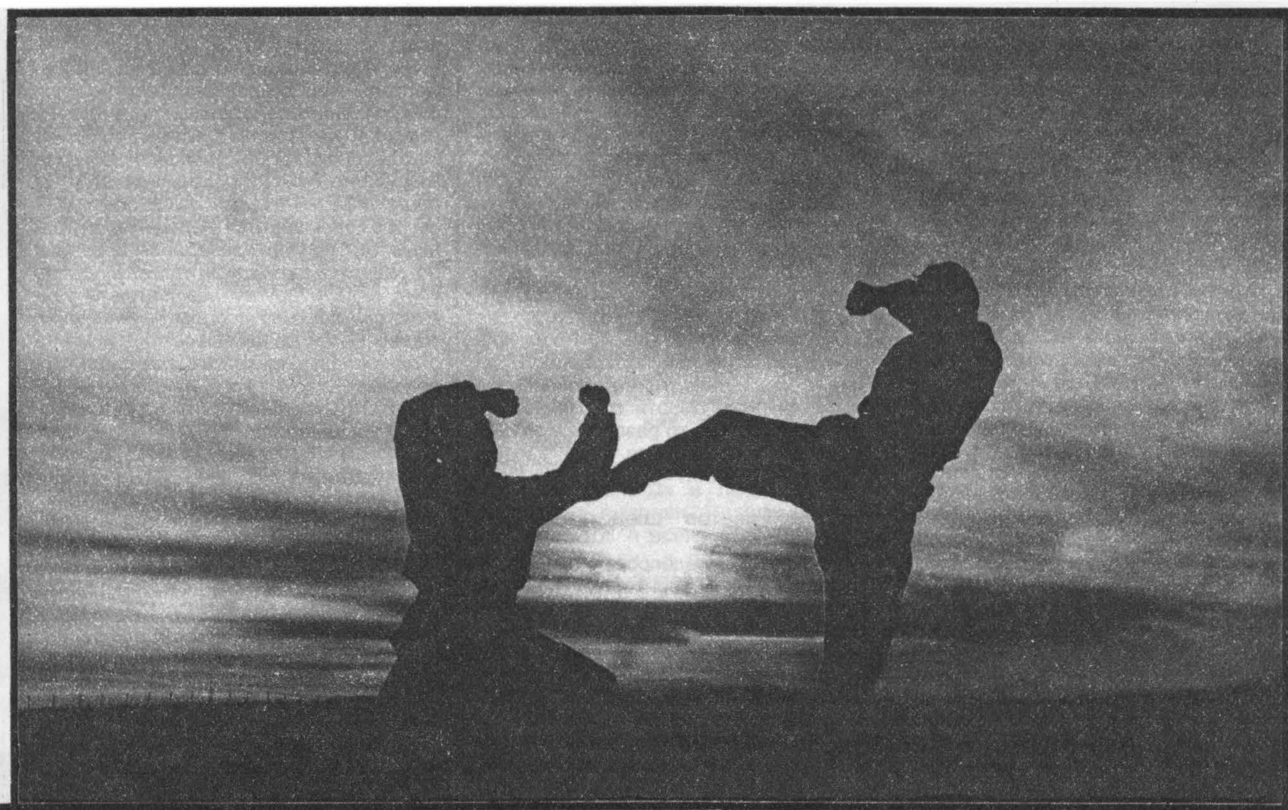
ка. Солдаты службу несут и днем, и ночью. Вот лежим сейчас на земле, и, вполне возможно, всю ночь пролежим, если раньше ничего не произойдет, а потом подъем на хребет и — милости просим — пешечком на заставу. Конечно, опыт и хватка Конева что-нибудь да значат — начальство его ценит и к нему прислушивается, а все-таки не факт, что они пойдут именно сегодня и именно здесь. Абсолютно не факт...»

В 21 час 23 минуты 1 марта 1988 года капитан Конев с помощью прибора ночного видения обнаружил на сопредельной территории силуэт вооруженного мужчины, двигавшегося со стороны Афганистана, от стыка трех границ. Неизвестный двигался параллельно линии госграницы, проходящей по руслу реки, внимательно наблюдая советскую территорию. Старший наряда майор Бычков немедленно передал по рации сигнал «Приготовиться!».

Из документов следствия. 1987 год.

Из «Протокола допроса» свидетеля старшего лейтенанта Будника Виктора Владимировича...

«...К месту стоянки нарушителей границы в районе погранзнака №... у излучины реки мы подошли на двух БТРах с северо-западной стороны. Там я высадил рядовых Щукина, Коробова и Гержбака, приказав им прикрыть линию границы по берегу реки, а сам с остальной группой находился примерно в трехстах метрах от погранзнака №... южнее. В это время над лесистой частью нашего правого берега реки появился вертолет, с которым мы поддерживали визуальную связь и который координировал наши действия по поиску нарушителей...»

Из «Протокола допроса» свидетеля Коурова (продолжение).

«...В 18.10 появился вертолет. Я вошел с ним в связь и скорректировал относительно нарушителей. Трое нарушителей разбежались в разные стороны по зарослям, лошадей бросили... Один из нарушителей выскочил из зарослей на песчаный берег и быстро перебежал на иранскую территорию. Выше по течению из зарослей выскочил второй нарушитель...»

КАПИТАН АНАТОЛИЙ КОНЕВ

«Как я ни был готов к появлению человека на той стороне, и все-таки произошло это неожиданно. В ПНВ изображение слегка размытое, но детальное, и я сразу отметил отблеск на стволе у него за плечом. Когда он развернулся фронтом к нам, я безошибочно узнал ствол — автоматическое оружие. Наличие у предполагаемого нарушителя оружия не оставляло сомнений в том, что, если он, или скорее они решатся на переход границы, огневой контакт в момент задержания почти неизбежен. Помимо основной задачи, перед нами с Бычковым в такой обстановке важнейшим условием работы становится сохранение наших людей. Воспрепятствовать прорыву границы и при этом обеспечить максимально возможную безопасность личного состава — умри, но сделай. И хотя все наши действия в момент задержания отработаны до автоматизма, понятно, с известными отклонениями в зависимости от обстановки, я все-таки каждый раз чувствую нехороший холодок за ребятишек. Какие ни тренированные, какие ни разрядники, а, как говорится, против лома нет приема... Словом, на всякий пожарный случай изменением тонов радиосигнала я продублировал команду «Приготовиться!»

Гражданин на том берегу сложения попался нехилого, но и у нас подобрались ребята тертые, во всяком случае, в первенстве Союза по самбо не он, а я боролся...

Шел он хорошим тренированным шагом, бесшумно, но сторожко, внимательно контролируя нашу сторону. Такому ничего не стоит за ночной переход до дневки отмахать по сильно пересеченной местности полсотни, а то и больше верст. Пройдя сотни полторы метров, он остановился прямо напротив нас, подождал с минуту, разглядывая наш берег. Потом двинулся обратно. Вопрос ясный: этот субчик шел в авангарде группы, разведчиком, и теперь вернулся за остальными. Ну что ж... Мы готовы. Минуты через две возвращаются уже вдвоем. Второй тоже с автоматом. Опять, как по заказу, встали напротив нас, метрах в двадцати от меня. Посовещались. Первый опять ходко двинулся вдоль речки, продолжая наблюдать наш берег, а второй остался. Пройдя с километр, «ходок» вернулся, очевидно, вполне удовлетворенный мертвой тишиной и безлюдьем нашей стороны. Они, видно, убедились в полной безопасности и повели себя крайне свободно — прямо как у тещи на блинах: громко разговаривали, размахивая руками, а потом и вовсе стали кричать в сторону, откуда пришли,— звали остальных. И тут на нас выехал целый караван! Двое пеших, опять же со стволами, ведут четырех ишаков, а на пятом какой-то дедок сидит — не иначе проводник из местных. Ишаки, тяжело

груженные — с обеих сторон висят пухлые длинные хурджуны. На глазок я прикинул: груз серьезный. Если теръяк, никак не меньше килограммов четырехсот. Давненько не было такого урожая. С той, июньской, партии в прошлом году...»

Из документов следствия. 1987 год.

Из «Протокола допроса» свидетеля Гержбака Гарри Борисовича.

«...Когда мы прибыли к месту обнаружения нарушителей госграницы, то недалеко от погранзнака №... десантировались из бронетранспортера. По приказу старшего по команде наша поисковая группа в составе рядовых Щукина, Коробова и меня двинулась к излучине реки правым берегом. Над лесистой местностью, прилегающей к берегу реки, кружил вертолет, показывавший нам движение нарушителей. Я и Коробов пошли к изгибу реки по самой кромке воды, а Щукин пошел по-над берегом... Вдруг мы услышали, как он кому-то крикнул: «Стой! Стрелять буду!» — и произвел предупредительный выстрел вверх. К тому времени мы с Коробовым обогнули изгиб реки и увидели, как с обрывистого берега левее Щукина в воду прыгнул нарушитель границы. Прыгнув в воду, нарушитель стал быстро двигаться по реке к противоположному берегу в направлении отмели. Я дал очередь из автомата поверх головы нарушителя, но он не реагировал. Тогда я открыл огонь прямо по нему, при этом целился в нижнюю часть тела. Нарушитель как-то отшатнулся в сторону, но продолжал идти. Он уже было достиг отмели, но в это время...»

Да, была лунная мартовская ночь. Замполит отправился наверх встречать очередной наряд с границы, и я вышел следом за ним на волнуемый влажным ветром воздух. Луч прожектора трогал дальние складки хребта, выглядевшие в его голубоватом неживом свете совсем уж зловеще.

— ...примерно порядка четырех километров к востоку слышали очередь из крупнокалиберного пулемета,— докладывал старший наряда,— потом на расстоянии порядка трех километров зажглись два костра. Почему-то перемигивались, вроде как передавали что-то...

— Скоро, наверное, у вас тут тихо будет,— сказал я.— Войска-то выводим...

— Вашими бы устами да мед пить,— усмехнулся замполит.— Пока обстановка непростая. Да и потом, ведь основная наша «клиентура» так сразу вряд ли от своей основной «работы» откажется, для них контрабанда — десятками лет главный источник дохода, да и единственный. Да что там говорить...— он махнул рукой.— Вон копец, видите?

Проследив за его пальцем, я едва различил на фоне разбавленной лунным светом темноты крохотный зубец на скальной гряде.

— Этот «чертов палец»?

— Вот-вот,— подтвердил он.— Это такая кучка камней, вроде пирамидки. У контрабандистов они для обозначения тропы служат. Как бы дорожные знаки. И видите, ставят на фоне неба, чтобы, значит, ночью видно было. Ну, мы, когда тут обосновались, само собой копцы эти пораскидали. Так вот не поверите — все равно появляются, правда, не здесь, а впритирку к границе. Значит, продолжают ходить...

Замполит покачал головой и углубился в очередную порцию бумаг. Было начало одиннадцатого вечера.

В этот момент, как позже выяснилось, ситуация в ночном наряде достигла высшей степени напряжения.

КАПИТАН АНАТОЛИЙ КОНЕВ

«...Собравшись на берегу, все пятеро о чем-то стали совещаться. Дед с ишака так и не слез. Наконец один из них разулся и двинулся к реке! Вошел в воду!..

Как ни крути, а в таких случаях, помимо холодного здравого расчета, в человеке просыпается и обыкновенный азарт, который не задушить никаким командирским приказом,— у меня, конечно, внутри все заиграло: высчитали мы их на удивление точно.

Постоял он с минуту у бережка — вода-то холодная, не май месяц. Постоял, пообвык и... двинулся к нам! Брод разведывать. Но парень попался опытный — до середины дошел, как будто знает точно, где граница проходит, и встал. Жмурится, как кот, видно, не нравится ему что-то. Да... С таким грузом не раз и не два подумаешь. Если у них терьяк и они с таким количеством завалятся — до смерти с хозяином не расплатиться. Как-то разошлись со своим боссом те ребята, что тогда, в июне, к нам пожаловали?

Из документов следствия. 1987 год.

Из «Протокола допроса» свидетеля Гержбака Гарри Борисовича (продолжение).

«...В это время Коробов, прицелившись, выпустил по нему очередь из автомата. Нарушитель после его выстрела сразу упал на песчаную отмель. После предупредительного выстрела Щукина с противоположного берега кто-то из кустов открыл огонь в нашу сторону. Я видел в кустах на сопредельной территории вспышки автоматных выстрелов. Две трассы пуль... легли совсем рядом с нами на поверхности реки. Мы с Коробовым и с собакой, которую он вел, бросились к кустам, росшим у берега. ...Отмель, находящаяся у правого берега реки, на которую упал после наших выстрелов нарушитель, фактически является берегом реки и частью территории Советского Союза... С тем, чтобы не допустить ухода нарушителя на сопредельную иранскую территорию, мы, после предупредительных выстрелов, открыли по нему прицельный огонь...»

НАЧАЛЬНИК ЗАСТАВЫ МАЙОР НИКОЛАЙ БЫЧКОВ

«У меня не было и тени сомнения в том, что они через минуту направятся к нам. Должен признаться, взволнован был до крайности — по месту предыдущей службы ничего подобного видеть не доводилось. Причем наличие у возможных нарушителей оружия и несомненное обилие груза заставляли предположить, что они будут защищать его всеми возможными способами и не остановятся перед применением автоматов. Тем временем человек, разведавший брод, недолго постоял у воображаемой линии границы и направился обратно к берегу, где его поджидали остальные члены группы. В следующий момент, очевидно, следовало ждать начала переправы через реку. Повернув голову, я на всякий случай посмотрел на изготовившихся солдат и чуть кивнул Анатолию, как бы подтверждая общую готовность к началу задержания. Однако Конев лишь едва заметно пожал плечами, чем изрядно озадачил меня. «Разведчик» между тем вышел из воды и соединился со своими партнерами. Группа снова стала совещаться, видимо, взвешивая все «за» и «против» форсирования реки. И вдруг, вместо того чтобы войти в реку, вся компания двинулась в глубь Ирана!!!..

Я быстро взглянул на Конева. Видимо, у меня на лице было то же самое выражение — разочарование и даже, если хотите, обида: он понимающе кивнул и слегка развел руками. Очевидно, что-то заставило их отказаться от переправы — риск потерять или припотить груз был весьма реален: река тут быстрая. На всякий случай мы проводили их, двигаясь расходящимся курсом по своему берегу, но группа безоглядно уходила в сторону от границы. Как говорится, уши мы вымыли, а тетушка-то не приехала... То ли дело, как рассказывают, было в июне прошлого года...»

Из документов следствия. 1987 год.

Из «Постановления о признании вещественными доказательствами».

«Старший следователь Атаев, рассмотрев материалы уголовного дела №... — УСТАНОВИЛ: 1 июня 1987 года на участке н-ской пограничной заставы пограничным нарядом были обнаружены трое неизвестных нарушителей границы СССР. При проведении операции по задержанию нарушителей один был убит, а двум другим нарушителям удалось скрыться на сопредельной территории. С места происшествия и места стоянки нарушителей на советской территории были изъяты личные вещи нарушителей границы, а также 20 патронов к автомату и 22 патрона к пистолету и 257 кг 150 г вязкого темно-коричневого вещества...»

Из «Постановления о возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия».

«3 июня 1987 года на участке н-ской пограничной заставы командованием н-ской войсковой части... совместно с иранской стороной было проведено опознание трупа убитого нарушителя границы. Каких-либо документов при убитом обнаружено не было, а жители приграничных иранских аулов и представители иранских пограничных властей в нем гражданина ИРИ не признали. С учетом изложенного в тот же день по обоюдному согласию сторон труп нарушителя был захоронен на советской территории...»

Из «Протокола экспертизы».

«...Вывод: 40 образцов вещества темно-коричневого цвета, представленные на исследование, являются наркотическим веществом — опием.

Подпись: эксперт Каминская З. Е.»

За годы службы на южной границе Анатолий Конев задержал около тонны наркотиков — опия-сырца и героина. Легко представить себе, сколько людей спасено одним капитаном Коневым «со товарищи».

Ну, а куда же девается вся эта «продукция»? — спросите вы.

Так вот. Героин уничтожается. Из опия же добываются на фармакологических заводах ценнейшие производные — лекарства, необходимые при многих, в первую очередь психических, заболеваниях. Недавно, в частности отсюда, из Ашхабада, такая накопленная тонна в бронированном автомобиле и под надлежащей охраной была препровождена в аэропорт, откуда и направилась по назначению — к фармакологам. Сопровождал этот, без преувеличения, бесценный груз, кстати, тот самый Атаев, который расследовал дело в июне прошлого года.

А Анатолий Конев и Николай Бычков по-прежнему на границе. И, судя по всему, работа у них пока что есть. За последние годы на этом участке границы задерживались пограннарядами различные по численности группы контрабандистов, перетаскивавших наркотики. Все дело в том, что на территории Афганистана неподалеку от нашей границы проживают племена белуджей, которые в разное время и по разным причинам эмигрировали из Ирана в соседний Афганистан и основным занятием которых является контрабанда. Так, в Гератской провинции Афганистана проживает крупный род иранских белуджей по фамилии Горгич. Контрабанда наркотиков — опия и героина — основной вид занятий этого многочисленного, в несколько десятков тысяч людей, рода. Так что тропа вдоль речки едва ли зарастет травой...

...Луна скрылась. Мы улеглись спать под бившийся в стекло оконного переплета ветер. Он рывками стучался к нам, тоненько позвякивая стеклом.

Ночной наряд вернулся на рассвете. Встречал их только дежурный. Застава спала.

Ашхабад — Москва.

Пахло расплавленным асфальтом, жженой резиной, мусорной прелью, тянуло смрадом жарившейся мелкой рыбешки. Рыбу готовил человек в синей рубашке с погонами, красным аксельбантом и картузе с высокой тульей. На кокарде значилось, что он охранник платной многоэтажной стоянки. За двадцать батов, примерно наш полтинник, он пропустил меня на четвертый ярус гигантской бетонной этажерки для автомобилей, примыкавшей к «самому брызжущему весельем кварталу столицы», как сообщают туристические справочники, к двум переулкам — Патпонг-1 и Патпонг-2 между главными улицами бангкокского «сити» Силом-роуд и Суривонг-роуд.

Точка обзора казалась лучше некуда. Телеобъективом «простреливался» узкий проезд между двумя Патпонгами, как раз там, где торчали вывески бара «Клеопатра», дискотеки «Гран-при», клуба «Кенгуру», танцзала «Кадры для влюбленных» и кабаре «Полночь круглосуточно». Если свеситься через бордюр, различались массажное заведение «Сахарная хибарка», распивочная с «представлением живой любви» под титулом «Розовая пантера» и еще один бар — «Королева Миссисипи».

И тут мягко постучали пальцем между моими лопатками. Оглядываюсь. Обычные ребята «здешнего круга»: джинсы, рубашки навыпуск с одного боку, с другого — подоткнутые за ремень, такова мода. Сандалии на босу ногу. Трое.

— Пятьсот монет или свободный полет вниз,— говорит стоящий в середине. За спиной потрепанная брезентовая сумка, вроде тех, которыми пользуются уличные фотографы. Через лоб кожаная лента, которая прижимает длинные волосы. К ленте привинчены жестяные черепа, сердца, свастики. Также квадратный значок с орлом и шерифской звездой, между которыми мелко написано: «Секретная служба». Другие двое не лучше, при этом у одного в футляре на поясе выдвигающаяся, вроде телескопа, скрученная из стальной пружины полицейская дубинка.

Они, конечно, должны были появиться. Об этом предупреждал накануне адвокат Баниат Вонгкледнак, который держит на Петбури-роуд, одной из бангкокских магистралей, частную сыскную контору «Атлас». Приходил к нему советоваться, прежде чем появиться в «самом брызжущем весельем квартале». Мэтр Баниат сообщил: если не соваться в «точки с наркотиками», мафия не тронет; что же касается «прочего», там тоже имеются «плохие ребята», но их беспокоит одно — только бы другие не отбили место, где они кормятся, патронируя «тамошних леди».

Говорю гривастому:

— Двести батов и возможность доснимать то, что хочу...

Поворачиваюсь к ним спиной, по которой ходят мурашки. Взвожу затвор камеры, навожу.

— Вы кто? Журналист или турист?

Баниат советовал: если спросят про занятие, отвечайте, что не репортер, а писатель, то есть человек состоятельный и, значит, быть нанятым на предмет «шпионажа» за кемнибудь или чем-нибудь не можете. Так и отвечаю.

Валериан СКВОРЦОВ, соб. корреспондент «Правды» — специально для «Огонька»

— Тогда,— говорит «главный» вежливо,— пожалуйста. Двести. И двадцать пять батов за кадр, который сделаете... А какой вы национальности? Из Южной Африки? Вроде акцент у вас похож... У меня есть друг, как раз из Южной Африки, хотя сам-то немец.

— Русский я,— говорю.

— Это откуда?

Просто обидно было слышать такое. Дремучие люди, натаскались по-английски, а где большая страна, не знают.

— Ладно,— говорю,— получите «масляные деньги», и привет!

«Масляные деньги» тут нечто вроде «чаевых».

— Я вообще-то фотограф. Меня зовут Дан. Снимаю клиентов по барам... О! Не беспокойтесь! Снимаю «поляроидом». Никаких негативов. Сразу готовый снимок. Тридцать батов штука. В «Розовой пантере» на фоне акта истинной любви, например... Многим нравится. Или в массажной. Как вас натирает «живое мыло».

— Живое что?

— «Живое мыло». Ну, девушки... Мир частной жизни и подлинного уединения. У меня есть проспект...

Двое его приятелей, шаркая шлепанцами, уже уходили, минуя охранника, который так ни разу и не взглянул в нашу сторону. Дан отправился со мной.

...Юго-Восточная Азия все заметнее перестает быть крестьянской. Таиланд вообще рвется в число «драконов» или «тигров», как сегодня называют Тайвань, Гонконг, Южную Корею и Сингапур, стоящих по некоторым показателям в ряду с Западом и Японией. Порою в журналистских описаниях из этих краев както затушевывается одно существенное обстоятельство. Стон души человеческой. Часто неосознанный и затаенный от себя и окружающих, необычный, ибо исторгается не среди вечнозеленых зарослей и рисовых чеков, а армоцементных джунглей. Идет ежедневная, ежечасная расплата «простого» человека за ускоряющийся процесс капитализации. Процесс будничный и жестокий.

За последнее время общий уровень образованности здесь в общем-то поднялся, быт отчасти стал цивилизованнее. Но и запутаннее. И прежде, конечно, бывали и воры, и развратники, и «леди доступных достоинств». Но не в таком количестве. А самое главное, в отношении к таким людям появился некий новый оттенок и привкус: им стали завидовать...

В бангкокских газетах время от времени появляются небольшие объявления «Женского информационного центра». Звоните-де по телефону 411-34-78. По нему может обратиться всякая несчастная, чувствующая, что ее «затягивает в мир, где развлекаются одинокие мужчины». Деньгами центр вряд ли выручит, сам еле сводит концы с концами, но поддерживает «психологически» и морально в попытке вырваться из липучих лап «плохих ребят», подыскать работу, объясниться с родней, обрести уверенность. Центр, кроме того, имеет собственную «агентуру», которая добровольно, на свой страх и риск выслеживает «торговцев плотью», сманивающих в глухих уголках страны девочек для подготовки «квалифицированной прислуги».

Готовясь к походу на Патпонг, изучил материалы, собранные исполнительным секретарем «центра» госпожой Сирипорн Скробанек. По данным госпожи Сирипорн, быть «леди доступных достоинств» в целом ряде провинций среди бедняков считается престижным.

Многие поддаются уловкам льстивых вербовщиков, с которыми иной раз появляется и бывшая подруга из соседней семьи, разодетая в пух и прах, с японским магнитофоном, косметикой да и приданым. А «спутник» новоиспеченной в городе «леди» к тому же жертвует деньги на местный храм и школу, ставит угощение старикам. Ну, как не почет!

Искатели острых ощущений валом валят в Бангкок из стран Запада, привлекаемые дурной рекламой и обещаниями дешевизны сомнительных удовольствий.

Богатая Европа. Бедная Азия. Как мало значат эти слова, как много, оказывается, скрыто за ними.

...«Фотограф» Дан родом из северной провинции Бурирам, где засуха — обычное дело и мужчины уходят из деревни. Его сманил воришка, который был старше лет на пятнадцать. «Учитель» погиб, вываливышись из автобуса на полном ходу... После него остался «поляроид» выпуска 79-го года. Дан гордится и аппаратом, и собою: не ворует, не грабит, зарабатывает на себя полностью сам и «помогает девушкам», если «клиент» не платит. Дан входит в отряд, как он сказал, самообороны. Отряд этот содержится на деньги владельцев 80 «заведений», в основном баров «с девушками», которыми и знамениты Патпонг-1 и Патпонг-2. Обязанность Дана — обеспечивать спокойствие на квадратном полукилометре.

— Твои знакомые девушки тоже довольны своей работой, как и ты, Дан?

— А как же — ведь они хорошо зарабатывают! Мы независимы!

...Бар называется «Остановка из-за поломки». Наружная стена покрыта аляповатым изображением гоночной машины. Вместо дверной ручки прикреплен автомобильный руль. В полумраке, который царит в заведении, несмотря на солнечный и жаркий день, еле различаешь свисающие с потолка части глушителей, рессор, карбюраторов, провода. Вместо светильников — фары. Над стойкой проблесковая полицейская вертушка разбрасывает оранжевые блики. Когда бармен открывает ящик кассы, раздается звук клаксона, наигрывающего мелодию популярной одно время гонконгской песенки «Молоко любви».

— Я Лек,— говорит, старательно произнося английские слова, стройная девушка в едва запахивающемся платьице вроде халатика.— Города — самые одинокие места на свете, не правда ли? И ни у кого нет иммунитета против одиночества, не правда ли? Вы ведь одиноки, не правда ли? Вам интересно поговорить с такой же одинокой девушкой, не правда ли?

Дан запускает вспышку своего «поляроида». Бармен картинно взбрасывает над нами шейкер для коктейлей. Через минуту проступает изображение. Готово! Фотография, свидетельствующая о моих «восточных» похождениях, которыми я смогу похвастаться... Где?

Лек не говорит по-английски, а просто произносит затверженные фразы, которые Дан для нее и других «леди» в этом баре пишет тайским алфавитом. Привлекаю Дана как переводчика.

— Я закажу себе выпить? — спросила Лек, и бармен поставил перед ней подкрашенную воду, которую в счете потом обозначили «вином» с соответствующей ценой. Мне, не спрашивая, нацедили пинту бочкового. Дану поначалу дали тоже подкрашенной жижи, но он потребовал заменить на пепси, как договаривались. Буркнул:

— Не я получаю у них проценты за привод клиентов... Да и Лек пусть радуется... Она дневная. Потому что не имеет ребенка. А всего здесь двадцать девять «леди» и двадцать восемь имеют детей. Знаете... Беременность от друга, первая любовь, безденежье, страх перед родителями, соседями. Что угодно... Многим я сам посоветовал прийти сюда.

Он переводит рассказ Лек, к которому поначалу отношусь настороженно: на Патпонге умеют «разжалобить дурачков».

— ...приехала из Накхонпаном, с северо-востока. Родители были старыми. В общем-то не голодали. Мои старики считали: живи дома, и еда найдется... В Бангкок я в первый раз приехала два года назад со старшей сестрой. Она продавала с лотка на улице по договоренности с лавочником, отцом ее мужа. Муж тогда находился в Саудовской Аравии, на заработках, поэтому я жила с сестрой, тоже торговала с лотка. Когда муж сестры вернулся, пришлось уйти. Комнатка была одна. Два месяца назад пришла сюда... Мама-сан не верила, что я не имела дел с парнями. В этом смысле... Приглашала доктора... Первым другом поэтому стал очень богатый человек, старый и чистенький. Мама-сан сказала, что мне делать. Он заплатил пять тысяч батов. Второй, третий и четвертый платили по две тысячи. Если хотите пойти со мной наверх, с вас я возьму пятьсот. Всем девушкам так платят, можете не проверять...

— А маме-сан сколько отдаете?

— Все... Ведь это ее помещение, напитки, мебель, питание и платье. Только за медицинские проверки платим из своих. Дурные болезни — катастрофа. Все то время, которое лечимся, мама-сан вычитает...

— Где же деньги берете?

— Это я вам говорю — пятьсот... Вы выглядите хорошим господином, добрым. Я постараюсь быть ласковой, а вы меня наградите. Это будут мои... Случается, что такие добрые люди, вроде вас, влюбляются и забирают с собой. Я хорошо готовлю.

— А если я плохой? Буду драться? Не заплачу?

Она улыбается.

— Бангкок — дорогой город,— монотонно переводит Дан.— Я не заработаю в одиночку на жилье, питание и одежду...

— Лек, наверное, ты ненавидишь меня в душе?

— Почему же? Вы вежливы... И не брезгуете говорить со мной. Другие совсем не разговаривают. Мужчины хотят то, чего хотят. И начинают ненавидеть после. Вроде даже денег жалко. Или стыдно идти домой, к жене. Не знаю... стараюсь не думать.

— Копишь деньги?

— Мама-сан выплачивает в месяц 2300. Кроме того, у меня два дня выходных, когда я могу работать только на себя... За невыход вычет 150 батов... Но наша добрая. В других барах девушек обсчитывают, а если те говорят об этом, им отвечают, что никто никого не держит, можно уходить на улицу. А улица — это канава, из которой никогда не встанешь... Понемногу коплю.

— На будущее замужество? Говорят, некоторые девушки, подсобирав на приданое, уезжают, обзаводятся семьями?

Дан зевает. Разговор начинает ему приедаться. Бармен нас терпит, потому что ставит перед Лек четвертую рюмку «вина». Касса играет «Молоко любви», и мама-сан в глубине зала вполне довольна и мною, и Лек.

— Какое замужество? — говорит она.— Может, бывший осужденный, вышедший из тюрьмы. Или пьяница. Или наркоман... Вы скучаете по дому? Я — ужасно...

Уже после оплаты счета Дану опять приходится переводить, и он сообщает скороговоркой:

— Она говорит, что все-таки вернется в деревню... к своим старикам... Будет разводить рыбу, продавать ее и на это жить... Дура, правда? Кому там рыба нужна?

Говорю, что его работа кончена. Даю на обед и пиво.

Открывая дверь на улицу, которая ложится своей тропической духотой на грудь, словно влажное горячее полотенце, слышу, как Лек тянется к очкастому «фарангу», как здесь зовут европейцев, в слишком узких клетчатых шортах:

— Я Лек. Города — самые одинокие места на свете, не правда ли? И ни у кого нет иммунитета против одиночества...

Из «клонга», как называют в Бангкоке каналы, из того, который еще не затянуло тиной и мусором между Петбури-роуд и Сукхумвит-роуд, рассекающими столицу с востока на запад, вылез человек. Вначале показалась шляпа, трухлявая, из соломы. Потом руки и обнаженный торс, покрытый цветной татуировкой. Глядя, как ловко карабкается из своего катера с подвесным мотором на крутой берег папаша Чип, не скажешь, что ему за восемьдесят. Его любимое времяпрепровождение по утрам — катание по вонючим каналам. Днем же и по вечерам старик сидит рядом с дряхлой женой, когда-то известной своим могуществом в бангкокском «веселом квартале» мамой-сан.

Возможно, у папаши Чипа это называется «дышать воздухом». Мимо, бампер в бампер, идут машины, чад стоит невыносимый. Откуда берется столько здоровья у старика? Говорят, он один из богатейших людей города. Хотя его деньги, как здесь тоже говорят, «с надвинутой на глаза шляпой», то есть деньги мафии.

Помимо вопросов о деньгах, папаша Чип — человек вполне контактный. Он с удовольствием позирует вместе с женой перед объективом. С удовольствием вспоминает, как начинал бизнес. Чувствуется, люди для него интереса не представляют. В кармане он держит пачку в тысячу американских долларов — фальшивых, из пластиковой массы, чтобы не истерлись. И иногда пересчитывает их. Как другие перебирают четки.

ПОЖАЛОВАТЬ В БАНГКОК!

Чип — один из «финансовых моторов» нескольких десятков массажных заведений, в которых работают, в зависимости от спадов и подъемов, от пятнадцати до двадцати тысяч девушек. Ничего зазорного в том, чтобы открыто говорить о своем бизнесе, менеджеры таких крупнейших массажных салонов столицы, как «Клеопатра», «Мона Лиза» «Чаопрайя-1» и «Чаопрайя-2», «Хонг хао», не видят. Во всех запрещено только одно — фотографирование. Все остальное, какой бы изощренной фантазия клиента ни была, можно.

В «Хонг хао» просто возвращаешься на невольничий рынок прошлых веков с той лишь разницей, что рабыню покупают "на срок», «на полтора срока» и на «два срока». В салоне, реклама которого кочует по серьезным газетам и журналам, рабынь, числом до шестисот, выставляют за стеклянной стеной. У каждой на груди номер. Плашки над стеклянным экраном оповещают: в первом отсеке — «звезды», в следующем — представители массажного искусства «тора», самый просторный отсек — девушки в черных вечерних платьях, но всех больше — «начинающих», одетых порою даже бедновато. Ходят, сидят, судачат. Некоторые вяжут. Выбирайте! С другой стороны стекла вас не видят, так что стесняться нечего.

Мама-сан, недоступная почти как метрдотель в московском ресторане, чуть приподнимает брови, недоумевая из-за моего нерешительного топтания:

— Господину угодно?

— Я — новичок. Что такое «звезды»?

— Это значит — все.

— Абсолютно все?

— Абсолютно все. Стоит 850.

— А «тора»?

— Любые специальные пожелания. Стоит 900.

— А эти — в вечерних платьях?

— Какой номер вам желателен?

— Я еще не выбрал... Что они делают?

— Массаж телом. Стоит 450. Остальное по договоренности, и плата по договоренности.

— А другие?

— Другие 250 в час. Массаж. За остальное — расчет с девушкой...

Вручается буклет: в моем полном распоряжении четыреста с лишним номеров с круглыми кроватями, зеркальными стенами и потолками, телевизорами и видеомагнитофонами, холодильниками и кухнями. Есть специальные «апартаменты», где можно устраивать "общие встречи».

...Одна смелая тайка, назвавшаяся журналистам псевдонимом Сулмарн Нарумор, сумела втереться в доверие синдикату, развернувшему нынешнюю невиданную сеть массажных салонов, в которые ежегодно привозят сотни тысяч «секс-туристов» из Японии, США и Западной Европы, а также Австралии и Новой Зеландии. Ее разоблачения потрясли общественность. Кто только не замешан в «работорговле»! И гонконгские «триады», и японские «якуза», и гангстеры из США, застрявшие в Юго-Восточной Азии после вьетнамской войны, даже одряхлевшие бывшие солдаты французского иностранного легиона, убравшиеся когда-то из Сайгона. Специальные агенты шныряют по провинциям, едва в них разразится засуха, и буквально скупают девочек у родителей, которым говорят, что тех обучат хорошему ремеслу в городе. Деньги действительно приходят к родителям регулярно. Сами же девушки ничего, кроме еды и платья, не получают.

Редко, но все же случаются побеги из «заведений». Обычно удается прорваться до входных дверей групп человек в двадцать. Не знают даже, в какую сторону бежать, на улицу-то их никогда не выводят. Бегут к постовому полицейскому, и он ведет их в участок, расстегнув кобуру. Боится и за себя, и за них. Но бегут только «новички». Два-три месяца «работы», и «леди» сама уже остается навсегда.

После разоблачений Сулмарн Нарумор столичную полицию засыпали вопросами. Лицемерие, конечно: а то никто не знал, что происходит у всех на глазах?

— Существующий закон,— заявил подполковник Прасет Чандрапипат из управления по расследованию уголовных преступлений,— запрещает проституцию. А чтобы открыть «заведение для развлечений», достаточно пятнадцати дней подождать формального согласия. Все знают, что там происходит. Но когда мои люди налетают с облавой, все выставляют так, будто полиция вламывается в частную жизнь. Кто-то кому-то где-то назначил свидание. Какое дело до этого полиции? Ни одна «леди» не давала нужных показаний... В стране безработица...

К «Хонг хао» примыкает большой, как здесь говорят, «кофе-шоп». Кофейная не кофейная, ресторан не ресторан, но что-то вроде этого и с оркестром. Официантки тоже носят кругляшки с номером на груди.

— Это такой же маркетинг, как и всякий другой,— объясняет мне в ответ на осторожные расспросы закусывающий рядом за одним со мной столиком человек, назвавшийся Варапонгом. Он торопливо рвет пальцами, на которых несколько перстней, курицу в красном соусе «карри».— Важно действовать на воображение. Говорят клиентам, что предлагают школьницу, студентку, преподавательницу школы, вдову, северяночку, южаночку... Потом переодевание. Раз оденешь китаянкой, другой — японкой, кореянкой... Хаха!

— А чего так торопитесь?

— Вот-вот подойдет автобус. Перебрасываю, знаете, часть девушек в Паттайю. Прибывает, знаете, авианосец «Мидуэй» с отрядом кораблей седьмого флота. Пять тысяч клиентов!

В его голосе звучат нотки хвастовства. Я, «фаранг», в его глазах только клиент, отнюдь не конкурент, и можно со мной немного расслабиться. Варапонг, например, платит кому-то в Паттайе, курортном городке на берегу Сиамского залива, в 130 километрах от Бангкока, за информацию — на каком рейде встанет эскадра. Хотя такие сведения — строгая военная тайна. Высылает зафрахтованные заранее катера к бортам боевых кораблей, чтобы сразу везти отпускников к своим заведениям. Заказал двадцать огромных полотнищ с надписью «Добро пожаловать, американские боевые моряки!», три десятка звездно-полосатых флагов.

— Такие заходы,— говорит, щуря глаза, Варапонг,— для нас — источник процветания. Ну, вы-то, «фаранги», это отлично знаете!

— В вашем народе говорят: иногда и цветение — только форма гниения...

— Приятно поговорить с ученым собеседником! Ха-ха...

Он уже расплачивался за курицу и пиво.

Опять приезжал на Патпонг, доснять кадры, на этот раз — полотнища с надписями «Добро пожаловать, американские боевые моряки!»

— Сочинили свою историю? — спросил «фотограф» Дан. В то время я не знал, понадобится ли вообще этот материал для печати где-либо. Поэтому пожал плечами.

Но он не унимался.

— Вы что же, хотите здесь все переделать?

Ремешок с черепами, сердцами и прочим снова сидел на его голове.

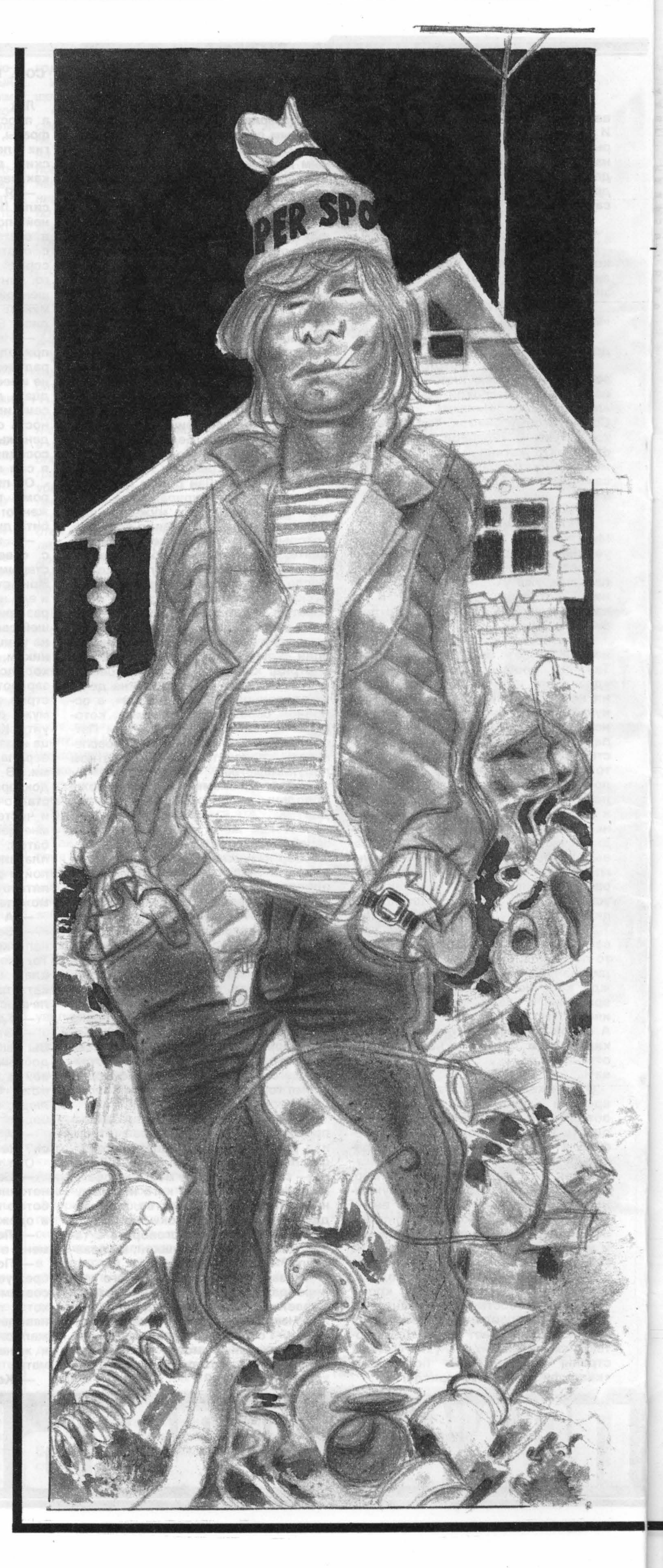
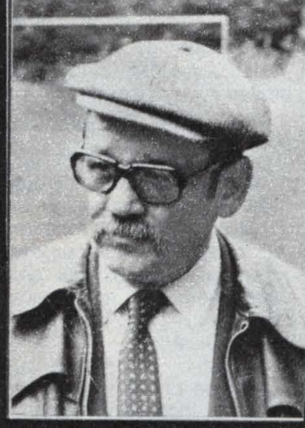

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Рассказ-быль

КРУПНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Председатель был молод и задирист и все вспоминал, как они в Москве выступали с одним космонавтом. Космонавта он деликатно называл полковником, просто полковником без имени, они в гостинице выступали не то «Россия», не то «Юность» после заседаний комсомольского съезда, на котором оба были делегатами. «Ну, полковник,— говорил председатель,— ну, заводной мужик...— И щурился, и качал головой, и шофер Петруччио, конопатый деревенский парень с большими руками, тихо хихикал, потому что, наверное, знал какие-то подробности, которых нам председатель не сообщал.— Ну, полковник, ну, такой прямо затейный...»

Потом председателя снимут, мне рассказывали, что у него окажется лишних 150 коров, они нигде не значились, план на них не спускали, а молоко шло в колхозные показатели и очень влияло, там еще что-то выяснилось, какие-то деньги, следователь приезжал из области, Толик Перегудов, зараза — «был бы человек, статья найдется» — такая у него присказка, и еще — «знаете, понимаете» через слово. Сколько выпито было, кто считал! не об этом речь! — продал, не продал, у него инструкции, завели дело, председатель нажал на все педали, может, он даже и своему космонавту в Москву звонил, я не знаю, рассказывали, его вызвал к себе новый секретарь обкома, импозантный мужчина в строгом костюме, с депутатским значком — я его видел один раз на активе — покачал на руке толстое дело — хотя с какой стати? — и сказал, что вот, мол, голубчик, доигрался, а потому иди-ка на самый отстающий совхоз, поднимешь — простим все грехи молодости, не поднимешь — на себя и пеняй. Председатель заплакал и согласился, но я не о том. Был еще с нами той душистой весной архитектор Михаил Николаевич, большой хвастун и лауреат. Мы ехали из Москвы на его новой белой — цвета «белая ночь» — машине, за рулем сидел колхозный шофер, который специально прибыл из «Альбатроса», потому что архитектор был стар, машину держал больше для престижа — ему одна журналистка сдавала гараж, и он очень об этом рассказывал, потому что отец журналистки был в свое время знаменитым генералом, а наш архитектор любил людей знаменитых, чем и провоцировал председателя на воспоминания о том, как они выступали с космонавтом. Архитектор сидел рядом с шофером и в маленьком портфельчике из темной сафьяновой кожи держал на коленях все документы на машину — техпаспорт, свои новенькие, совершенно девственные права и еще красную, тоже сафьяновую книжку — диплом лауреата. Когда нас останавливали, а это случалось часто: в Москве, потому что шофер не знал Москвы, а на шоссе, потому что совершенно расхристанный его вид — копна нечесаных волос, нависших над его от рождения деформированной конопатой физиономией, какая-то немыслимая оранжевая фуфайка, торчащая из-под голубой синтетической дамской куртки, которую он на себя напялил для фасона, собираясь в столицу; куртка была финская — на какую бабу она была рассчитана, мы так и не поняли,— так вот, весь вид нашего шофера настораживал сотрудников ГАИ, нас останавливали, и тогда архитектор Михаил Николаевич быстренько доставал свой лауреатский диплом. Гаишник добрел на глазах. Добрел и непременно интересовался, за что товарищ удостоен столь высокой награды. Архитектор, оживившись, начинал рассказывать про архитектуру. Интерес к нему сразу пропадал. Нас это очень раздражало: в самом деле, зачем инспектору дорожно-патрульной службы архитектура? Что изобрели? Скажи, гаубицу! Здоровую такую гаубицу, до Луны запросто можно трахнуть, а там еще что-нибудь присочинить по настроению, допустим: с платформы бьет. Человек обогатился, все хорошо, вечером будет рассказывать в семье, что сегодня остановил на шоссе одного секретного академика, профессора академических наук, умного мужика, конструктора новейших систем. Правда никому не нужна! Архитектор нас не понимал и сердился. Он вообще очень почтительно относился к своей профессии. Он ее уважал.

А шофер был в валенках, в серых, размятых, расхристанных деревенских валенках с калошами, хотя уже во всю ивановскую разливалась и сияла весна, лужи тянулись по обеим сторонам шоссе, припекало и ярко, до боли слепило солнце.

— Петруччио,— говорил председатель, обращаясь к шоферу.— Ты не сопреешь?

— Неа...

— Печку убавь.

— Шут с ней.

— Петруччио, а как у нас насчет картошки дров поджарить, к единоутробным девкам когда едем? — спрашивал председатель, усмехаясь и подмигивая мне и толкая меня локтем в бок. При этом он порывался спеть: «Девки спорили на даче...» — чего-то там они спорили, но всех слов не знал, и я понимаю, что все это — и непривычное «Петруччио», и ехидная улыбочка с подмигиванием, и, наверное, песенка про девок, все — оттуда, из той неведомой мне комсомольской жизни, из «России» и «Юности», потому что председатель хотел выглядеть светски.

Архитектор помалкивал. Он сердился. Потом его тоже обвинят в самый разгар борьбы с нетрудовыми доходами, что он будто бы завысил сметную стоимость, получал с колхоза больше, чем следовало, хотя, сколько следовало, никто толком не знал. У него были крупные неприятности, и, пожалуй, все это можно было предвидеть, но была шальная весна — свежий, летящий ветер в приоткрытом окне, мокрые леса, запахи снега, разливы рек, в самом деле подобные морям, и музыка, которую, похрипывая, наигрывал наш приемник. Архитектор не умел сердиться подолгу, а потому, крякнув, неожиданно поворачивался к нам и начинал вспоминать.

В молодости он строил многопалубные пассажирские суда для океанских трансконтинентальных линий, реконструировал разрушенные войной порты, перестраивал морские вокзалы, волноломы, причальные стенки... Он вспоминает, что носил морскую форму, темный китель капитана дальнего плавания — ему немец один сшил — и на верфях многоопытные корабельные столяры, с которыми он любил общаться, рассуждая о непростых тонкостях дела, называли его не как-нибудь, а наш кэптан. Он вспоминает. Ему приятно вспоминать. Он всегда любил море и дерево.

— Самый благородный материал, я вам скажу,— говорит он.— Мы дурачки, забыли дерево в наших каменных, бетонных и стальных городах, в наших коробках, и мы, может быть, неосознанно, но тоскуем по нему. По веточкам, по листикам. По теплу, по щедрой ласковости, по прожилкам, в которых рисуется кому просто узор и узор, а кому — линия жизни... Эх, дурачки...

Архитектору давно за семьдесят. Большая часть жизни прожита в Москве, море не в счет, хотя Москва тоже столица пяти морей.

— Балтийское, Белое, Черное, Каспийское...— встрепенувшись, считает председатель, зажимая пальцы.— Четыре! — И неожиданно вспоминает Азовское.— Пять! Пять морей.

Сходимся на пяти и едем дальше.

Михаил Николаевич строил (он говорит, **возводил**) в Москве жилые многоэтажные дома, один высотный дом, рестораны, кинотеатры, Дворец пионеров и был удостоен Государственной премии, за что конкретно, мы так и не поняли: как раз, когда он подходил к сути, ГАИ теряло к нему всякий интерес и возвращало нарядный диплом, скучным голосом желая счастливого пути. «Будьте осторожней...»

В общем-то когда-то ему не повезло, что-то у него там не сложилось, в прежней его жизни — а то с какой стати было вспоминать ему слова знаменитого генерала, который считал, что отличился **недостаточно** (так выражался тот генерал, в гараже которого стояла его машина), и он хотел, мы это понимали, в ту весну начать все сначала.

Над ним подсмеивались его коллеги в Доме архитектора на улице Щусева, у них там своя компания собирается, теплая такая компашка, все пенсионеры, дети солнца. «Это у него скорей всего случайное увлечение»,— говорили они. «Это пройдет»,— снисходительно соглашались другие, и был там один среди них с небрежно повязанным бантиком, пижон и стрекулист, похожий на кота, который особенно досаждал нашему зодчему и, выпив свою чашку жидкого черного кофе, говорил: «Зачем вам эта карусель, Миша?» Нет, нет, нет, все было не так просто!

— В молодости работаешь для женщины. Надо понравиться, доказать, завоевать. Все языческие какие-то импульсы. В мои годы хочешь гармонии, хочешь докопаться до смысла и понять. А чего понять? Я и сам не знаю чего...— Это он добавляет чуть погодя и поднимает вверх руку в перчатке, чтоб ударить в подволок. Раз и еще раз. И то же самое другой рукой.

На следующий день, разоткровенничавшись, сидя верхом на потолочной балке нового дома, еще не подведенного под крышу, еще пахнущего живым лесом, острым скипидарным настоем еловых опилок, маэстро вытягивает ноги в каких-то немыслимых, совершенно обалденных сапожках на высоком каблуке и продолжает:

— В молодости любовь, страсти. Кошмарное дело! Все это, помимо всего, требует уйму времени и делает тебя зависимым от случая. Зрелость приходит медленно. Она не есть продукт дряхлости, она должна освободиться от шелухи.

— Да какой же вы старый! — возмущается бригадир Николай Ивáнов, не Иванóв и, с мягким чмоком вколов топор в бревно, кособоко тянется в карман за папиросами: разговор обещает коснуться интересных тем.— Где ж старость? Не вижу... Вы бойкий товарищ. Вчера, как приехали, бабоньки наши спрашивают, вы из машины вылазите, а скажи, сколько годов Михаилу Николаевичу. С фермы шли. Женщины...

— Годов...— грустно усмехается наш архитектор.— Годики, ходики, спешат себе, спешат... Не ценим минуты.

— Золотые ваши слова!

Мы сидим на потолочных балках, сверху хорошо видно, как петляет, дымится на припеке мокрая дорога, ведущая в райцентр, слева — здание колхозной фермы, грязный, раскисший двор, навоз и клочья еще не растаявшего снега, гора сена, прикрытая парусящей на ветру полиэтиленовой пленкой, перед распахнутыми воротами буксует трактор с выломанной дверцей, виден профиль механизатора, его ар-

мейская куртка с серо-голубым цигейковым воротником, на солнце ярко посверкивают пуговицы, ветер доносит завывание мотора; справа — вышки высоковольтной передачи широко шагают через озимое поле далеко, далеко за притихшие леса, закрывающие линию горизонта.

— Красота...— говорит маэстро мечтательно-отрешенным голосом.

Бригадир Николай одобрительно крякает, разлапистой желтой ладонью отгоняя на сторону едкий табачный дым, удивительно пахнущий в весеннем воздухе и вызывающий головокружение.

— Если серьезно, со всей ответственностью задуматься,— продолжает наш дядя Миша, поигрывая бровями,— человеку нужен дом, жилище, очаг, без очага человек на этой земле квартирант.

— Бездомный.

— Это ладно, бездомный, он не может быть счастлив. Четыре стены нужны человеку и крыша над головой, так природой устроено и что тут поделаешь?

— А ничего! Факт надо понимать,— соглашается бригадир Николай и хочет рассказать, как у них, на правлении, распределяли жилье и какой Сталинград женщины устроили: с детьми пришли, старух посадили в коридоре, плач, визг, у всех справки. Он так и говорит — Сталинград, но продолжать не может, потому что гость перехватывает инициативу:

— Душа болит! Человеку дай дом, крышу дай над головой, тогда культуру с него требуй, тогда трезвый образ жизни будет, производительность труда, качество, любовь к Отечеству, все вместе, любовь, а не шуры-муры, не просто слова о любви.

— Любовь нельзя требовать,— говорю я.

— Оставьте! Вечно вы к слову цепляетесь.

Плотники принимаются за работу. Работают не спеша, ловко, все у них играючи получается и, полюбовавшись работой, сверив реальность с чертежом, маэстро в раскоряку спускается вниз по приставной нестойкой лестнице, раздергивает «молнию» на кожаной своей курточке, потому что наверху — ветер, внизу же, на земле, разливается умиротворенная, расслабляющая весенняя теплынь, наполненная сложными запахами деревенского бытия — мокрой, подсыхающей земли, талого снега, коровьего навоза, прошлогодней, пыльной ромашки, буйно разросшейся на пустыре, вплотную подступившем к строительной площадке, то есть к задам новой улицы,— таков масштаб: строится улица, сразу четная и нечетная стороны, сразу два ряда одинаковых рубленых домов-близнецов, слева — крыльцо, справа — крыльцо, слева, справа, все по ранжиру, одинаковые изломы крыш, одинаковые окна, и на каждом крыльце по два одинаковых резных столбика, будто шагнувших из другой эпохи, с крыльца боярского терема, и наличники на окнах одинаково украшены той же резьбой. (Приехал из Москвы умелец с электромотором и вот режет по трафарету с утра до обеда, когда не пьет. А по вечерам пьет непременно и портит девок и каждой говорит: «Я художник дизайна». Его били, но председатель строго-настрого запретил. Сказал: «Отставить!» С нас, сказал, не убудет.) Все продумано на этой улице, размечено, признано оптимальным — и линия общего забора, и хозяйственные постройки, равно отступившие в глубь прямоугольных дворов, и дорожки от не навешенных еще калиток до крыльца, с одинаковым для всех количеством ступенек, по шесть на каждый дом, и лезет в голову мысль о новгородских военных поселениях, Аракчееве, солдатчине, бунте бессмысленном и беспощадном, и всякая подобная ерунда, что очень злит председателя.

— Да с какой стати мы каженый дом должны заделывать по индивидуальному проекту? — заводится он.— Другую улицу будем по-другому ставить. Вот когда я был в Болгарии, тоже, между прочим, социалистическая страна...

Через дорогу, по весеннему времени ставшую почти непроходимым рубежом — мы с кирпичика на кирпичик ее преодолеваем,— лепится старая деревня, улица, на косогоре над речкой, еще не освободившейся от рыхлого снега,— домишки, домики, терраски, шифер, ржавое железо, облезлые трубы с выпавшими кирпичами, заплаты из случайных материалов — фанера, жесть, кусок неведомо как оказавшегося здесь авиационного алюминия. «Рашен пипл!» — с каким-то даже остервенением говорит председатель, привычным взглядом провожая телевизионные антенны на голых шестах, все сориентированные на Москву, не убранную еще вату между рамами, усыпанную для красоты серебряными мелко нарезанными бумажками от конфет и цветными ленточками, украшенную почтовыми поздравительными открытками с Чебурашкой,— и откуда только взялся этот Чебурашка, милое существо с плюшевыми ушами, в русской деревне рядом с зайчиком «А ну, погоди!» и юбилейным солдатом, строго сжимающим обеими руками в верблюжьих перчатках АК — автомат Калашникова. Под кривыми окнами лавочки — серые доски на косо вкопанных столбиках; голые еще сирени и черемухи, пожухлые стебли георгинов и золотых шаров кое-как прикрывают весеннюю наготу. Когда-то здешние места славились фруктовыми, яблоневыми садами, но лет тридцать назад — точной даты никто уж и не припомнит — вышло строгое постановление, и до сведения довели и разъяснили, что каждую яблоню впредь обложат налогом, а раз так, от греха подальше, их вырубили сами же хозяева, и уж пеньков не видно от тех садов. Иногда случайно возникнет у забора одинокая гибкая вишенка, память прошлого, но это несерьезно. Потом были еще разъяснения и еще, и все это кампаниями прошло, не оставив точной цифры: сколько их было? Одно время — это уже последнее на памяти — занялись было колхозники своим приусадебным хозяйством: телок завели, поросят, и мясо в город возили, и себе хватало, чем плохо? но тоже строго разъяснили, что все это отвлекает сельского труженика от общественного труда, он только о личной выгоде думает, и со всем этим покончили. Так и стоят с той поры пустые серые сараи, ветер гуляет в поветьях. Теперь некоторые стали брать у колхоза на откорм бычков. Выгодное дело! Но берут неохотно, и тут видится нашему председателю большая проблема непонимания главной задачи.

— Отучили, понимаешь ли, человека работать! — говорит он, почему-то понижая голос, будто кто-то может нас услышать на пустынной улице. Перед нами на подсохшей кочке пыльной мослатый петух жесткой лапой разгребает прошлогодний мусор и подзывает к себе своих подруг, и они, толкаясь, все сразу кидаются к нему, точно открыли еще одну кассу.

— Я вот, между нами,— говорит председатель, оглядываясь,— должен человека на свою сторону привлечь, а как, дайте совет, ежели он ни во что не верит? Он в Москву съездил, отоварился: мешок вареной колбасы на горбу привез, сидит у себя и смотрит этот ящик от звонка до звонка, и работать на папу Карлу с Буратиной у него желания нет.

— Жилье,— говорит архитектор.— Дом надо человеку давать.

— А пети-мети откеда? — со злобой говорит председатель, сверкая глазами, и делает такой жест, словно считает деньги.— Откеда пети-мети, дядя Миша, дорогой, если он работать не хочет? А?

— То-то и оно,— вздыхает дядя Миша, и так мы идем по старой деревенской улице, сладко пахнущей дымом и талой водой, и председатель, отшвырнув ногой подвернувшегося петуха, рассказывает, как его выбирали председателем и как он на общем собрании поднялся на трибуну и начал с нового поселка, и такую картину Рубенса нарисовал, что куда там! Все кричали и такие были прения, что инструктор райкома, который привез его сватать, сказал: «Это ты, пожалуй, лишку давал, Вова».

— Вот когда я был в Венгрии,— говорит председатель.— Там деревни — игрушечки, холодная, горячая вода, цветы, культура. А мы что, не можем?

В общем, на том собрании всем миром постановили развернуть строительство, возводить не только фермы, мастерские, гаражи, навесы хозяйственные, но и в первую очередь — жилые дома. Возводить современно, со всеми городскими удобствами, чтоб была в доме эта горячая и холодная вода, это центральное отопление, на кухне — газ, хочу, пожалуйста! ванная, уборная, не по морозу хозяйке бегать, кафельный пол, культура! чтоб перед домом не просто огород, как бог на душу положил — огурцы, укроп, но ботанические цветы! и чтоб прямая дорожка вдоль улицы осенью не утопала в грязи, а радовала бы колхозника асфальтом, и фонари, красивые фонари, как в Англии — наш председатель в Англии был с молодежной делегацией! — фонари на высоких прямых столбах освещали бы в темное время суток, в ненастный ивнинг (по-русски — вечер) дорогу идущему в гости или домой из тракторного гаража. Тут-то председатель и понял, что без архитектора никак не обойтись, нужен архитектор. Где взять? Привез одного из области хромоненького в плаще, в шляпе, целый день месили грязь, смотрели, где что можно построить, вечером отпарились в бане, сели беседовать. Архитектор пил водку, вздрагивал плечом, говорил: «Ух, круто!», и крупный, жемчужный пот катился по его равнодушному лицу. Потом он попросил тетрадочку и карандаш и, вдруг загоревшись, что-то пытался рисовать, но карандаш ломался в непослушных руках, и еще он подлизывался к председателю, подмигивал: «Я тоже деревенский. Свой дервинь-дервинь... Ты, Вовка, в душу мою загляни!» Председатель понял, что культурки у человека маловато, и насчет знаний засомневался. **Заочник.** А тот разгулялся, песню пел про то, как по деревне идет Ванька и играет в гармозень, ах на нем новая рубаха, ах на пузене — ремезень. Председателю стало обидно.

— И чего мне в душу его заглядывать? — вспоминает он, брезгливо подрагивая молодой губой.— Мне дело делай, а дела нет. Не тянет. Какая уж тут душа...

Тогда решено было поехать в Москву, найти знаменитость, поклониться в ножки и убедить. Кто-то указал на Михаила Николаевича, и вот они встретились, и председатель сказал, я из колхоза «Альбатрос», не предполагая, что всякое напоминание о море — радость для нашего маэстро, он это как комплимент принимает, ибо на полном серьезе готов настаивать, что настоящий художник должен быть готов сорваться с насиженного места, поднять якорь прожитых лет и привычек, и уйти, уплыть, скрыться с глаз долой, помолодеть, заняться любимым делом, открыть для себя новые неведомые острова в зеленом и синем (зелено-синем) океане жизни. Так он выражается, и очень ему это по душе, насчет тяжелого якоря и неведомых островов. Он всегда любил море. Море и дерево. Море осталось чудным воспоминанием. «Мальчишки,— говорит он нам,— учитесь беречь свои воспоминания, это большая культура!» А любовь к дереву оказалась постоянной, волнующей, решительной силой, зовущей к действию. Для начала он все-таки поинтересовался, откуда эдакое морское название у колхоза, расположенного в русском сухопутье, и выяснилось, что, когда создавали колхоз шестьдесят лет назад, кто-то из первых колхозников, очевидно, бывший моряк (комсомольцы хотели было создать музей, искали его фотографию, не нашли), рассказывал про гордую птицу, парящую над разбушевавшимся морем, показывал зеленую наколку на широкой груди. Ветер двадцать девятого года откидывал полу его овчинного тулупа. «Вот,— хрипел морячок простуженно, выкидывая вперед темную руку,— смотри, моя эмблема! Он ничего не боится, орел морей!» — И бил себя кулаком в грудь, а поскольку того матроса, видимо, уважали или даже побаивались, то имя гордой птицы, без страха реющей над океанскими волнами, показалось красивым, звучным, и главное — был в этом имени большой подтекст, подчеркивающий, что колхоз не боится трудностей, и если что, готов перенести любые социальные штормы.

В доме для приезжих, в котором, кроме нас, жил гладкий, на редкость ленивый кот Барс (он же Барселончик), хозяйка Маруся, убиравшая наши комнаты, молодая еще женщина, стыдливо прикрывавшая кончиками пальцев отсутствие двух передних зубов, сказала то ли просто утвердительно, то ли с долей восхищения даже:

— Галстуки у вас, Михаил Николаевич, чисто европейские!

Галстуки были самые обыкновенные, наши, советские, но Михаил Николаевич малодушно смолчал, хмыкнул только, однако вполне удовлетворенно. Наш архитектор честолюбив, любит все яркое, броское, ему нравятся дорогие авторучки, всякие ремешки, подтяжки на клипсах, фломастеры, одоранты с терпким запахом свежей зелени и одеколоны, и когда в свободную минуту в берете, с мольбертом через плечо он не спеша шагает по деревенской улице куда-то на этюды бровастый и сосредоточенный, на него во все глаза смотрят и стар, и млад. К нему еще не привыкли.

— Мы по-новому хотим жить,— говорит председатель,— все современно, со вкусом, не банально! Не изба, коттеж нам отдельный на каждую семью.— Он говорит «коттеж», а не «коттедж», и сразу не поймешь, с юмором он это или на полном серьезе, потому что наш председатель полон снисходительности к окружающему миру. (А может, это метод: так оно проще — если в чем и ошибешься, то ведь по простоте!) — Люди желают красиво жить! Новый клуб нужен, кафе... А почему нельзя кафе? Зал хотим для праздников, чтоб свадьбу, чтоб юбилей колхознику отчебучить. Спортивный объект хотим возвести, чтоб молодежь от нас не убегала к вам в лимитчики. Можно, чтоб не банально? Я от печки,— заводится председатель и в самом деле буквально начинает с того, как хозяйки пекли хлебы, каждая у себя в избе, как грелись старики — такая была аптека — от всех болезней помогала! — от простуды, от прострела, от крупозного воспаления легких...— затем вспоминается, как сушились грибы и пахучие травы, как дети по приступочкам забирались на печку послушать сказку, и делается вывод — вот оно, почему и стала русская наша печь непременным символом домашнего уюта, тепла, благополучия. А ныне? Что ныне? — такой вопрос задается в сердцах. Кто печет у нас собственный хлеб? Нет таких! Если только по выходным... Некогда да и невыгодно! Русская печь много места занимает, и хоть она дорогой образ в песнях, в воспоминаниях, в стихах, современный крестьянин не дурак, он очень охотно от нее отказывается — на, ломай! — если предложишь ему центральное отопление. Символы в реальной жизни не так уж много стоят, вот ведь что оказывается на поверку! Все переменилось. Все смешалось. Старые мерки не годятся, сегодняшняя деревня спешит за модой, доярки очень со вкусом одеваются, ходят в бельгийских кожаных пальто да в турецких дубленках, английские туфли им по списку выдают, чтоб молодежь на ферму привлечь.

— Не метод,— печально роняет архитектор.

— Метод не метод,— огрызается председатель,— а в каждой деревенской семье телевизор, радиоприемник, свои «Москвичи», «Нивы», значит, нужны

Т. В. ГЛЫТНЕВА. РАЗДВОЕНИЕ. 1986.

Т. В. ГЛЫТНЕВА. ПОГАШЕННАЯ ЛАМПА. 1983.

ПЕЙЗАЖ В МАНИХИНО

«КАК ЖАЛЬ, ЧТО ОНА УМЕРЛА...»

Начало на стр. 8.

лад, фрукты с базара, бразильский кофе. А рядом примостился совсем новенький видеомагнитофон. Художники купили его совсем недавно на один из своих больших гонораров; они давно мечтали посмотреть хорошее кино, теперь, кажется, такая возможность настала. Недавно к ним приехал журналист, но на этот раз не из западного издания, а из АПН. Сделал о них хороший материал, и эту статью напечатали. Они нам показали этот материал — действительно хороший и напечатанный. А кто-то из друзей Тамары и Володи, которого и раньше называли «левым» и неофициальным, стал неожиданно очень даже официальным — большим начальником в Союзе художников. И при этом остался порядочным и талантливым человеком. И это очень радовало. Значит, действительно — перемены. А самое главное, им обещали выделить мастерскую. У них даже на столе лежал реальный телефонный номер, по которому надо было в ближайшее время позвонить и решить последние организационные вопросы. В общем, теперь можно было, наконец, нормально жить и работать...

Тамара умерла на даче. Зимой. Поехала туда одна работать. У нее стало плохо с сердцем. Она выбежала на улицу из пустого дома. Никого не было вокруг. Ее нашли — замерзшую на снегу.

...Остались картины. Которые будут жить уже без нее.

Ирина ВЕДЕНЕЕВА

свои специалисты — портные там, которые могут сшить, как в городе, механики там, техники, вот оно. А нас все тянет к старине, будто мы как были в эпоху Петра Первого, так там и остались! Живем в подвешенном состоянии, в рай хотим, а грехи не пускают. Вы видели, как спутник пролетает над деревней серебряной звездочкой? Нет. А я тридцать лет как вижу, ну там плюс минус каждый вечер. Новое поколение выросло, а мы не думаем... Ох, не думаем... Ох, нам это еще покажет себя!

Начинается разговор о том, как было раньше, как мужики сами ставили себе избы. Не в одиночку, конечно, такое дело в одиночку не поднимешь. Друзей призывали, соседей или семьей — папа и два-три сына сначала старшему поставят дом, затем — среднему, затем — младшему, мизинному. И невестки помогали, и родственники. Специальные артели одиночные дома не ставили, пожалуй, так, ну, если самую тяжелую работу выполнить, призывали умелых людей со стороны: вязать сруб, настилать полы, вывешивать потолок... Еще со стороны, это непременно, брали умелого печника, про которого шла молва, что сложенные им печи как-то особо хорошо и экономно греют, держат тепло, и в трубе нет воя, ибо это, можно представить, какая жизнь, когда холодными, зимними ночами в темноте воет неприкаянный ветер. Старший брат рассказывал председателю, что у них там, в деревне, еще давно один прижимистый хозяин не расплатился с печниками, и те замуровали ему в дымоход не то пустую бутылку из-под шампанского, не то просто граненый стакан, только такое началось, хоть беги! Воет и воет.

— Деталь,— говорит архитектор с мечтательно-мстительной усмешкой, точно перед его мысленным взором возникает тот с бантиком, с кошачьим выражением лица из Дома архитектора.— Дааа...

— Раньше как оно, раньше... Дом на века строили, а теперь ночь переспал — и ладно,— встревает в разговор Маня и высказывает мысль о том, что каждый дом имел неповторимую внешность и являлся во сне сыну, когда тот служил срочную в далеких краях, охраняя рубежи, и дочке, когда она выходила замуж, начинала строить свою семью, свой очаг, вспоминая с нежностью, как было у папы с мамой. Нам становится грустно. Маня разливает по тарелкам принесенный из столовой грибной суп. На второе мы едим котлеты с жареным картофелем. На третье нам полагается компот сладкий до приторности и такой липкий, что случайно пролитая капля, застыв, кажется пластмассовой. Архитектор не выдерживает.

— Дитя мое, у меня диабет,— говорит он Мане.— Развести надо.

Но Маня почему-то не понимает, что значит развести, и начинает хохотать.

— Ну, Михаил Николаевич, вы даете,— радуется она, вздрагивая грудью,— с вами не соскучишься... Вы опасный мужчина.

— Это как понимать? — недоумевает архитектор.

— А так,— вильнув корпусом, говорит наша хозяйка и исчезает в кухне, откуда через некоторое время доносится звук льющейся воды — это Маня начинает мыть посуду.

Через некоторое время она предлагает нам выпить чаю, мы отказываемся, и она читает наизусть, как ей кажется, с выражением:

Люблю я крепкий чай!
Как до него я падок.
Ведь чай на поцелуй похож:
И крепок, и горяч, и сладок!

Маэстро разводит руками: у него нет слов. Но Маня еще не закончила программу.

— Чай не пил, какая сила? — спрашивает она, и сама же удивляется: — Чай попил, совсем ослаб!

Отобедав, председатель с архитектором в четыре руки снимают со стола казенную скатерть, клейменную на изнанке черным прямоугольником инвентарного штампа, расстилают свои чертежи и погружаются в строительные заботы. «Кирпич гранитный, обыкновенный, сорок тысяч,— долетает до меня.— Цемент... пошло... еще пилораму поставим... сантехника... А где ее взять, сантехнику, нет ее, и не положено нам! Ни кранóв, ни унитазов. Что делать будем? Что, что? Вертеться...» А я хожу неприкаянный вокруг по крашеным чистым половицам. В окне — весенний день, яркое, голубое небо, поле, залитое водой, и в конце его, почти у леса,— голубой трактор с подвесными какими-то орудиями. В приоткрытой форточке плавятся, перемешиваясь, теплые и холодные воздушные струи, чуть колышется легкая занавеска, белая с голубыми цветочками из той же бесхитростной материи, что и скатерть, и где-то за стеклом зудит отогревшаяся на солнце муха. Звук этот настолько уже забыт за зиму, что сначала ищешь в небе пролетающий самолет, его белый след, потом решаешь, что это доносится издали шум мотора того трактора.

Кончается обеденный перерыв. В сенях снова постукивает молоток и снова слышны неторопливые, скрипучие шаги. Там перетягивают старый диван, который принесли из правления. В колхозе есть свой мебельный мастер, его зовут Кирилл Васильевич, Кира-Вася или просто — Кира Нос, это долговязый, костлявый человек с большим усталым носом, который живет на его лице своей самостоятельной жизнью. Кирилл Васильевич прибивает маленькими гвоздиками с широкими черными шляпками новую оббивку, за которой он ездил в область,— два дня вычеркнуты из жизни! — прибивает не спеша, а нос шевелит ноздрями, вздрагивает и угрюмо собирает складки на переносице, затем издает шмыгающий звук и замирает.

— Приятный день,— произносит Кирилл Васильевич, а нос его при этом, вздрагивая, роняет светлую каплю, и все его (носа) выражение такое, будто он хочет сказать: а шел бы ты, друг, мимо куда, чего пристаешь, тебя только не хватало... Работаем.

Когда-то давно Кирилл Васильевич служил в войсках в Москве и дружил с одной москвичкой. «Я, знаешь, в юности каким пикантным был»,— говорит он с короткой усмешкой. Девушку звали Валей, отец был профессор, мать — доцент, все приставали, учись, Кира, учись, а он, как демобилизовался, поселился у них, Валя души в нем не чаяла, одна дочка, а он целыми днями лежал на койке, курил шикарные душистые сигары, а потом понял, что любит она его не искренне, собрал свои вещи и уехал в деревню.

— Кто где родился, тот там и пригодился...

— И верно. Чего в городе хорошего,— вздыхает Маня.— Работа да очередя, у нас-то по крайней мере хоть природа.

Работает Кирилл Васильевич не так чтоб замечательно, но вполне подходяще, затем садится перекурить на крыльцо, и мы беседуем насчет говядины. Точнее, насчет бычков, которых берут некоторые колхозники на откорм. Берут весной, осенью сдают и хорошие деньги получают, до двух тысяч некоторые. Конечно, можно хоть пять бычков взять, никто не ограничивает, но тогда нужно большой сарай построить, тачку, мало — две, а то и транспортер приспособить, средства вложить, но гарантий нет. Он как раз первым и произносит это слово **гарантии,** и нос его многозначительно замирает, чтоб издать легкий звук, напоминающий скрип не то весла, не то двери, но точно чего-то несомненно деревянного.

— Я постараюсь, оборудуюсь все как сказано, а гарантии? Приедут рабочие с энэмзэ (НМЗ — Новый механический завод. В области есть еще Старый механический завод и много других заводов, но Кирилл Васильевич почему-то упорно вспоминает только НМЗ, может, основания у него для этого есть, я не выяснял), приедут и раскулачат меня по первое число. Вот так, такой вот амулет печали, как говорила индийская кинокартина...

Затем мы еще успеваем, покуривая, не спеша, выяснить-таки, что с коровой тоже сразу же возникают трудности. Не так все однозначно. Мало ли что начальство говорит, оно все что хочешь скажет, а молодая семья не очень торопится обзавестись скотиной: для детей молоко лучше брать на ферме, выписать и взять (дешевле) или у пожилых соседей, надо-то всего литр-полтора. Своя корова — полно хлопот: ее каждый день дои, да корми, да мой, да хорошая корова к хозяйке привыкает и никого чужого к себе не подпустит, о чем речь, ясно, как день, а значит, молодая жена отлучится из дома ни в кино, ни в районный центр, ни в гости, ни на танцы, ни на концерт лишний раз не может. Она десятилетку кончала, она книги читает.

— Она работать не хочет,— говорит Кирилл Васильевич,— она на курсы кройки и шитья, а тут у ней корова, корма, дойка, мойка...

Не выпуская папироски, он утирает нос, как-то у него это очень ловко с мягким чмоком получается, и настаивает, что для сельского жителя вся эта учеба ни к чему. Только вред.

— Я восьмилетку кончила и не жалею,— говорит Маня, пришедшая к нам с семечками в кулаке. Она тоже сидит на крыльце, ограничив пространство, на шестой ступеньке, на ней белая заячья безрукавка, на ногах тапочки.— У нас учительница по химии была, Камила Степановна, никого не помню, ее помню. Большие знания дала.

— Корова — это, конечно, на любителя,— заключает Кирилл Васильевич и берется за прерванное дело, а Маня рассказывает, как у ее мамы была корова Рыжуха и сколько с ней было возни. Кирилл Васильевич время от времени поддакивает: «Ну так...», и нос его при этом, сладострастно трепеща ноздрями, жадно втягивает режущий весенний воздух.

Закончив свои дела, председатель с архитектором идут смотреть, как обживаются новые дома, и по пути разговор у них о том, что в сельском доме надо предусмотреть большие сени, чтобы было бы где снять рабочую одежду, развесить, высушить; нужно помещение, как хочешь его назови, сараем или мастерской, где можно постолярничать, что-то починить, сколотить, выстругать; нужна одна большая комната, конечно, с камином, не просто с печкой. Наш зодчий убедил председателя, что камин сплачивает семью, что это не просто так, когда все вместе сидят вечерами в своем доме и, перебрасываясь словами, отдыхают у живого огня.

— Это с доисторических времен, когда вашего телевизора (вашего!) и в задумке не было, сидели в своей пещере у огня,— говорит он, и председатель виновато кивает: он себе не представляет наших далеких предков, это по его лицу видно.

— Газовая плита создает комфорт, но семьи не сплачивает.

Так мы переговариваемся, шагая по новой улице, вдоль выстроившихся в линию новых домов, еще до конца не достроенных, но уже заселенных. В одинаковых окнах одинаковые занавески, цветы в расписных глиняных горшках. Умиротворение, тишина, звук падающих капель. На солнце, на подоконнике, закрыв глаза, греется кошка, подобрав под себя хвост, и девочка в доме поет тоненьким голосом: «Все может короли, все может короли...»

Михаил Николаевич между тем доказывает, что архитектура — это не дом, не улица, не площадь, город или село, архитектура, бери широко,— это то, что окружает нас и должно служить нам, быть с нами соразмерным и не давить своей тяжестью, величиной или безвкусьем. Нельзя выстроить новую деревню из домов только, как из кубиков! Нужна еще и другая сфера: нужны дороги, клубы, ясли, пекарни, вон очередь с обеда выстраивается у ларька и за чем? за хлебом, оказывается! Приехал фанерный фургон. Надо свой колбасный цех организовать и построить, чтоб колхозники в Москву не катались за этим продуктом, не тащили на себе мешки с «Отдельной» да с «Любительской», а то ведь что получается, Москва первое место в мире по потреблению колбасы на душу населения держит.

— Нас не учли!

— Вот оно откуда! Точно, точно...

— Вы в Москву вагонами, назад — мешками...

Надо построить культурный центр, чтоб будь здоров! с игровыми автоматами «Морской бой», со стадионом, пусть небольшим, но удобным, клуб привести в порядок, мечтает архитектор, еще не предполагая, какие будут у них неприятности, как их вздуют с председателем. Мимо, тяжело сотрясая весеннюю черную мокрую землю, проезжает мощный «Кировец».

— Гатилин на обед поехал! Личная у него машина,— сокрушенно определяет председатель.— Я его выгоню, ну это ж ни в какие ворота... Вот сучий потрох!

Гатилинский дом крайний, и прежде чем попасть в него, мы заходим к соседям, знакомимся, смотрим, как обживаются новоселы. Все уже обзавелись «склизкой» мебелью, у всех ковры одинаково на полу и на стене, чтоб сразу видно, и еще обязательно, помимо телевизора о четырех шатких ногах, стоящего в глубине у окна, прикрытого портьерой,— **цветомузыка.** Умелец какой-то объявился в поселке Красном, это в двадцати километрах, подключает такую конструкцию (сам ее делает), что, когда работает магнитофон, под потолком по очереди нервно вспыхивают выкрашенные в три цвета — желтый, клюквенный и пронзительно-зеленый — голые стоваттные лампочки, ввинченные в черные патроны. Новое увлечение.

Включают музыку. При дневном свете лампы вспыхивают не так ярко. Председатель подхватывает упирающуюся хозяйку.

— Москва — Калуга — Лос-Анджелос объединились в один колхоз...

— Все под корень новое,— грустно говорит архитектор,— ни одной старой вещи, никаких ни традиций, ни памяти...

— Как музычка?

— А ваше мнение?

— Говорят, красиво,— председатель на всякий случай пожимает плечами, дескать, что с ними поделаешь, рашен пипл... Архитектор хмыкает. Неторопливо подходим к самому крайнему дому, перед которым стоит обогнавший нас желтый «Кировец» с работающим двигателем. Он на малых оборотах работает, и стекла в кабине, чуть подрагивая, мелко бликуют на солнце.

— От паразит! — говорит председатель и пихает ногой тугой высокий баллон, над которым поднимается пар.— Он у меня персоналку получит...

В доме все, как у всех,— те же вещи: стенка местного производства, на полках стеклянные рюмки, приемник «Спидола» с отломанной антенной, электрический самовар и два куска импортного мыла, выставленные для красоты. Справа — спальня, неприбранная кровать, тюлевая занавеска на медной проволочке; картинка, изображающая лукошко, из которого выглядывают три котенка, слева — кухня, где сидит хозяин, широко расставив ноги, сидит на белой табуретке и из консервной банки ест морскую рыбу — камбалу в томатном остропахнущем соусе, перед ним на столе — засаленная кастрюля, погнутые какие-то вилки, надкусанные куски хлеба, пригашенный окурок в стеклянной банке. Стол застелен клеенкой, на которой изображены экзотические фрукты, подсвечники, старин-

ные часы. Такие клеенки продают шумные цыганки с грудными детьми на руках. «Клееночки, клееночки!» Дрогнула деревня!

— Привет, Гатила,— говорит председатель.— Добрый тебе день. Как живется? Пришли вот посмотреть...

Хозяин кивает, продолжая жевать крупными зубами, и пища ворочается у него во рту, как замес в бетономешалке.

— Ну как, нравится? — любопытствует председатель.— Наличники повесили, изящный узор получился. У нас наличники одного рисунка повторяются через три дома на четвертый...

— Если у вас есть свои соображения,— почему-то заискивая, говорит архитектор,— можете сделать по-своему.

Хозяин пожимает плечами, ему все равно. Он подходит к холодильнику, открывает дверцу, достает банку с молоком и прикладывается.

— Ты чего трактор гоняешь? — миролюбиво спрашивает председатель.— В скафандре, да? Ты даешь...— Председатель приближается вплотную, но никакого ответа не получает, хозяин, что называется, не видит нашего председателя в упор. Закончив обед, он утирает с лица молочные усы, и мы все выходим во двор. Снег сошел, но двор не убран, кругом битые кирпичи, ржавые огрызки труб, осколки стекла, куски шифера валяются, проволока.

— Ты б хоть прибрался,— говорит председатель.— Скоро посадки начнем, яблони можно посадить, кустарники... Сарай вон тебе построили, бычка с Алкой возьмите, растить будете, детям для воспитания полезно, думаешь, в садик сдал — и ажур? Не скажи...

Гатила нахлобучивает шапку, у него шапка такая вязаная с гребешком и надписью «Super sport», он ее прилаживает двумя руками и, кивнув нам, лезет ногой на высокую подножку трактора. Через мгновение он уже в кабине, жмет по газам, нас обволакивает сизым дизельным облаком, придающим дню фиолетовый отсвет. «Кировец», вздрогнув, мощно трогается с места. Нам видно, как Гатила ерзает, удобней устраиваясь на сиденье, потом закуривает папироску, чиркает спичкой, зажав коробок в ладони.

— Ну, шалопай,— говорит председатель сокрушенно.— Дом ему дали, заработки дали хорошие, палец о палец ударить не желает! Ни сада ему не надо, ни скотины, живет как живет — без всякой перспективы!

А что ему сад садить, думаю я, если его дед свои же деревья сам вырубал? И скотина ему зачем, если его отца за личное хозяйство так тягали, что куда там! Это ж не бесследно, и, вспомнив носатого Кирилла Васильевича, говорю:

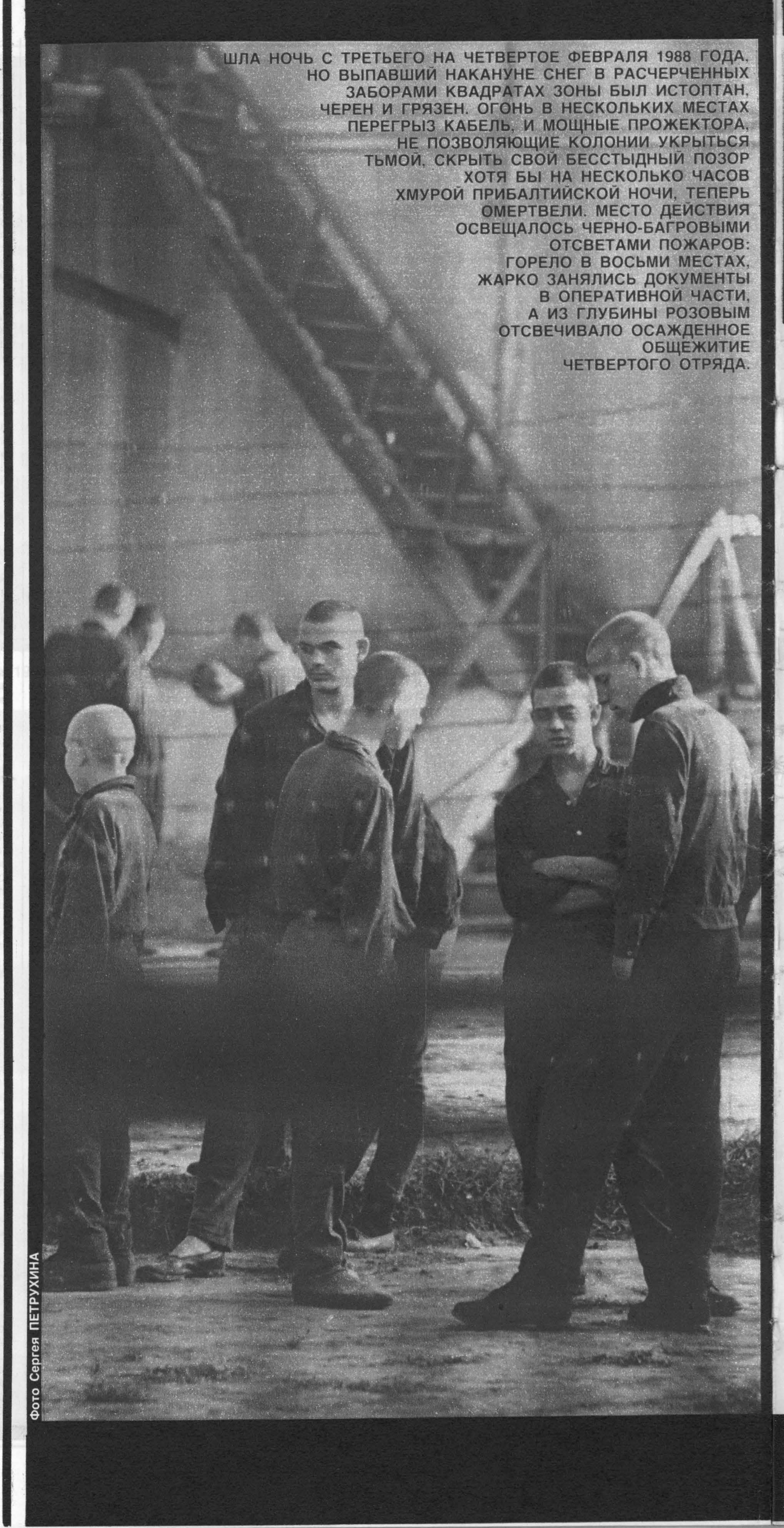
— Гарантии дай.

— Гарантии, гарантии! — взрывается председатель, сразу понимая, о чем речь.— Так ведь что будет, ежели вспоминать да вспоминать беспредельно? Надоело!

И возникает у нас в нашем разговоре новая составляющая — **гарантии**, мы про то говорим, что дом должен быть собственным и по воле начальства чтоб его не могли ни снести, ни передвинуть, а то вдруг решат новую дорогу проложить или газопровод, или линию высоковольтную, никто ж не знает, как оно завтра повернется, ведь зудит же все!

— Оно, конечно, для блага трудящихся,— огрызается председатель,— но у меня-то жизнь одна. И у него одна. Он это понимает, что ж дурака делать...

А наш архитектор шагает рядом, не прислушиваясь к нашему разговору. Легкий ветерок колышет его седые волосы, и они у него нимбиком распадаются над широкой лысиной. Он блаженствует. Он при деле. Он свои замыслы хочет осуществить. Хоть в старости. Пусть на закате. Ведь жизнь же прошла! Он еще не знает, что через неделю приедет Толик Перегудов — «Знаете, понимаете»...— и как его будут тягать по судебным инстанциям, и там разные следователи и прокуроры будут коряво подсчитывать в столбик, что и сколько он получил, и выяснять, почему, на основе каких параграфов, потому что есть указание бороться с нетрудовыми доходами. Но это будет летом, а сейчас весна, скоро зацветут луга и деревня к вечеру, когда все стихает, похожа на большой пароход, из тех его пароходов, которые возникают во сне; волнами плывет туман с реки, вечернее желтое солнце плавится в окнах, как в иллюминаторах; телевизионные антенны жадно ловят далекие сигналы; голоса, приглушенные расстоянием, доносятся, как команды с мостика, кем-то подаваемые; сушится белье, и цветные простыни полощутся на ветру, как флаги расцвечивания, и девочка с далекого берега, подпевая пластинке, поет про какого-то короля (Луи-второго), который хоть и был королем, но который так и не мог жениться по любви,— и все это в силу какой-то аберрации возвращает его в молодость, в непроходящее счастье и уверенность, что все сбудется и свершится и пребудет в восторге, потому что иначе зачем жить на этом свете.

ШЛА НОЧЬ С ТРЕТЬЕГО НА ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ 1988 ГОДА. НО ВЫПАВШИЙ НАКАНУНЕ СНЕГ В РАСЧЕРЧЕННЫХ ЗАБОРАМИ КВАДРАТАХ ЗОНЫ БЫЛ ИСТОПТАН, ЧЕРЕН И ГРЯЗЕН. ОГОНЬ В НЕСКОЛЬКИХ МЕСТАХ ПЕРЕГРЫЗ КАБЕЛЬ, И МОЩНЫЕ ПРОЖЕКТОРА, НЕ ПОЗВОЛЯЮЩИЕ КОЛОНИИ УКРЫТЬСЯ ТЬМОЙ, СКРЫТЬ СВОЙ БЕССТЫДНЫЙ ПОЗОР ХОТЯ БЫ НА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ХМУРОЙ ПРИБАЛТИЙСКОЙ НОЧИ, ТЕПЕРЬ ОМЕРТВЕЛИ. МЕСТО ДЕЙСТВИЯ ОСВЕЩАЛОСЬ ЧЕРНО-БАГРОВЫМИ ОТСВЕТАМИ ПОЖАРОВ: ГОРЕЛО В ВОСЬМИ МЕСТАХ, ЖАРКО ЗАНЯЛИСЬ ДОКУМЕНТЫ В ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТИ, А ИЗ ГЛУБИНЫ РОЗОВЫМ ОТСВЕЧИВАЛО ОСАЖДЕННОЕ ОБЩЕЖИТИЕ ЧЕТВЕРТОГО ОТРЯДА.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

БЕСПРЕДЕЛ

Леонид НИКИТИНСКИЙ

На крышах стрелял в огне шифер, обломки летели вниз, на головы толпы. Истерические крики, вой, мат-перемат стояли над зоной, захлебывались в лае овчарки, мегафонный голос начальника колонии подполковника Лебедева тонул в этом содомском гаме, да никто его и не слушал.

Жидкая цепь из солдат и офицеров с двумя ревущими с поводков собаками теснила в глубь зоны полутысячную толпу заключенных. Необходимо было во что бы то ни стало пробиться к осажденным в четвертом отряде. За высоким забором локальной зоны нельзя было ничего разглядеть и понять: живы ли они, убиты или догорают заживо. Медленно, шаг за шагом, шло продвижение. Толпа в черных бушлатах с прямоугольниками белых меток, имя, фамилия — все еще отплевываясь злобной бранью, как будто съеживалась, смирялась, упираясь в бетонные створы локалки. Но пружина бунта еще не была сломлена.

«У ментов патроны холостые! — в истошном восторге сорвавшего тормоза бунта закричал почти детский голос из толпы.— Век свободы не видать, вперед, пацаны!!!»

Толпа загудела низко, как высоковольтный трансформатор, и неотвратимо пошла на шеренгу серых шинелей. В цепь полетели камни, обломки, металлические прутья. От гаража вырулил захваченный бунтовщиками автопогрузчик со страшными железными вилами наподобие торчащих впереди усов и стал разгоняться, целясь в середину шинелей. На раздумье оставались секунды: В этой чрезвычайной ситуации офицеры сводного отряда, вызванного для усмирения бунта, открыли стрельбу: а патроны у них были, как выяснилось, отнюдь не холостые.

Айгар Кремерс, 21 год; Вернен Рупиниекс, 20 лет и Дайнис Штейнфельд, 18 лет — после извлечения свинца их трупы были переданы родным для захоронения. Было еще пятеро раненых, трое тяжко избитых, несчитанно синяков и шишек, да одному майору попало по голове лопатой. Но это уже мелочи, как и многотысячный ущерб, причиненный разграбленному имуществу колонии.

Таков был в чем-то случайный итог последовательной цепи отнюдь не случайных обстоятельств. Такова была цена, которую подневольное полуторатысячное население колонии № 7 общего режима в Латвии уплатило за извечный спор между сторонниками равенства и элитарности, если хотите, то за урок демократии.

Я постараюсь быть строгим документалистом, в своем анализе буду опираться на многочисленные протоколы допросов и документы, имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Латвийской ССР, а также на личные рассказы обитателей колонии. Договоримся не упоминать полных фамилий, а в некоторых случаях я буду лишен возможности назвать даже букву фамилии, но пусть у читателя не возникает сомнений в подлинности материала.

1. ВЫБОР

Человек должен нести ответственность за свои поступки, и, совершив преступление, он определенным образом выбирает собственную судьбу. Но преступление, особенно в молодости, может быть и случайным. Есть ли у осужденного, попавшего в колонию, дальнейший выбор, дает ли ему система ИТУ шанс, отбыв положенный срок, выбраться за ворота человеком?

Лишение свободы — тяжкое наказание, и нет нужды усугублять его унижением. Месяцами, годами быть замкнутым в огороженном глухим забором пространстве зоны, видеть одни и те же отнюдь не самые милые лица — это пытка. Но Уголовный кодекс, говоря о лишении свободы, подразумевает свободу физического передвижения, не более того. Закон не предписывает, не должен предписывать лишение человека его нравственной свободы и достоинства. Однако всякий, угодивший в седьмую колонию, вместе с кудрями или лохмами вольной мальчишеской прически лишался и права быть человеком. Происходило это уже не по государственному кодексу, а по здешнему, воровскому.

Для всякого попавшего сюда новичка, если по счастливой случайности у него не оказывалось знакомых среди **авторитетов** зоны, жизнь в колонии начиналась с «прописки».

«Меня били всего один раз, при «прописке»,— рассказывает, щеря передние выбитые зубы, отбывающий наказание за кражу Юрий И., 24 лет, бывший моряк.— Били часа три, руками, ногами и тамбурами (табуретками). Несколько часов я провалялся без сознания. Я выстоял, на метлу не подписался, поэтому с той поры меня никто не бил. Но и одного раза хватило. Мама пишет мне в колонию, чтобы я хорошо работал, перевоспитывался, она ждет меня домой, пироги печет,— буравит меня, вольного, тяжелым взглядом зэк Юра,— а я ей в ответ письмецо: «Мама, ты здесь не была». Какое перевоспитание? Когда я отсюда выберусь, я спрячусь куда-нибудь, зароюсь поглубже, не поеду я показываться маме на глаза. Я же урод теперь, я забыл нормальный человеческий язык. Зачем меня сюда посадили? Чтобы я вышел зверем?»

Разумеется, далеко не каждый способен пройти «прописку» так мужественно, как бывший моряк Юрий И., иной может распустить нюни, запросить раньше времени пощады. В этом случае его перестают бить, но сразу **опускают**, то есть морально растаптывают, превращая в «парафина» (символически облитого мочой) или «петуха» — педераста.

Их жизнь в лагере невыносима. Общаться с ними считается **западло**. Не всегда их и ночевать пускают в палату.

Для тех, кто потерял на «прописке» всего только зубы, но не кураж, открывается некоторая свобода выбора. Новенький может определить себя как **мужик** (**бык**), честно мотающий срок и воздерживающийся совать нос в чужие дела, или же объявиться **пацаном**, поддерживающим «черную масть», то есть ориентирующимся на воров: так именуют себя самые «крутые» из осужденных. Название присвоено по традиции от прежних «воров в законе», но лагерный **вор** совершенно не обязательно должен быть осужден за кражу. От него требуется быть хитрым, жестоким, знать лагерные «понятия», он должен быть по-своему закален духом, иначе ему не пробиться в «авторитеты».

Наиболее авторитетные из воров, лидеры, именуются **заправилами**. Заправила любит представляться справедливым судьей во внутрилагерных конфликтах. А самый лютый человек, с точки зрения терпеливого «мужика»,— это **шустрила**. «Шустрик» — промежуточная стадия, воровской лакей, стремящийся стать вором.

В чем же смысл, сверхзадача этой замысловатой табели о рангах, напоминающей то ли экзотическое феодальное государство, то ли детскую игру, приправленную свойственной подростковому возрасту жестокостью? Они — в колониях общего режима — и есть мальчишки, вообразившие себя «ворами». Почему «взрослые» в лице администрации взирают на эту беспощадную игру с таким благодушием?

А это выгодно и покойно. В любом ограниченном социуме, будь то школьный класс, армейский взвод, отряд в колонии, завод или государство, подавление неудобной начальству внутренней свободы всех легко достигается путем предоставления привилегий меньшинству. Для сохранения и упрочения этих привилегий, объем которых всегда ограничен, кучка сплачивается и начинает лютовать. Так создается видимость порядка.

Такова была еще при царе Иване опричнина. Такова в армейских условиях **дедовщина**. Тот же древний принцип «разделяй и властвуй» с комфортом для администрации применяется и в иных колониях, только здесь благодаря специфике так называемого контингента он приобретает самые уродливые и крикливые формы.

2. БЕСПРЕДЕЛ

После «прописки» воры оставляют новичка на месяц-другой в покое, чтобы дать ему возможность оклематься. Но вскоре с успокоившегося «мужика» начинают требовать продукты и деньги в «общак». Несмотря на запрет обращения денег в колонии, они в немалых количествах попадают сюда нелегальными путями с воли. Деньги водятся у многих «мужиков», надо суметь их взять.

Способами выколачивания денег служат прямое насилие и внутрилагерный рэкет, более изощренное вымогательство, торговля своего рода патентами. Здесь было установлено три ставки налога. «Мужик», платývший 5 рублей в месяц, освобождался от «метлы» и покупал себе относительное спокойствие. Кто-то должен был отсчитывать по 10 рублей, а «вор», имеющий собственного «шустрика», оплачивал такую привилегию 15 рублями в месяц. За забором это немалые суммы. По десятке должны были отстегивать и «мужики», желающие в свободное время заняться одним из распространенных в колонии доходных промыслов: изготовлением ножей — «выкидух» и других полезных предметов, сплавляемых затем по нелегальным каналам на волю.

Общак — строго законспирированная касса, существующая отдельно в каждом отряде и в централизованном виде в колонии. Формальная его цель — **подогрев** осужденных, отбывающих дополнительную кару за нарушение режима в ШИЗО и ПКТ. Отсюда и название налога — «на бур» (БУР — барак усиленного режима). Действительно, в камерах строгой изоляции при обысках находили водку, таблетки, одеколон, шоколад: работал на подогрев «общак». Эти предметы передава-

лись через нелегальные связи с администрацией и охраной, другого канала нет, а этот путь, разумеется, не бесплатный.

Благородная цель «общака» всячески подчеркивается «заправилами». Однако «на бур» использовалась далеко не вся наличность. Один из местных «воров», чью фамилию я, естественно, не назову, дал следствию подробные и даже хвастливые показания о том, как названные им лица из состава администрации за общаковые деньги устраивали ему пирушки, оставляли с женщиной в кабинете оперчасти, продали магнитофон.

«Мужик» с «общака» ничего не имеет, для него это бессмысленное ярмо. Однако отказ от платы «на бур» влек за собой организованный прессинг «воров». «У воров не было законных причин расправиться со мной,— рассказывает 22-летний Гунтарс К.,— но они подстроили, чтобы мастер в цехе поставил меня на пресс. Там нужна сноровка и очень трудно сразу выполнить норму. За невыполнение норм меня заводили в каптерку и били. Били раз 30—50, иногда по два раза в день. Это называется разбор, или разбираловка. Вместе со мной разбирали человек по пять-шесть «мужиков».

В конце концов Гунтарс навострился работать на прессе, но его злоключения на этом не кончились. «Меня назначили заготовщиком в столовой. Это тоже способ прессования. Если на отряд не хватает паек, заготовщик ходит голодный. Это случалось частенько. За это меня еще били. Когда паек не хватало в завтрак, обед и ужин, меня били три раза в день».

Общак — святая святых воровской системы. В сущности, вокруг него и вертится вся убогая внутренняя жизнь колонии. Способы сбора «на бур» и величина мужицкой «доли» отличают хорошую, сытую зону, в которой можно жить, от такой, в которой жить совершенно невозможно. В седьмой колонии террор и наглость «воров», а по сути, шпаны, захватившей власть, достигли той критической отметки, которая на лагерном жаргоне характеризуется емким понятием «беспредел».

Преступнику, который постоянно думает на свой лад о справедливости, глядя из-за забора на верхушки тополей, свойственны обостренные, хотя и отличающиеся от «вольных» понятия чести, совести, права. Так вот, беспредел — это такая степень несправедливости, бессовестности и насилия, которая возмущает и преступника. Это выход за рамки не только общечеловеческой морали, но и воровского «закона».

3. НАКАНУНЕ

В декабре 1987 года в 11-м отряде прошла своеобразная репетиция бунта — обошлось, правда, без крови. Об этом обыденно рассказывает Арцис С., ставший в результате переворота лидером 11-го отряда:

«У нас заправилой в отряде был Гурешидзе. Работяги пахали в две смены, как карлы. Пытались бастовать, но шустрилы Гурешидзе вызывали их на разбираловки и ставили под молотки. Мужики ходили в режимную часть с требованием прекратить беспредел. Их опять били, но они-таки добились своего: часть воров угнали в ШИЗО. Ночью в отряде оставшиеся воры хотели задушить П., который ходил к режимнику, но я случайно проснулся на соседней койке, и они убежали. Днем в цехе опять хотели убить П., но мы закидали их железными скрепами. Прапорщик Х., который видал это, отвернулся и ушел из цеха».

С января 1988 года в седьмой, как и в ряде других колоний по стране, в порядке эксперимента была введена система зачета рабочих дней. При условии перевыполнения норм выработки срок отбытия наказания осужденному сокращается с определенным коэффициентом, доходящим до 1:2. Быть может, для колоний, где есть порядок, это и неплохая идея, однако в седьмой зачеты были внедрены на основе весьма своеобразного бригадного подряда: в бригады объединили неработающих «воров» с работящими «мужиками». Разумеется, одни, заставляя других под угрозой кулака ишачить по две смены, часть этих смен записывали на себя. Отношения еще более обострились. В 4-м отряде, который вскоре станет зачинщиком бунта, администрация выделила специальную «черную» подбригаду, которая побила рекорды, выполнив нормы выработки на 2 процента. Однако оставалось неясным, как это повлияет на зачеты для других осужденных.

Не успели разобраться с зачетами, как в колонию пришло два больших этапа с Северного Кавказа и из Белоруссии, всего около 400 человек. Новеньких сгоряча обидели, обобрали, как водится, сплоченные местные воры, а те, между прочим, тоже были не робкого десятка. «Белорусы» имели за плечами достаточный опыт суровой внутрилагерной борьбы: их колония была только что расформирована в результате бунта и погрома.

Вновь прибывших растасовали по отрядам, большая группа попала в 4-й, где хозяйничали «оборзевшие» Латкин, Бородкин, Ханберг и другие. Разобщенные в обычных условиях «мужики», доведенные до отчаяния беспределом, начали консолидироваться, создавать собственное ядро. Тут им пригодился и опыт «белорусов», и пример победоносного 11-го отряда.

2 февраля делегация «мужиков» отправилась к «хозяину» с требованием «убрать из отряда борзоту, пока не поздно». Заключенные недвусмысленно предупреждали о возможности бунта. Стало известно, что «мужики» вооружаются, протаскивают в общежитие железные прутья и цепи из производственной зоны. «Воры» пока не предпринимали ответных шагов: засев в своем «черном» углу, они ограничивались глухими угрозами — так шипит, когда ей некуда отступать, перепуганная насмерть кошка.

В ночь со 2 на 3 февраля начальник отряда капитан Валерий Пютцеп остался ночевать со своими подопечными. После отбоя он закрылся в каморке красного уголка, но не до сна ему, конечно, было. Время от времени Пютцеп заглядывал в общий спальный зал, проходил, стараясь не громыхать каблуками сапог, между рядов двухъярусных коек. В тусклом свете ночных плафонов эти штабеля спящих или притворяющихся спящими производили жуткое впечатление морга, только шорох поднимался от дыхания сотни жилистых, надорванных глоток. Но Пютцеп не обманывался и не строил себе иллюзий: это был динамит.

Трезво оценивая ситуацию, он выработал единственно разумное решение: всю ночь писал на белых листах бумаги проекты решений о помещении «воров» в карцер. На следующий день предстояло найти любой предлог, пусть незаконный, для отправки полутора десятков «черных» в камеры. Но не во власти Пютцепа было это сделать: требовалась подпись начальника колонии.

Однако на следующий день начальник колонии подполковник В. П. Лебедев принял иное решение, как теперь ясно, пассивное и ошибочное. 3 февраля в 4-м отряде было проведено общее собрание, на котором председательствовал сам «хозяин». Разговор шел о зачетах, о том, как отразится на них саботаж «воров». Подполковник Лебедев как будто даже удивился, что добрая сотня «мужиков» не в состоянии вразумить какой-то десяток «воров»: «Мужик должен уметь постоять за себя».

Протокол этого собрания, конечно, не велся, но все заключенные, подтвердившие это затем в своих показаниях, восприняли позицию «хозяина» однозначно. Администрация, было дано им понять, умывает руки. Разбирайтесь сами, ребята, только чтобы не было трупов. Ну что ж, к этому они были готовы, железные заточенные прутья уже лежали под матрасами.

4. БУНТ

После собрания «мужики» 4-го отряда работали в ночную смену и вернулись в общежитие в начале первого. Не ходившие на работу «воры» бодрствовали, гужевались в своем углу. Масса заключенных в синих робах влилась в спальню и растеклась между рядами двухэтажных коек, заправленных колючими серыми одеялами, но укладываться никто не спешил. Наступило некоторое помутнение, движения замедлились, казалось, даже вращение земли вокруг своей оси сделалось ленивым, а звуки — ватными, как бывает в природе перед грозой. Не знали, с чего начать, в сознании отряда, варившем сейчас как один большой котел, шло какое-то бесцельное брожение.

Наконец Юрий К., девятнадцатилетний, из «пацанов», отчаянно шагнул в «черный» угол: «Вставайте, крысы, снимайте свои черные робы, поговорим!» Разговор с ним был короткий: «Гудок» выхватил из-под матраса нож и несколько раз ударил паренька в живот. «Пацан» зажал рану рукой и, шатаясь, побрел к своей койке. После мгновения оглушительной тишины, в которой чаши невидимых весов качались и кренились, по огромному, как ангар, спальному залу пронеслось: «Пиканули!!!»

Дальше никто ничего «не помнит». Кто кого поименно лупил, чем именно и с какого боку — это вряд ли удастся установить следствию. Да и не нужно это, между нами говоря. Били все, били за дело, самозабвенно и неистово, вкладывая в эти удары чем и по чем попало весь скопившийся месяцами запас страдания, унижения и ярости. Пружина беспредела разжалась, это должно было произойти.

В четверть первого капитан Александр Четвериков, начальник 2-го отряда, дежуривший в ту ночь в зоне, заметил под окном 4-го отряда осужденного, который деловито подавал внутрь железные прутья. Подбежав к корпусу, Четвериков увидел в окне, как на экране, всеобщее побоище, лиц бившихся было не разобрать. Он и с ним еще двое представителей администрации рванулись в спальню. Минут десять они растаскивали сцепившихся в клубок заключенных, наконец удалось разнять их на два фронта, которые продолжали озверело ругаться и грозить друг другу сквозь образованную Четвериковым нейтральную полосу. «Мужики» остывали: дело сделано.

Кое-кому из «воров» вмешательство Четверикова, возможно, спасло жизнь. Окровавленных, их стали уводить из отряда в медсанчасть. Оправившись, они шествовали по зоне гордо, демонстрируя раны. Часть избитых разбежалась по соседним отрядам — поднимать «черных» на отмщение.

«Черные» понимали, что после бескровного переворота в 11-м бунт в 4-м отряде может означать полный крах их власти в лагере, если этот бунт не будет тотчас же утоплен в крови. «Революция» и «контрреволюция» прошли в течение одной ночи, с ноля до пяти часов утра. Если первоначальный бунт в 4-м отряде был, безоговорочно, правым делом, то последующие события приняли совсем другой оборот.

Вскоре общежитие 4-го отряда, где заняли оборону «мужики», осадило человек двести — триста. Немногочисленные представители администрации были бессильны, и их оттерли, не причиняя, впрочем, никакого вреда. Нападающие пытались прорваться в помещение 4-го отряда, лезли в двери и окна, но получали решительный отпор и в крови вываливались обратно. «Выходи на разбор!» — кричали с улицы, но осажденные только матюкались в ответ и баррикадировали подступы кроватями, отлично понимая, что разбор на улице кончится трупами.

Подходить к окнам было опасно: с улицы летели камни и железо. Освещение, управляемое с наружного пульта, делало положение осажденных крайне уязвимым, снаружи за их действиями можно было следить, как за маневрами рыб в аквариуме, но они догадались разбить плафоны, и общежитие погрузилось во тьму. Нападающие, отчаявшись взять отряд приступом, стали кидать в окна факелы, горящие тряпки, куски матрасов, плеснули солляркой, бочку которой прикатили от кочегарки. Внутри задымилось, засветились пламенем косяки и подоконники, кое-где уже тлел пол. Осажденные были бы сожжены, как еретики на костре, если бы не догадались выломать батареи парового отопления: кипятком из труб удавалось кое-как заливать огонь.

Темнота, беснующаяся толпа с факелами, дым, пар, реки кипятка, тлеющие одеяла, летящие снаружи камни, языки пламени — это картина настоящих военных действий, и остается лишь отдать должное мужеству и стойкости осажденных. Чтобы не задохнуться в дыму, им приходилось ползать по полу, но оборона была непробиваема: там, внутри, стояли не на жизнь, а на смерть. Осада продолжалась около двух часов.

4-й отряд спасла пожарная машина. Заехав в тесную локалку, она ничего, естественно, не потушила, но отвлекла на себя внимание нападающих. Собственно, внутри люди знали, за что они борются, а снаружи бушевала обезумевшая толпа, которой было безразлично, на чем выместить свою злобу. Появление около трех часов утра пожарной машины еще более взвинтило толпу и направило ее агрессию против администрации. Заключенные захватили машину, выпихнув хозяев из кабины, с помощью этого мощного снаряда нашедшийся в толпе умелый шофер в считанные минуты снес все внутренние ворота в зоне. Предпринималась и попытка протаранить внешние ворота, но это вряд ли удалось бы сделать даже с помощью танка.

К счастью, за этой новой забавой толпа позабыла о дымящемся 4-м отряде, пошла неистовствовать и мародерствовать по всей зоне, круша и поджигая все на своем пути. Были разграблены ларек, медсанчасть, склады, открыты камеры ШИЗО и ПКТ: охранявший их прапорщик выдал ключи, когда к груди его приставили нож. Попытка лезть на внешнюю стену, на колючку, была пресечена выстрелами с вышки. Но толпа подобрела к самой себе, как бы утолив злобу голода, обожравшись печеньем, вылакав запас спирта, набив карманы таблетками и сигаретами, напялив штатские шапки со склада на бритые зэковские затылки. Они расслабились. В это время через систему тройных тамбуров в зону входил сводный войсковой отряд...

Пули быстро отрезвили толпу. К утру, говорят, все уже успокоилось. В жидком молоке прибалтийского февральского рассвета территория пестрела обломками, обгорелыми тряпками, хрустело под ногами, и зимний ветер нес снежок в выбитые окна. Невыспавшиеся солдаты выгоняли зэков из мерзлых общежитий для инвентаризации, подбадривая замешкавшихся дубинами и прикладами. Подполковник Лебедев и другие высшие чины были немедленно отстранены от руководства колонией. Вскоре всех «черных» числом более двух сотен «дернули» в СИЗО — следственный изолятор города Риги.

5. ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

Когда после бунта Прокуратура Латвии взялась всерьез раскапывать его корни, это очень не понравилось республиканскому Министерству внутренних дел и УИТУ МВД СССР. Их бы больше устроило, если бы нашли пару драчунов, пару заводил, кто громче всех орал, раздали б сроки, добавили, и все спокойно. Предпринимались по-

пытки блокировать более серьезные, аналитические исследования прокуратуры, лишить ее необходимой поддержки, о чем начальник следственной части Р. Я. Аксенок вынуждена была подать специальный рапорт прокурору республики.

В течение нескольких дней руководство МВД Латвии не давало корреспонденту «Огонька» попасть на территорию колонии, лишало возможности поговорить с осужденными. Запрашивалась Москва, руководство УИТУ МВД СССР тоже высказалось за отказ. Лишь после письменного заявления, поддержанного прокуратурой, с просьбой допустить в колонию или сообщить письменный мотивированный отказ тройные ворота этого «государства в государстве» наконец открылись перед представителем центральной печати.

Моя бы воля, я бы открыл доступ в колонии и разрешил бы беседы с осужденными как можно шире. Это было бы не только человечно, но и решило бы многие вопросы подлинного воспитания и контроля. Открытость зон поставила бы администрацию перед необходимостью отвечать за свои действия перед обществом, а не только перед бессловесными заключенными.

До сих пор, невзирая ни на какую гласность, исправительно-трудовое учреждение, лишенное доступа свежего воздуха с воли, варится в собственном соку, и концентрация ядовитых паров в этой замкнутой системе сосудов постоянно возрастает. Огородив колонию глухим непроницаемым забором, совершенно выведя «зону» из зоны нашей критики и гласности, органы ИТУ не слишком интересуются тем, что там, за забором, происходит.

Есть в кибернетике удобное понятие: «черный ящик». Под ним подразумевается сложная система основ внутренней жизнедеятельности, которой мы не понимаем, что, однако, не мешает нам следить за «входом» и «выходом», методом проб и ошибок находить некоторые способы воздействия на «ящик». Такова, примитивно говоря, мясорубка: вводим кусок мяса, на «выходе» имеем фарш — и не все ли нам равно, как она там, внутри, работает, покуда она вообще работает?

Колония, с точки зрения органов МВД, и является чем-то вроде такого «черного ящика». Его «выходом» должен быть вал продукции, совокупно производимой многочисленными учреждениями УИТУ, которое оставляет далеко за спиной по валовым экономическим показателям большинство промышленных и строительных министерств страны: статистика впечатляюща, но закрыта. Именно за выполнение этих валовых показателей руководство ИТУ получает премии, чины и ордена, а вовсе не за мифическую воспитательную работу. И если «выход» налажен, «ящик», бог его знает как, но работает бесперебойно, то кому какая разница, что там кипит и переплавляется внутри?

Всякую внутреннюю дестабилизацию система ИТУ старается представить как случайный сбой, не имеющий серьезного значения для конечного результата: ведь и хорошая машина может вдруг задурить и сломаться, но на нее найдется починщик, он заменит забарахлившие «шестеренки» и «винтики», благо нет недостатка в материале.

Вот и бунт в колонии №7 органы УИТУ пытаются представить как результат стечения случайных обстоятельств. (Вот-де, непродуманное введение системы зачетов. Вот-де, отдельные офицеры не справились с отдельными эксцессами, не провели воспитательную работу, слабо шевелится опер-часть. А тут еще приехали бунтари-«белорусы» — опять случайность...)

Ну, это уж никак не случайность. Ведь сотрудники МВД Латвии сами попросили доукомплектовать свой «ящик», добавить в седьмую колонию осужденных, хотя обстановку знали отлично. И были очень довольны, когда их просьбу выполнили. Перед МВД и УИТУ Латвии стояла конкретная задача: выполнить план, который оказался под угрозой в результате большой амнистии 1987 года. Получается, опасность срыва плана была стократ страшнее опасности привычных внутрилагерных драк.

Прибытие новых этапов, «зачеты» — все это звенья одной цепи, эти события, пожалуй, и сыграли роль катализатора, но никак не были случайными, как не был случайным и сам бунт. Его просто не могло не произойти. Для того, чтобы это предвидеть, не надо было даже вариться в котле колонии, достаточно было взглянуть на «выход» под другим углом зрения, познакомиться хотя бы с далеко не полным перечнем уголовных дел:

январь 1987 года — умышленное убийство; январь — избиение осужденного офицером войсковой части; январь — групповое избиение и изнасилование в ШИЗО со смертельным исходом; февраль — убийство в камере ШИЗО; май — взятка со стороны представителя администрации; июнь — причинение тяжких телесных повреждений осужденному в результате избиения молотками в цехе; сентябрь — групповое издевательство над осужденным с причинением химических ожогов, то есть пытка; сентябрь — поножовщина в цехе; октябрь — избиение в жилой секции; ноябрь — покушение на убийство; декабрь — попытка контролера пронести в ШИЗО сильнодействующие препараты; январь 1988 года — два групповых избиения; февраль — бунт.

Тридцатилетний капитан Валерий Пютцеп, два года назад пришедший работать в колонию по призыву партийных органов, изо всех сил старается напустить на себя солидность: дымчатые очки, усы, ловко сидящие погоны... Но, несмотря на этот маскарад, он выглядит слишком молодым и здоровым рядом с более молодыми, если считать годами, заключенными. Может быть, это впечатление контраста: тридцатилетний капитан, кровь с молоком, кажется юношей, а восемнадцатилетний зэк — битый-перебитый, езженный-переезженный, щербатый — выглядит сорокалетним, кажется существом вообще без возраста.

В общем-то капитан Пютцеп — справедливый, не трусливый и честный «отрядник», судя по тому, как снисходительно благоволят к нему бывалые «мужики». Но что он может? Что значит его слово для заключенных в сравнении со словом теневого «заправилы»? Вот он отбывает свое дежурство внутри «черного ящика», всем здесь чужой. Он может лишь догадываться о том, какими силами движутся не всегда понятные ему шатуны и маховики, а его команде они подчиняются не более, чем летящие над проволокой облака.

Действительным же двигателем колонии служит доведенная до автоматизма система внутрилагерного террора. Тут самый главный винт «черного ящика». А без такового террора громоздкая и неповоротливая структура колонии, рассчитанная на «выход» по валу продукции, но отбирающая у заключенного в свою пользу, не считая вычетов на робу и «баланду», 50 процентов зарплаты, просто застопорится, лишенная экономических и нравственных стимулов к труду. Система ищет «черных», и она их безошибочно находит в своем котле. Уходят одни — приходят другие.

Оперчасть седьмой колонии во главе с Владимиром Захарутиным, проводя свою политику через «воров», щедро раздавала льготы и незаконные подачки, заботливо берегла драгоценную «черную масть», оберегала от гнева «мужиков» и не врубившихся в систему, как капитан Пютцеп, работников колонии. Серый кардинал из оперчасти, не столько предотвращая преступления в колонии, сколько их провоцируя, постоянно кого-то выдвигал, кого-то задвигал и ссылал в тюрьму, вел какую-то малопонятную игру, по-моему, больше для собственного спортивного удовольствия, ну и доигрался. Его ненавидели все: и заключенные, и коллеги. Я вспоминаю не раз повторенные мне с остекленевшими глазами слова: «Эх, жаль, что Захар (Захарутин) спрятался, не вышел той ночью в цепь...»

Начальник колонии подполковник Лебедев не вникал, не вмешивался в дела оперчасти, он, по словам одного из офицеров колонии, «верил Захарутину, как Сталин Берии». Что ж, аналогия исторически не вполне корректная, зато доходчивая. А что ему было беспокоиться? План шел, можно было ждать выслуги и рапортовать: «ящик» работал исправно...

Двадцатилетний Валдис К. судимый в 1985 году за кражу, 26 марта 1988 года освободился из колонии и уехал к себе домой в деревню, в Мадонский район Латвии. Через три месяца, 24 июня, он изнасиловал соседскую девушку — инвалидку II группы, предварительно убив обоих ее родителей. Едва не разорванный на части односельчанами, он находится сейчас в тюремной больнице.

Совершенно случайно довелось мне познакомиться за ужином в гостиничном ресторане еще с одним «выпускником» седьмой колонии, меня привлек его особенный, пустой и тяжелый взгляд, который стал мне так знаком за эти дни. В лагере, откуда освободился недавно, он ходил в «пацанах», назвался Петерисом, а уж какой он там Петерис, бог его знает. Я поделился с ним тем, что вычитал у Марка Аврелия: «Против воли лишается истины всякая душа». Собеседник мой задумался и сказал, что этот Марк — как его там? — наверное, был прав. Седьмая делает тебя волком или овцой — или-или, человеком остаться нельзя.

Сюда, на общий режим, попадают юными воришками — выходят слепыми от злобы убийцами. Седьмая бесперебойно поставляет на волю самых жестоких, самых озлобленных преступников, беспредельщиков, зверенышей без человеческого лица. Зная, что происходит с человеческим материалом внутри «черного ящика», другой продукции от него нечего и ждать.

Но кто считает? Показатели рецидива вообще не влияют на оценку деятельности колонии, никто здесь не сможет ответить на простой вопрос: а сколько вы за отчетный период выпестовали убийц, насильников, воров, наркоманов? Вот если вы спросите, сколько нашлепано радиоплат или метров линолеума, это пожалуйста, ответ вам сообщат с гордостью и незамедлительно, только предупредят: не для печати, мол.

Никто не оспаривает, что труд может быть полезной частью воспитательной работы и что кормить преступников даром — для общества слишком большая роскошь. Но и гнаться здесь за выгодой, ставить во главу угла работы ИТУ план, жестко привязывать эту систему совершенно иными самостоятельными целями к большой экономике — это безнравственно и весьма расточительно.

На систему ИТУ нельзя смотреть, как на дойную корову. Цивилизованное общество обязано за ней следить и не столько качать отсюда деньги, сколько, может быть, вкладывать. Это обойдется нам гораздо дешевле, даже если переводить все дело только в рубли. Нужны малые колонии, позволяющие действительно работать с преступниками, содержать раздельно несовместимые контингенты, давать им работу по интересу, а не такую, которая вызывает отвращение и озлобление, ведь рабский труд еще никого не ставил на путь исправления. Заключенным надо больше платить, гораздо больше надо платить работникам ИТУ, потому что сегодня кадры этой системы находятся в самом плачевном состоянии: сюда, как в сточную канаву, сливаются отбросы армии и милиции, не счесть здесь взяточников, садистов и воров.

Но, может быть, сама система ИТУ и не хочет перемен? Ведь ее привычная, «экономическая» логика такова: если колонии не выполняют план, следует посадить сюда побольше народу. А что же они, прапорщики и капитаны с надсаженной психикой, будут делать, если преступники в самом деле начнут перевоспитываться?

6. ХВОСТ ЯЩЕРИЦЫ

Чем же закончилось дело в седьмой колонии? «Ворам» дали по шее, самые «борзые» отправились в следственный изолятор и за пределы республики. Ну, вот тебе, «мужик», кровью оплаченная победа: бери теперь власть в свои трудовые руки, организуй новую жизнь на коллективных, демократических началах. Пусть все работают, пусть все будут равны, пусть не будет притеснений и обид — ведь чего и делить-то? Казалось бы.

Но уже через месяц-другой из прежних равноправных, бившихся за равенство «мужиков» выделились новые «авторитеты», и всё пошло-поехало по-старому: воры, шустрилы, пацаны, ну а «парафинов» и «петухов» и при бунте никто за людей не считал. Опять одни бездельничают и «борзеют», другие батрачат, опять в моде дележка и ложки неодинаковой величины.

Все возвратилось на круги своя, и этого следовало ожидать, потому что у ящерицы, покуда она жива, сколько угодно раз вырастает новый хвост.

Эх, мужики, мужики... Жизни без «заправилы» они себе попросту не мыслят. Все их мечты в социальном плане сводятся к надеждам на доброго, справедливого заправилу.

Кстати, с нынешним известным всем заправилой седьмой колонии (кличка Медвежонок) мы говорили долго и с обоюдным интересом. Он охотно изложил свои взгляды на воровские «понятия» и вообще на лагерную жизнь. Воров-беспредельщиков Медвежонок категорически осуждает. Он вполне разделяет ту точку зрения, что мужики в 4-м отряде не могли больше терпеть беспредел, но сам порядок их действий считает неправильным и анархическим. По его мысли, притесняемые мужики не должны были впустую обивать пороги администрации, а надлежало им в известном порядке обратиться к тогдашнему заправиле зоны. И с беспредельщиками живо бы разобрались. А бунтовать-то зачем? Какой это порядок будет, если все начнут бунтовать?

Несомненно, умный парень. Но вряд ли случайно, что Медвежонок, пришедший в колонию из тюрьмы, куда его еще Захарутин упек на три года, так быстро выдвинулся в седьмой. Очень может быть, что Медвежонок — он не просто так Медвежонок, не сам по себе, вполне возможно, что у него есть «мандат» на управление колонией от больших воров, о чем бы он мне в любом случае не сказал. Воровские «законы» и «понятия» идут оттуда, от «больших воров». Для приблатненных юнцов это жестокая и экзотическая игра в небогатой развлечениями зоне, а для иных, кто сидит подальше и поглубже, это способ рекрутирования в армию преступности.

Пока что Медвежонок отвечает чаяниям зоны о справедливом заправиле. Это не его слова, это мнение всех заключенных, с которыми мне удалось поговорить. Его принципы таковы: «Дышать воздухом надо», «Бить голову не надо», а «Надо слова говорить». Что ж, так-таки «бить» голову совсем никому не приходится? Нет, приходится, если не помогают «слова».

Вот рай-то наступил за забором! Ой, не верьте, мужики, ой, не обольщайтесь. Конечно, «заправила» может быть лучше или хуже по своим чисто человеческим качествам, конечно, с «магазина» можно отдавать пять пачек «Памира», а можно и две, но логическим завершением этой по-своему стройной системы все равно будет беспредел. Система осталась нетронутой, вы в ней по-прежнему не люди, никто, и хвост ящерицы растет.

Я ИСКАЛ И НЕ НАХОДИЛ В ЕЕ ЛИЦЕ ЧЕРТЫ СХОДСТВА С МНОГОКРАТНО ВОСПРОИЗВЕДЕННЫМ ЛИЦОМ ВЕЛИКОГО БРАТА ЖОЗЕФИНЫ ЛЕОНИДОВНЫ ПАСТЕРНАК — И НЕ НАХОДИЛ. СОВСЕМ ДРУГОЕ ЛИЦО, И ДРУГОЙ ГОЛОС, И ЖЕНЩИНА ЭТА ПОДЧЕРКНУТО СТРЕМИЛАСЬ НЕ ПОХОДИТЬ НИ НА КОГО: ОНА ДАЖЕ УХОДИЛА ОТ РАЗГОВОРОВ О БРАТЕ, СЧИТАЯ ЕГО ЛИШЬ ОДНИМ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАЛАНТЛИВОГО РОДА, НЕ БОЛЕЕ.

«ПОЙМИТЕ МЕНЯ ВЕРНО...»

Виталий КОРОТИЧ

Женщина эта немолода, ей восемьдесят восемь лет — ровесница века, но движется и рассуждает она живо, оценки дает решительные. Она многое повидала и многие события века прикоснулись к ее жизни, пока жизнь эта не стабилизировалась здесь, в Оксфорде, неподалеку от Лондона, в старинном доме, купленном и перестроенном более полувека назад — с тех пор, как нынешняя владелица поселилась в нем. На картинах вокруг — знакомые лица. Прямо перед нами групповой портрет трех русских мыслителей — таких разных и таких — пусть каждый по-своему — знаменитых: Толстой, Федоров, Соловьев. «Папа рисовал с натуры,— говорит Жозефина Леонидовна.— Он очень любил Льва Николаевича и его окружение. Эта картина была ему дорога до конца жизни...»

Жозефина Леонидовна говорила и говорила об отце — знаменитом русском живописце и графике, соратнике Льва Толстого, первом ректоре ВХУТЕМАСа, о матери, выдающейся пианистке Розе Кауфман. Ей казалось, что корни фамильного дерева Пастернаков недооценены и недоисследованы, что главные в их роду — родители. Храня несколько сот работ Леонида Осиповича Пастернака, огромную переписку, связанную с судьбой семьи, она мечтает представить свое собрание целиком, может быть, в специальной пристройке к дому-музею Пастернака, открывающемуся в Переделкине. Это так далеко от Оксфорда, и она никогда не была там, но место пастернаковских реликвий — на родине, это бесспорно...

— А вы?

— О, я доживу здесь. Здесь похоронены папа, мама, муж. К тому же я не люблю путешествовать: с момента переезда сюда, на Остров, я почти не пересекала Канал — зачем? Московский племянник, Евгений Борисович, несколько раз гостил у меня, а я никуда уже не поеду, раз прежде не ездила.

— Но ведь все началось с путешествия. Как вы оказались здесь?

— Это длинная история: я великая сумасбродка, и у меня множество странных идей. Я училась в Московском университете, родители и Борис настояли, чтобы это был естественный факультет, потому что, по их мнению, научная философия значительно уступает по убедительности естественным наукам. Но тем не менее, возможно, под влиянием отца и его толстовства меня обуревало желание разобраться в христианстве, понять его как систему идей. Мне вообще казалось, что любовью и христианскими идеями можно повернуть мир к добру. И я решила уехать за границу поучиться. Мать в это время болела, и одним из аргументов в пользу моего отъезда было обещание найти хорошую клинику для нее. Вы не представляете, чего мне стоило — во всех смыслах — добыть визу. Помог А. В. Луначарский, бывший другом нашей семьи.

Села я в поезд. Мама (она до последней минуты не верила, что мне дадут визу) стоит на платформе и теряет сознание. Она плачет, я плачу. Впереди у меня трудное путешествие: высадили на польской границе, потому что не было транзитной визы, издевались надо мной за то, что я из России, и за то, что бедна, голодна. Ну ладно, до Берлина я в итоге доехала, поступила в университет, добыла визы для родных, и вскоре они все приехали — папа, мама, сестра Лида. Для папы отъезд был труден — он руководил ВХУТЕМАСом, рисовал очень много и других учил рисовать. Ему выдали пропуск в Кремль, мы очень этим гордились — папа рисовал Ленина и других членов правительства. Есть очень известный его групповой портрет — президиум седьмого Всероссийского съезда Советов в 1919 году. У вас ее воспроизводят фрагментом, только Ленина, а на

Жозефина ПАСТЕРНАК

* * *

Сделай так, чтоб я заснула.
Пусть привидится во сне
Тот, любимый и сутулый,
И Москвы февральской снег.

Много, много лет меж нами,
Город мой, легло — и век.
О Москва моя! Мы сами
Изменились больше всех.

Я во сне тебя увижу,
Ты — увидишь ли меня?
Между нами — можно ль ближе? —
Ведь всего четыре дня.

Что же нас разъединило?
Не поверят, не поймут,
Что границы проводила
Вечность — на порогах смут.

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

I

Няня приказала долго жить.
Из деревни весточку прислали.
Под зеленым абажуром в спальне —
Стыдно мне! — не рвется
жизни нить.

Мама, папа, бабушка и няня
Четырьмя столпами были мне
И поддерживали мирозданье
Наяву, в молитвах и во сне.

Вот один упал. Но все на месте.
Стыдно мне: не пошатнулся мир.
Ей — святой Иисусовой невесте
Царствие Небесное и мир.

Да простит! Я с лета не своя.
И меня не отпускает к гробу
Барщины безжалостная проба:
Первая любовь моя.

II

И эта — я.— И эта — я.
И эта — Боже мой! — и эта...
Что это — маски бытия?
Или останусь без ответа...

Иль это — легкая игра,
Затея Господа — на святки,
Когда пьянеет детвора,
А взрослые играют в прятки?

И прячет Бог мой от меня
Меня за каменную стену?
Бросаюсь в пламя из огня,
Не веря каменному плену.

Что это: сказка или сон?
Иль жизни хаос: тьмы и света?
О назови мне мой закон!
...Или останусь без ответа?

ОТРЫВОК

Пахло зубным порошком,
Мятой и утренней дрожью.
Свет пробирался ползком
В угол, и к Матери Божьей.

Коричнева и узка,
Резала форма под мышкой.
Грелся под сердцем рассказ.
Зябли учебные книжки.

Бодр был тумана маршрут.
Ночь забывалась в пенале.
Ровно на десять минут
Вечно часы отставали.

* * *

Прости меня, Господи, жадную,
О многом, о многом прошу.
Двум крошкам — сады виноградные
И по золотому ковшу.

И по золотому — родителям.
И чуда налей через край,
И часто в земную обитель к ним
За ними смотреть прилетай.

Пускай посещенья — прилежные.
Но этой молитве внемли:
О, будь с ними, Боже, невежливым,
К себе никогда не зови.

* * *

Благоуханнее садов
Возы в Успенье приезжали,
Льняноволосых наряжали,
И масло капало с голов.

Был мед прозрачнее молитв,
И золотее полдня лета,
В квадратных сотах,
как в багетах,
А жало пчел — острее бритв.

И август бликов не считал,
Пригоршней — празднично и щедро
На белый дом, и в парка недра,
И по амвону рассыпал.

И в изобильи, наугад,
В подол ссыпали, не жалея,
И солнце вызывало, грея,
Под кожей скрытый аромат.

Дышал прохладным глянцем лоск
Антоновки и боровинки,
И наливных желтел в корзинке
Сортов отборных нежный воск.

Скрипел задумчиво обоз.
Был рани воздух свежий, пряный.
И каждый чувствовал: я званый! —
И праздник Спаса в сердце нес.

ОТРЫВОК

...Был май. На серый тротуар,
Отяжелевши, запах капал.
Мальчишка, щурясь, ветки цапал
И продавать нес на бульвар.

И волей пьяная сирень
Улыбкой теплоту дарила.
Весна по-своему кроила
Не уступавший ночи день.

И вечер забывал уйти.
Но под прикрытием сирени
Все становились откровенней,
Все разговорчивей шаги.

Топтали ночь. Подняться ей
Мешал союз любви с сиренью.
В лиловых звездочках томленье
Таилось запаха слышней...

МНОГО ЛЕТ НАЗАД

На каком-то вернисаже
Он! Владимир Маяковский.
Детскость, ах! Цилиндра сажа —
Зимний, карий, свой, московский.

Наконец. Но он не страшен.
Дух не замер: он не враг мне.
Не мужских бездуший шашни,
Не влюблюсь — он бел, как агнец.

И мгновенно полюбила
Простоту его величья.
Беззаботно положила
В лик его свое безличье.

1930-е годы

портрете большинство руководителей революции, включая Троцкого и других, я вам дам слайд с полным изображением...

Папины портреты руководителей русской революции представлены во многих музеях, вот бы их собрать и издать альбом. Многих и я помню, видела — Луначарский говорил мне перед отъездом: «Ах, куда вы, милая, едете, я ведь вашего отца знаю, пропадете вы в Берлине, кто у вас там?..» Он разговаривал, как барин. Вообще в революции было много людей, которые вели себя подчеркнуто вежливо, соблюдали манеры. Не надо представлять себе революцию только лишь как разгул стихии. Я хорошо помню и тех, кто противостоял победителям революции, Керенского, например. Я с ним встречалась в шестидесятых годах, манеры его были все еще безукоризненны, он, к примеру, никогда не садился, прежде чем сядут дамы.

— Вы придаете этому такое значение?

— Понимаете ли, я многие годы прожила среди воспитанных людей, это важно. Я помню немало писателей, помню Врубеля, а также других художников самых дерзких творческих манер. Вели они себя в обществе безукоризненно. У нас часто собирались люди, музицировали, говорили об искусстве, о жизни. Мой отец очень любил самых разных людей, но непременно — четких в позиции, убежденных. Он очень интересовался Лениным, признавал огромность его натуры, стремился рисовать Ленина и других революционеров. Он мог не принимать их убеждений, но незаурядность этих людей, серьезность его восхищала. И, кстати, умение себя вести, умение спорить. У нас в доме во все времена царила атмосфера умная и добрая, хоть проходило сквозь дом множество людей, писателей, философов, художников всех направлений, студентов... Скрябин часто бывал, Рахманинов (отец писал его). Однажды Толстой, который давно уже прекратил появляться на людях, очень захотел послушать какое-то (не помню уже) трио Чайковского. Время было, извините, без радио, без звукозаписи, вам, наверное, не верится. Толстой — это семейная легенда — пришел к нам, и мама с еще двумя музыкантами играла ему. У нас тогда еще была маленькая квартирка, и трудно было пригласить гостей, даже если Толстой разрешил бы. Мы не знали, чем угостить Льва Николаевича, он ведь был вегетарианцем: мама приготовила маслины, и Толстой очень хвалил, говорил, что никогда раньше не ел маслин. Он тоже удивительно умел ощущать других людей, был благороден в манерах, эталонен, можно сказать. Во время маминой игры, когда было какое-то немыслимое пиано, вдруг вошла нянечка и, скрипнув половицей, прошла, ни на кого не глядя, но всем видом показывая, что ей неудобно, неловко, но надо пройти. Папа затем часто говорил: «Она аристократична, как сам Лев Толстой...»

— Но вы-то не видели Толстого?

— Толстого — нет. Но я помню, как приезжала супруга его, Софья Андреевна, чтобы вызвать отца к смертному одру Льва Николаевича. Отец и мать очень уважали несчастную Софью Андреевну; они немедленно поехали. Отец взял с собой Борю, кажется, Софья Андреевна все время говорила отцу: «Вы знаете, как я его любила...» Отец нарисовал мертвого Толстого. Он живого часто рисовал, а мертвый Толстой — это была мука навсегда.

— Портреты, которые рисовал ваш отец, очень выверены, спокойны, сказал бы я.

— Ну что вы! Он и сам был темпераментен и любил художников с живинкой. Помню, как отец был поражен Врубелем с первой же встречи и привлек его к иллюстрированию Лермонтова. Те, кто финансировал лермонтовские издания, упрекали папу, что он заигрывает с революционерами, а он продолжал поддерживать Врубеля, даже после того, как тот охладел к папе, не желая простить ему дружбу с Толстым. Многие левые художники не могли простить Толстому его непримиримости во взглядах на искусство...

Очень мои родители дружили с семьей Серовых. Моя мама и супруга Серова были подругами, служили вместе в консерватории и одновременно венчались. Супругу Серова звали Ольга Федоровна, и она иногда просила маму помочь ей в составлении и приготовлении диеты для страдающего желудком мужа, одно время он столовался у нас. Папа и Серов очень похоже воспринимали искусство, только папа быстро писал, а Серов медленно. Они часто говорили о знаменитых художниках как о друзьях; Рубенса, например, называли Петром Павловичем. Мы ведь зачастую жили бедно, но достоинства никогда не теряли. Однажды только папа сказал о Серове с горечью и болью, когда тот умер. «У него такое выражение лица,— сказал папа,— будто он радуется, что ушел из этой ужасной жизни...»

— И вот вы ушли от всего этого, в чужой и далекий Берлин...

— Ну не так уж... У нас были родственники в Берлине. Я, правда, жила в пансионе — не таком уж плохом, но и не в очень хорошем — по средствам. А вскоре я вышла замуж за своего кузена, он был на двадцать лет старше меня, и звали его Федор Карлович. Мы с ним очень долго жили; он умер здесь, в этом доме, в возрасте девяноста пяти лет; мы и золотую свадьбу сыграть успели.

— В Берлине жизнь была интересной?

— Знаете, было очень много русских, причем не только враждебных к Советам. Мы встречались в Берлине с Луначарским, с дипломатами Майским и Сурицем, со многими деятелями искусств. У нас Прокофьев играл. А когда папочка рисовал Эйнштейна, тот с мамой вдруг решил сыграть дуэт для скрипки и фортепьяно. У папы есть портрет Эйнштейна со скрипкой. Папочка ведь до последнего дня оставался советским подданным, он советского паспорта не сдавал никогда. Затем было много писем из России, Боря приезжал с супругой, Александр, другой брат мой, архитектор. Папа ни в каких антисоветских делах участия не принимал: «Я этого не люблю,— говорил он,— к тому же у меня сыновья в России...»

— А литературная работа брата, Бориса Леонидовича, была вам известна?

— Конечно! Но Боря всегда писал: «Я, папа, ничто перед тобой. Все, что есть у меня,— это от вас, папа и мама!» Я в Москву больше не ездила никогда. Лида, сестра, ездила, а я нет. Когда Боря болел, Лида к нему ездила. Когда Боря получил Нобелевскую премию, я знала, как ему тяжело было, но в ту пору он переписывался с Лидой, а не со мной. Это сейчас мы с его сыном, Евгением Борисовичем, подружились... А Бориса я отягощать собой не хотела.

— В русской зарубежной жизни вы участие принимали?

— Нет. В доме говорили по-русски, но никакой политики. Я издала несколько книг своих стихотворений, дам вам их, опубликуйте, что сочтете возможным, мне это было бы очень приятно. Эренбург был единственным, кого я знала и часто видела за рубежом. «Вы, Жозефина,— говорил он,— созданы для литературы, а не для семейной жизни». Но я и к литературе никогда не относилась, как к делу жизни. Знаете, передо мной не было материальных проблем. Супруг служил в банке, зарабатывал вполне достаточно. Когда нацизм совсем озверел, мы уехали в Англию и с 1938 года живем здесь, в этом домике...

— И так вы никогда не служили...

— Никогда. Жила. Думала. Воспитывала. Кухарничала. По-вашему, это неинтересная жизнь? В России я успела послужить в Главкоже. Там у меня начальником был такой Лобкович, весь черный, в коже, сапогах, с револьвером. Он говорил: «Имейте в виду, Пастернак, если вы еще раз опоздаете, я вас сдам в Чрезвычайку...» Он очень любил, когда я пугалась и говорила: «Не делайте этого, там крысы...» Папа не любил таких шуток...

— Папа переехал в Лондон с вами?

— Он уехал сюда еще раньше, потому что Гитлер во второй половине тридцатых годов преследовал советских граждан особенно свирепо. Вообще

Борис Пастернак.

Сергей Рахманинов.

жизнь его вне России и тематически, в рисовании, и воспоминаниями была связана с отчизной. Но там было все непросто, и о возвращении он говорил, но без определенности. Он много переписывался, вел записи в дневнике. Здесь вышло у него несколько альбомов, да и московское издательство «Советский художник» в 1975 году выпустило его альбом-книгу «Записи разных лет». Переиздать бы ее, такая ведь редкость. А то я даже советским визитерам дарю английское издание книги о Леониде Пастернаке. Русских — нет...

— А визитеров много?

— Не очень. Жалует меня вниманием советский посол Леонид Митрофанович Замятин, и я очень ему признательна. Но продала я несколько папиных картин на аукционе «Сотбиз», за небольшую цену продала, для жизни — хоть бы кто из Советской страны поинтересовался... Я знаю, что и Третьяковская галерея, и Русский музей, и несколько десятков провинциальных музеев России имеют папины картины. Но выставки его что-то никто не органи-

Николай Федоров, Владимир Соловьев и Лев Толстой.

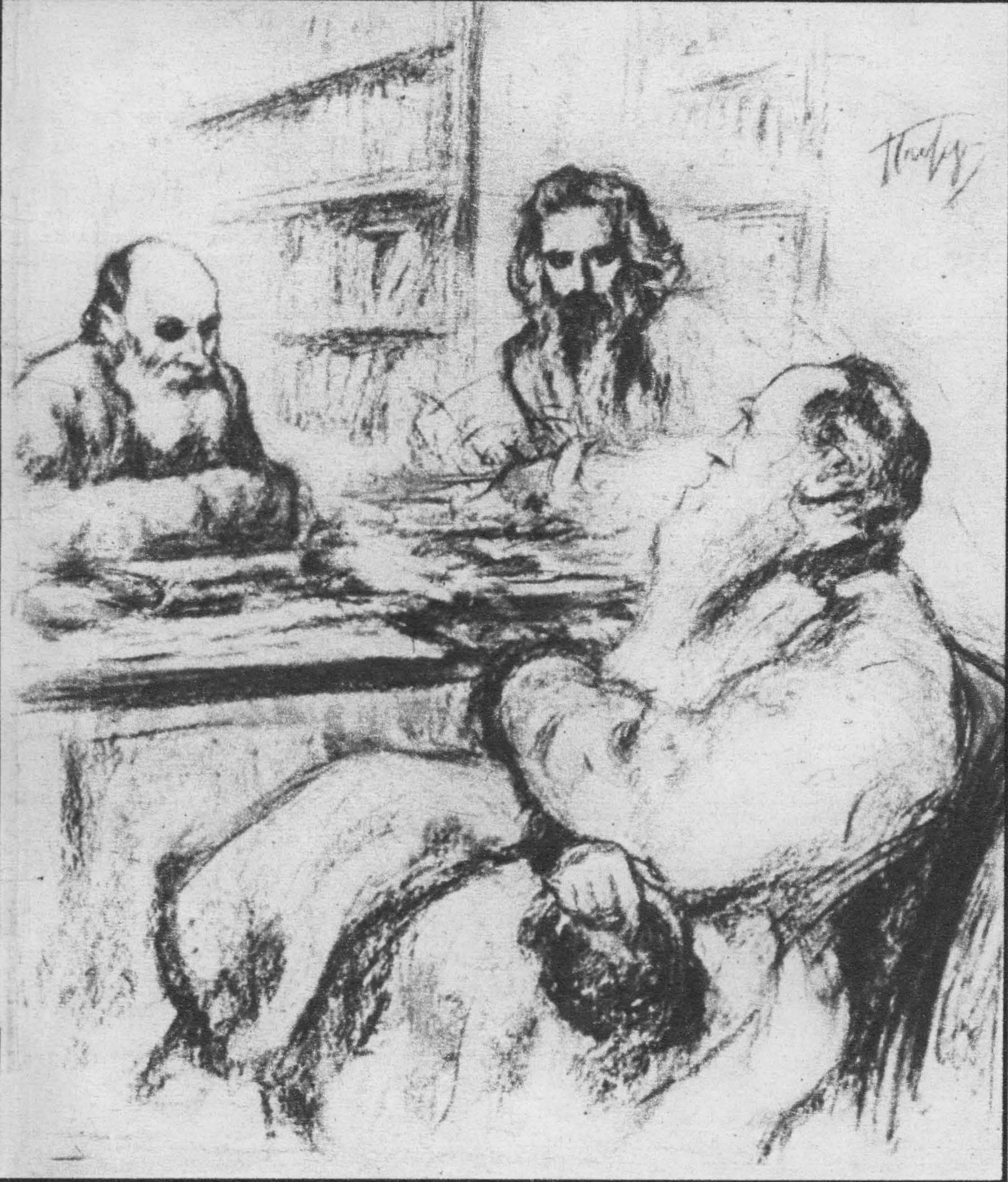
Президиум VII Всероссийского съезда Советов.

зовывает, почему? Мне очень верится, что это лишь дело времени. Тем более что история художественной культуры неотделима от нашей семьи, от папочки, от его дружбы с Репиным, Шишкиным, Коровиным, Шаляпиным — всех не перечислить. Он ведь первым Толстого иллюстрировал, а его работы к «Воскресению» переиздаются, насколько знаю, поныне. Я долго не проживу, но если и проживу долго, то сил у меня не прибавится. Так что очень хочется, чтобы род наш был жив и славен в доме своем. Борис Борисом, но поймите меня верно...

Мне кажется, что я верно понял Жозефину Леонидовну. Сейчас, когда мы столько делаем, объединяя имена и дела родной культуры, ей, право, надо хотя бы знать дороги, по которым приходят в отчий дом те, кто давно здесь не был. К нам возвратился своими лучшими произведениями Борис Леонидович Пастернак; пора пристальнее вспомнить и про отца его, одного из виднейших соавторов и свидетелей великого времени...

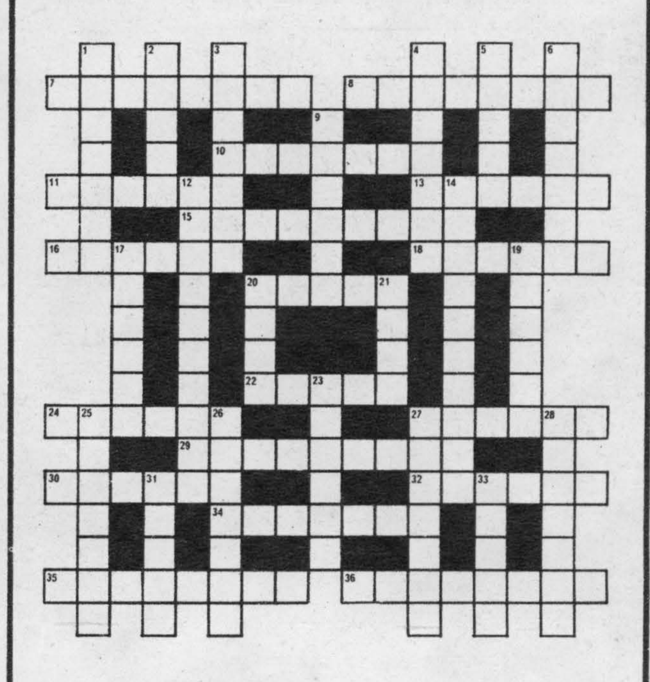
Федор Шаляпин.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Специалист, проходящий подготовку для получения ученой степени кандидата наук. 8. Академик, советский ученый в области проектирования и эксплуатации железных дорог. 10. Герой Советского Союза, командир партизанского соединения в Белоруссии. 11. Республика в Центральной Америке. 13. Порт на Адриатическом море в Югославии. 15. Местное отделение определенного учреждения. 16. Промысловая морская рыба. 18. Маслянистая жидкость, антисептик, пластификатор. 20. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 22. Пастбище. 24. Прибор, указывающий направление меридиана. 27. Название театрального коллектива молодых актеров. 29. Всесоюзное спортивное общество. 30. Единица яркости. 32. Один из Малых Зондских островов в Индонезии. 34. Продукт обжига для приготовления штукатурных растворов. 35. Травянистое декоративное растение, цветок. 36. Траектория полета самолета при снижении.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сценическая площадка для концертных выступлений. 2. Рацион питания. 3. Дорожный сосуд для воды. 4. Советская сказительница, исполнительница былин. 5. Приток реки Вишеры. 6. Горючее вещество. 9. Руководитель специальной отрасли производства, цеха. 12. Главная линия в железнодорожной сети. 14. Постоянное дипломатическое представительство. 17. Реалистическое направление в итальянской литературе, опере, живописи. 19. Публичное сообщение на определенную тему. 20. Восточное кушанье из вареного риса с мясом. 21. Единица силы. 23. Трагедия Шекспира. 25. Народный артист СССР, выступавший в Малом театре. 26. Действующее лицо в опере М. И. Глинки «Иван Сусанин». 27. Минерал, руда калия. 28. Способ бега лошади. 31. Пресноводная лососевая рыба. 33. Река на западе Великобритании.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Архитектура. 6. Флай. 7. Опока. 8. Мина. 10. Мастерок. 12. Астангов. 14. Швартов. 17. Отдел. 18. Аракс. 19. Рыжик. 20. Аруба. 22. Аэрарий. 25. Крыжачок. 27. Яблочков. 29. Дуга. 30. Образ. 31. Яйла. 32. «Коробейники».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Крейсер. 2. Кимоно. 3. Штраус. 4. Трамвай. 6. Франко. 9. Адонис. 11. Краматорск. 12. Артиллерия. 13. Адидже. 14. Шлюпка. 15. Валдай. 16. Камбуз. 19. Разряд. 21. Ангола. 23. Баталов. 24. «Коляска». 26. Огород. 28. Бузони.

Каких только нет ремесел у карандаша! Он и чертежник, и художник, и канцелярский служащий. Но вряд ли кому-нибудь доводилось изучать по карандашам географию. Во всяком случае, географию стран, их выпускающих. Рудольф Вардович Варданян обнаружил уже тридцать девять государств. Среди них Турция, Сирия, Кения, ГДР, ФРГ, Чехословакия, Франция. Есть очень красивые карандаши из Индии, где еще несколько лет назад они считались редкостью.

Карандаш был игрушкой с малых лет Варданяна — его отец был архитектором. А потом и сам стал строителем. Увлекся и стал собирать. Помогали друзья, привозившие карандаши из-за рубежа. Затем из собрания родилась коллекция. Сейчас в ней около трех тысяч весьма оригинальных экземпляров.

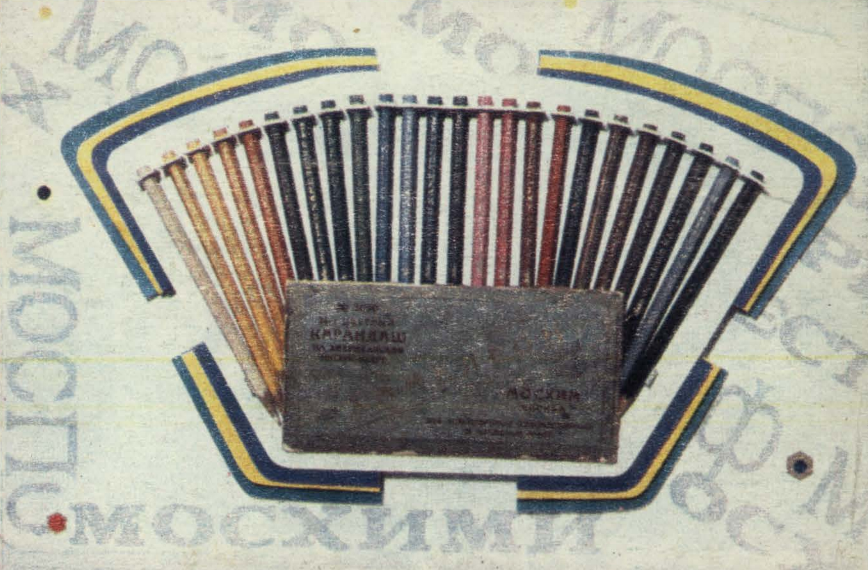

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663